

Александр ЛОЗОВСКИЙ

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ
НОВОЕ

Роман

"КНИГИ АЛЕКСАНДРА ЛОЗОВСКОГО"

Серия основана в 2020 году

АЛЕКСАНДР ЛОЗОВСКИЙ

**ХОРОШО ЗАБЫТОЕ
НОВОЕ**

Роман

Киев
paquga

УДК 821.161.1(477)'06-31
Л72

Вспомнить наше недавнее прошлое, чтобы лучше понимать сегодняшний день. А если эти воспоминания в форме серьезного и одновременно увлекательного романа - польза и удовольствие вдвойне. Именно это и ждет читателя книги Александра Лозовского "Хорошо забытое новое".

ISBN 978-966-281-154-4

© Лозовский А., 2020
© Журнал «Радуга», 2020

ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ

*В один прекрасный день мы все –
это не будет преувеличением –
проснулись эмигрантами в своей
собственной, но малоузнаваемой
стране, когда внезапно вместо
привычной команды:
«Смирно! Равняйся!»,
неожиданно прозвучало:
«Вольно! Разойдись!»,
и даже
«Спасайся, кто как может!»*

Перестройка и развал Советского Союза были, без сомнения, самыми значительными событиями со времен Второй мировой войны. Эпохальными, одними из тех, которые перекраивают судьбы мира. А что же говорить о нас, участниках и во многом подопытных кроликах этих перемен? Уж нашу-то судьбу перестройка перекроила полностью. Сознаем мы это или нет, но каждый из нас, каждый, вышел из этого котла другим человеком. Я не говорю лучше или хуже, просто другим.

А ведь основные перемены произошли в какие-нибудь пять-шесть лет, навскидку – с восьмьдесят восьмого по девяносто четвертый год. Очень недолгий срок даже по меркам человеческой жизни, не говоря уже о масштабах истории. Какова же должна была быть интенсивность этих событий?! Какая была нагрузка на каждую единицу времени и на каждую единицу жизни?!

Миллионы людей, приученных к определенному статусу, положению и образу жизни, мгновенно оказались

в совершенно ином мире, к которому не были приспособлены. Это было массовое реальное воплощение популярной в фантастике притчи о человеке, перенесенном гением чудаковатого изобретателя в какое-нибудь созвездие Стрельца. А наш чудаковатый изобретатель Михаил Сергеевич Горбачев в немом изумлении смотрел на дело рук своих...

Вспоминаю я об этом потому, что не перестаю удивляться. Почему это необыкновенное явление не находит отображения в искусстве? Я не пытаюсь высокомерно намекать на то, что, мол, «нет достойного воплощения, соответствующего величию момента»... и так далее. Дело не в этом. Нет вообще никакого воплощения, ни хорошего, ни плохого. Никакого. Я прихожу к убеждению, что существует скорее всего сознательный или подсознательный заговор молчания об этом периоде нашей с вами жизни. И мы в этом заговоре участвуем.

О политических баталиях перестройки сказано и написано много. Попадают в прозе и на экране занимательные триллеры о бандитах и новоявленных богачах примерно этого периода. А о миллионах, о простых — и не простых — людях, которые потеряли не только работу, образ жизни, но даже взгляды, вкусы и привычки, нигде не найдете ни слова. Никаких следов.

Я добросовестно пытался сам вспомнить что-нибудь увиденное на экране или прочитанное на эту тему, и почти ничего (не хочу быть безапелляционным, поэтому говорю «почти») не обнаружил. Спрашивал у друзей и знакомых — с тем же результатом. Но при этом обратил внимание, что все о том времени вспоминают с неохотой. Почему? Ведь не каждому поколению выпадает счастье(?) присутствовать на таком фейерверке истории. Казалось бы, нужно внукам и правнукам с восторгом рассказывать об этих событиях и о личном участии в них! Ан нет. В лучшем случае можно услышать: «Кому это интересно, дела давно минувших дней...»

Кажется, я нашел причину заговора молчания. В конце концов до меня дошло, что люди просто-напросто не хотят вспоминать об этом времени. Точнее о себе в этот замечательный и неповторимый с точки зрения истории период. Без обиняков свою точку зрения высказал один мой товарищ:

— Да, я не хочу об этом времени вспоминать. Не хочу. До перестройки мне казалось, что я чего-то стою, что-то знаю и умею. И внезапно, без предупреждения на смену пришло только одно безапелляционное требование: «Хочешь жить — умей вертеться». Правило буравчика. И все завертелось. И я завертелся... Как вспомню, до чего доходило, так вздрогну... Зачем мне об этом лишний раз напоминать? Уж если невтерпеж, пиши о победившей демократии. Пожалуйста, сколько угодно. А меня трогать не нужно. Восторги от обретенной свободы быстро забываются, а память об унижениях бесследно не проходит. Зачем душу травить?..

Так думают многие, если не большинство, хотя об этом говорить не принято. Причем, как ни странно, в том числе и те, кто в конце концов нашел свое место в новых условиях. Эти годы все мысленно пропускают. А по законам рынка, если нет спроса, то нет и предложения. И искусство приняло молчаливый социальный заказ, то есть его отсутствие.

Я искусство понимаю. Жить на что-то надо. И вас тоже. Стоит ли расстраивать себя воспоминаниями? Но правильно ли это? Ведь будущие археологи не найдут даже наскальных рисунков, доказывающих наше с вами существование в период перестройки.

Я решил проявить принципиальность вместе с гражданским мужеством и — на всякий случай — рассказать одну правдивую историю о моем хорошем знакомом, о его жизни в этот период. На изломе. Обещаю не нагружать вас подробностями перестройки, для этого лучше читать

специальную литературу. Больше того, не стану утверждать, что его история типична для того времени. Просто я надеюсь, что вам припомнится еще одна какая-нибудь, тоже вероятно не слишком типичная история, может, и ваша собственная. И еще кому-то... Так вместе мы сложим мозаику тех непростых и неповторимых времен. На всякий случай... Вдруг пригодится...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Итак, 1 апреля 1984 года Сева, Всеволоду Алексеевичу Фролову, исполнилось тридцать три года. Отличный повод, чтобы в тостах за праздничным столом упоминался возраст Иисуса Христа. И чтобы сам именинник мог с грустью, скорее всего показной, отметить, что для бессмертия еще ничего не сделано.

Человек на своем месте

Но по поводу пока еще не состоявшегося бессмертия Сева определенно не грустил. Неудовлетворенность жизнью его не терзала. Весь его облик, походка, манера держаться говорили о том, что перед вами человек, уверенный в себе и достаточно благополучный. Он был довольно-таки ширококостным, но не толстым, скорее худощавым — бывает и такое сочетание. Приличного роста — примерно метр восемьдесят пять, а казался еще выше из-за манеры заирать голову. Даже, пожалуй, чуть

запрокидывать ее назад, а это создавало впечатление некоторого высокомерия. Но как бы для уравнивания выражение его немного удлиненного лица было доброжелательным. И интеллигентным. Может быть такое определение — интеллигентное выражение лица? Я уверен, что может. Серые, всегда немного прищуренные глаза — чертежи, чертежи, бесконечный поток чертежей делали свое дело. Чуть крупноватый нос, чуть крупноватый рот. Но многие женщины считали его симпатичным и представительным, а это тоже немаловажная причина для хорошего отношения окружающих.

Венчала всю эту конструкцию шапка непослушных чуть рыжеватых волос. Впрочем, сам Сева считал себя шатеном.

Он выглядел ухоженным и аккуратным, костюм сидел на нем хорошо, локти и колени не оттопыривались. Когда спускался в цех, то надевал опрятный синий халат. Но с волосами ничего не мог поделать. Они, по его мнению, портили всю картину. Парикмахер уверял, что волосы у него растут квадратно-гнездовым методом. Каждый квадрат рос в своем направлении. Через несколько минут после тщательного причесывания волосы снова принимали вид первозданного хаоса. Был только один способ содержать их в относительном порядке — стричь покороче. Но слишком коротко — выделялся нос. Словом, борьба с прической велась с переменным успехом.

Манера высоко и как бы надменно держать голову не была связана с его характером, она была благоприобретенной. Севина мама где-то вычитала, что достаточно привыкнуть немного задирать подбородок, и хорошая осанка будет обеспечиваться автоматически. Длительная дрессировка в детстве принесла свои плоды, он действительно выглядел довольно стройным и подтянутым, несмотря на широкую кость, хотя остроты насчет проглоченного аршина время от времени раздавались. А доброжелательное выражение лица... На это тоже были свои причины.

Не знаю, согласитесь ли вы с моим мнением, но лица людей определенно делятся на три основных и легко различаемых типа — доброжелательные, безразличные и недоброжелательные. Даже опытному лицедею, как правило, не удается постоянно носить маску, и его настоящее лицо время от времени проявляется.

Может, эти типы обусловлены генетикой, не знаю. Но думаю, что основной причиной являются все-таки условия жизни. У Севы не было оснований становиться недоброжелательным, так складывалась его жизнь. За эти тридцать три года ему не приходилось преодолевать большие преграды, терпеть серьезные обиды, наживать смертельных врагов. Просто не приходилось. Только смерть отца была, пожалуй, единственным потрясением, но причиной ее был инфаркт, а не долгая — как нередко бывает — изнурительная болезнь. И Сева, которому тогда было 16 лет, запомнил отца здоровым, энергичным человеком. Словом, сетовать на судьбу-злодейку Сева привычки не приобрел.

Правда, как демократически и либерально настроенный интеллигент, он вместе со всеми огорчился бесконечному бардаку советской власти, но это было огорчение за нас, за всех. Скопом. Из серии «за державу обидно». А что касается лично своей жизни... Нет, серьезных поводов для расстройства у него не было. Скорее наоборот.

В тридцать три года у Севы все было хорошо. Ну, скажем, нормально, не хуже, чем у многих других. Можно даже сказать, не хуже, чем у большинства. А в чем-то и лучше. Разумеется, за исключением власть имущих, номенклатуры. Но с верхами никто и не сравнивался. Верха жили на другой планете, в другом мире, в параллельном. В тот мир, то есть выше своего уровня, народ не заглядывал. Злословил и острил по поводу власти при каждом удобном случае, но сравнивать их жизнь со своей приучен не был.

Благополучие и свобода на Западе тоже мало кого смущали. Эта идиллия представлялась некоей туманной картинкой. Не многим, живущим здесь, за занавесом посчастливилось увидеть пресловутый «свободный мир» своими глазами. Но даже эти счастливицы — свойство советской психики — не могли до конца поверить в реальность увиденного (к этим счастливицам относился и Сева — он был «выездной»). Что же тогда говорить о тех, кто только что-то читал или слышал? Это тоже были параллельные миры, попасть туда была такая же вероятность, как оказаться за экраном, в центре событий какого-нибудь роскошного голливудского блокбастера — видеть можно, пощупать нельзя.

И хотя последние годы заметно усиливались признаки растущего неблагополучия и всеобщего развала, но к этому за годы советской власти все привыкли и никаких серьезных катаклизмов в ближайшем будущем не ожидали. Мы всегда разваливались и разворовывались, дело обычное. И потом, это касалось всех вместе, а значит никого конкретно. Как все, так и мы. Все понимали, что все равно ничего изменить невозможно, наша жизнь будет такой, какая она есть. Только бы не было хуже. Вот не так давно был серьезный всеобщий перепуг, когда к власти пришел Андропов, — не вернется ли сталинский террор или что-нибудь похожее? Но пронесло, ну и слава Богу.

Итак, как и любой нормальный советский человек, Сева не заглядывал особенно вверх и по сторонам, а равнялся на своих. В таком ракурсе все выглядело действительно достойно.

Он был одним из трех главных инженеров проекта в большом и солидном конструкторском бюро большого и солидного станкостроительного завода. Самым молодым, и если не страдать от избытка скромности — а Сева от этого не страдал, — то далеко не худшим. Он вел разработку, пожалуй, самой важной продукции

завода — обрабатывающих центров. Это был последний крик моды в станкостроении. Станки были начинены электроникой и самыми совершенными механизмами, они почти все могли делать сами без вмешательства человека. Один комплект станка стоил десятки годовых зарплат Севы — а изготавливали их порядка сотни за год, — можно представить себе меру ответственности молодого инженера. Да, именно молодого, потому что сейчас полным-полно акселератов среди программистов, электронщиков и так далее, но, да будет вам известно, инженер-механик созревает позднее, это особенность профессии. Он должен на основании личного опыта знать, нутром чувствовать, какой вариант и какие соотношения достаточно надежны и будут работать, а какие решения сомнительны. Все просчитать невозможно, и нужно набить немало шишек, чтобы чувствовать себя уверенно. Возраст тридцать три года — всего тридцать три года — совсем неплохо для такой солидной должности и работы.

И все это не за красивые глаза и не по протекции. Впрочем, по протекции на такую работу не попадали. Все-таки нужно было, чтобы станки свое дело делали, а для этого ведущему разработчику требовалось умение. Да и любители синекуры на эти нелегкие хлеба не стремились. Ответственность, о которой я уже упоминал, включала неизбежные провалы, ошибки, скандалы с заказчиками и начальством, срывы сроков и прочие радости. Нагрузка на «серое вещество» иногда переходила все допустимые пределы, постоянное напряжение было нормой, но Сева считал это достоинством. Он эту работу любил, и работа любила его.

Он определенно был на своем месте, и положение его было не просто прочным, но и весьма перспективным. Это признавали все — и начальство, и подчиненные. Севу на заводе уважали, считались с ним и в главке. Он уже

получил за станок медаль ВДНХ, сейчас два его центра готовили к выставке в Ганновере, а это считалось еще более высоким достижением. И сам Сева тоже готовился к месячной поездке на выставку, включающей турне по основным станкостроительным европейским фирмам, что стоило и морально и материально дороже любой премии. Из этой поездки при достаточной экономии можно было привести покупок на сумму, которую и за год не заработаешь.

Оклад его для конструктора был довольно солидным, но для нормальной жизни явно недостаточным. И начальство полезных людей, и его в том числе, подкармливало различными премиями. А четыре года тому назад ему выделили «жигули», шестерку, предмет особой гордости и особого шика. В его холостяцкой жизни машина имела неопределимое значение. И была свидетельством благополучия.

Будущее Севы легко просматривалось, и иногда он даже расстраивался от этой определенности. Когда устанет проектировать, лет через десять, а скорее всего еще раньше, он станет заместителем главного конструктора завода, потом прямая дорога в главные конструкторы. Или что-то в этом роде. А это уже номенклатура. Словом, «цели ясны, задачи определены». На это ему уже намекали, посоветовав вступить в партию. Но вступать Сева пока не хотел из моральных соображений — вы помните, он был демократ, либерал и почти антисоветчик. Впрочем, в эти годы ироническое отношение к советской власти и родной партии уже не скрывали. Это было не только безопасно, но даже модно.

Хотя было не совсем верно сказано, что Сева совсем не задумывался о своем бессмертии. Мысли об этом в последнее время все больше одолевали его. Но не о бессмертии в историческом смысле, а в чисто житейском. Проще говоря, мысли о необходимости жениться и кого-нибудь

произвести на свет божий в качестве своего продолжения. Как все нормальные люди. Его друзья поголовно были женатиками, некоторые даже дважды, некоторые, правда, временно. Но у всех уже был штамп в паспорте, и претензий к ним быть не могло. Сева оказался исключением. Он и сам чувствовал, как из разряда завидных женихов на глазах переходит в не очень уважаемую, вызывающую подозрение и даже сочувствие категорию старых холостяков. Глаза девиц младше двадцати пяти лет уже скользили по нему, не задерживаясь.

Трудно сказать, почему Сева до сих пор продолжал свободный полет. Он не был слишком застенчивым и скромным, не был большим ходяком или чересчур переборчивым. Обычный довольно симпатичный парень, имел успех у женщин и часто этот успех реализовывал. Что ж, се ля ви, у всех бывает по-разному. Может, еще не встретилась предназначенная по распределению свыше его половинка, хотя Сева уже начал подозревать, что чем дальше, тем шансы встретить ее становятся все меньше.

Была еще причина, и возможно, довольно существенная. В свое время он уже едва-едва не женился. Было это в молодости. Собственно началось еще в школе. Сева уже и сам не помнил, с какого класса дружил, потом встречался с Таней Майоровой, красивой дочкой однофамильного полковника. Весь класс ее дружно называл Таней Полковниковой, а Севу соответственно Подполковниковым. В девятом классе они — и Сева отдавал себе отчет, что по инициативе Тани, — нарушили границу. После чего стали нарушать ее при каждом удобном случае. Таня очень любила секс и отдавалась этому занятию с упоением. Ее отец полковник Майоров был коммунистом и человеком строгих правил, поэтому Тане приходилось все время ловчить. Подруги, пикники, спортивные лагеря — все использовалось по одному основному назначению. Примерно так продолжалось

и в институте, полковник Майоров спуску дочери не давал. Какой был выход? Сева был не столь темпераментным, он мог бы вполне обходиться тем, что доставалось. Но Таня...

Короче говоря, после окончания третьего курса института (Сева учился в политехническом, Таня — в университете) они подали заявление в ЗАГС.

Свадьба была назначена на конец августа, когда студенты должны были вернуться после уборки из колхоза. В те времена помощь деревне — так это называлось — была обязательной.

Они трудились в соседних колхозах на расстоянии примерно десяти километров друг от друга. И однажды после работы Сева решил навестить невесту. Пришел уже затемно. Студенты сидели вокруг костра, пили дрянное местное вино, кто-то брэнчал на гитаре. Тани у костра он не увидел. Дальнейшее можно не рассказывать, и так понятно. Все произошло как в старом бородатом анекдоте. Направляемый сочувствующими и злорадствующими Таниными подружками, Сева застучал парочку у озера в песке под кустом за занятием, которое она так любила. Партнер растерялся, героиня неловко пыталась натянуть трусики и одновременно вытряхнуть из них песок. Все это выглядело так пошло, что Сева не почувствовал ни боли, ни обиды. Только стыд. Он не сказал ни слова, повернулся и без остановки прошагал километры обратной дороги, чувствуя, как с каждым шагом мысли о его многолетней подруге буквально выветриваются из головы. Он понял, что был не столько влюбленным, сколько ведомым. Воистину Подполковниковым...

С Таней он больше не встречался, никаких объяснений не было. «Все прошло, как с белых яблонь дым». Но с тех пор он стал побаиваться женщин, которые любили секс и знали в нем толк. А с теми, кто секса не любил, было не интересно. Проблема...

Жертвы устаревшего воспитания

С годами менять женщин становилось не слишком увлекательным занятием, зато все более трудоемким. Сева постепенно приходил к циничной мысли, что разница между ними невелика. В течение последних полутора лет он с удивительным постоянством встречался только с Людой Приходько, замужней симпатичной блондинкой 27 лет, работающей младшим юрисконсультom завода. А кроме нее, в штате был только один юрисконсульт, старший, интеллигентный старичок прошлой формации. На заводе он был известен как Львович. Одни думали, что это фамилия, другие — что отчество. Даже директор завода Филонов, который в соответствии со своей фамилией не часто посещал вверенное ему предприятие, однажды, подписывая документы, спросил:

- Постой, а кто такой Юзефпольский?
- Так это Львович.
- А-а-а.

В те времена юристы еще не пользовались таким бурным успехом, как сегодня.

Но Львович юриспруденцию любил, любил и младшего юрисконсульта, с охотой обучал ее всем премудростям законов бюрократии. Впрочем, Людочку все на заводе любили.

Ее муж Вова был каким-то ответственным поваром на пассажирском лайнере «Пиросмани», обслуживающем международные туристические линии. Должность хлебная и очень ценная. Одна беда — он находился по полгода в плавании. Кроме мужа, у Люды был сын Петя трех с половиной лет, отдельная квартира и мама с папой, проживающие в другой квартире. Ее родители с радостью брали к себе любимого внучонка в любое время и на любой срок.

Кроме перечисленных несомненных достоинств, у Люды были и дополнительные. А может, даже основные.

Люда была натуральной блондинкой, не крашенной, что сейчас является большой редкостью, даже статистика говорит об этом. Среднего роста, с отличной фигурой и тонкой талией. Может быть, ноги чуть плотноваты, самую малость — в свое время она занималась легкой атлетикой. Внешность ее была ближе к американским стандартам. Лицо на вкус местных аристократов, пожалуй, немного смуглое, губы слишком полные, улыбка слишком широкая, зубы вызывающе белые, но в сочетании со светлыми волосами и большими зелеными глазами все смотрелось отлично. Создавалось впечатление, что недостаток витаминов и химизация сельского хозяйства на нее не действуют. Тело ее зимой и летом тоже выглядело смуглым, загорелым, а значит, здоровым. И — признавали многие мужчины на заводе — соблазнительным. Сексапильным, это слово и понятие не так давно, но очень прочно вошло в обиход. Мужчины не ошибались — Люда, как Сева выяснил вскоре после знакомства, секс определенно любила. Но его это не слишком пугало — она была замужем и имела сына, а значит, угрозы жениться не было. Зато приятных минут было немало...

Но и кроме секса они оказались на удивление совместимы. У обоих был ровный, ненавязчивый характер и общие интересы. Как острил Сева, они оба «были жертвами устаревшего воспитания». И основную роль в этом играли их матери.

Мать Севы, Нина Григорьевна, закончила филологический факультет университета и уже много лет работала научным сотрудником Центральной библиотеки. Но это — уверял ее сын — было бы полбеды. Вдобавок ко всему ее бабушка, давно почившая в бозе, происходила из довольно знатного румынского рода Радулеску. Превратности сумасшедшей первой половины двадцатого века занесли ее и ее потомков в Черновцы, которые, кстати сказать, тоже были долгое время культурным оазисом в Украине.

Оказывается, воспитание и интеллигентность не выветриваются в течение двух-трех поколений, это наследие куда более стойкое, чем можно себе представить.

Мать Люды тоже в советском понимании была не из простых — она закончила консерваторию по классу виолончели и преподавала в солидной музыкальной школе.

Обе матери дирижировали в своих семьях и одновременно были там первыми скрипками. И несмотря на то, что дети не пошли по их стопам, они не выпадали из ансамбля. Оба были достаточно начитаны, но, что еще реже встречалось у их сверстников, любили и довольно хорошо знали классическую музыку, даже глубже, чем в объеме популярных, часто звучащих по радио произведений. Традицией у них стало в начале свиданий, которые, разумеется, происходили в доме Люды, включать приемник на волне музыкальной станции «Классика». И нередко посреди ночи тихонько, чтобы не слышали соседи — звукопроницаемость была отличная, — они пели любимые дуэты. Большим успехом пользовался финальный дуэт Онегина и Татьяны.

О не гони меня,
ты любишь,
и не оставлю я тебя...

Сева считал, что у него приятный «домашний» баритон, и Люда ему не противоречила. У нее был хороший характер. Согласитесь, оригинальные пристрастия в эпоху массового увлечения молодежи бесчисленными популярными певцами и ансамблями. Среди их сверстников подобные вкусы — серьезная музыка и литература — были скорее исключением, чем правилом, и уверяю вас, такое совпадение интересов очень сближает. Но, впрочем, они не были снобами и любили все, что было положено людям их возраста.

Сева приходил к Люде по субботам и обычно оставался на ночь. Иногда заявлялся и посредине недели, иногда даже чаще. Им было очень удобно и хорошо вдвоем. Люда как-то уютно и ненавязчиво хозяйничала, готовила неплохо и как бы вполсилы, то есть «не делала из еды культа». Но вкусно. Сева даже стал поправляться, лицо немного округлилось, впрочем, ему это шло. Он со временем приобрел привычку по дороге закупать продукты, даже иногда простаивая в очереди — без очереди мало что можно было купить. Дома он этим не занимался, снабжением ведала мама. Продукты брал в приличном количестве — не на один раз. «В семью пойдет», — принимая покупки, с улыбкой говорила Люда. Сева на эти темы острить остерегался, и так все стало подозрительно напоминать семейные отношения. Во всяком случае, он уже представлял себе, как может выглядеть будущая семья. Но одно было несомненно — лично к Люде это будущее отношения не имело. То, что у нее есть муж, то, что у нее есть сын, то, что она любит и лелеет секс, — этих трех китов было достаточно, чтобы даже мысленно ее кандидатура в качестве претендентки на фамилию Фролова не рассматривалась. А в дополнение к трем китам был еще один китенок — если она изменила с ним мужу, значит, изменит и ему с кем-то следующим — гласит народная мудрость. В этом Сева народу доверял полностью.

Его очень удивляло, почему она не боится соседей, почему даже время от времени ходит с ним на концерты. Само собой, он пару раз заводил об этом разговор, но в ответ получал сухой и короткий ответ: «Это мои проблемы. Значит, есть на то основание».

Сева тому не развивал. Он догадывался, что основания наверняка есть, что вполне возможно, у них с Вовой соглашение. Да и один из кухонных начальников на прогулочном лайнере, переполненном отборным женским обслуживающим персоналом, тоже вряд ли слишком

страдает от одиночества. И все-таки в глубине души эта ситуация его шокировала. Но все было так удобно устроено, да и с Людой было так приятно и легко, что он с успехом подавлял свои ханжеские мысли. «Мне-то что? Это действительно не мои проблемы».

Хотя Сева отлично знал, что все-таки это и его проблемы. Не мог не видеть, что Люда уже без него долго обходиться не может, что когда он после очередной командировки появляется на заводе, они обязательно через час-другой где-нибудь «случайно» сталкиваются, и глаза ее при встрече говорят о многом. А первый их вечер в ее квартире после перерыва затягивался до самого утра.

На заводе их связь мало для кого оставалась секретом, но по этому поводу не злословили даже женщины. К ним обоим относились хорошо, а иметь мужа, который дома бывает месяц-другой в году, удовольствие сомнительное. В Городе это понимали. Большой порт, тысячи моряков, тысячи их жен, каждый решал свои очень непростые проблемы, как умел. Осуждать других никто не торопился.

За эти полтора года Вова был в Городе два раза, оба примерно по месяцу. В свое первое появление он, скорее всего, ничего не знал. Так, во всяком случае, Люда сказала Севе. После отъезда ее мужа наступила неловкая небольшая пауза в их отношениях. У Севы даже промелькнуло желание покончить со встречами. «При живом-то муже!» — думал он. Но потом все наладилось. Прошло недели две-три, было скучно, погоды наступили ненастные, и сам же Сева сделал первый шаг.

«Мне-то что? Это действительно не мои проблемы».

Все вернулось на круги своя.

Во второй Вовин приезд было иначе. Однажды, как назло, Сева с Людой выходили после работы вместе, что бывало очень редко. Прямо на выходе из проходной их поджидал невысокий плотный блондин со свежим, улыбочивым и каким-то — показалось Севе — плакатным лицом.

– Познакомь нас, Людка. Давно пора.

Людя мгновенно превратилась в фурию. Такой ее Сева еще никогда не видел. И с тоской подумал: «Только скандала на проходной мне не хватало».

– Владимир, мы же с тобой все обсудили...

– Спокойно, никакого шума не будет. Но хоть посмотреть-то надо. Все же я живой человек. Любопытно. – И с подчеркнутой вежливостью обратился к Севе: – Очень приятно познакомиться. Меня зовут Владимир, можно просто Вова. Я сменный шеф-повар на «Пиросмани», а по совместительству муж Людочки. Ха, хорошо получилось – муж по совместительству!

И он весело рассмеялся, довольный двусмысленной остротой. Смех у этого Вовы был приятный, отработанный, женщинам должен нравиться. Как и внешность, – подумал Сева. Пришлось пожать протянутую ему руку.

– Сева...

– Знаю, наслышан.

Наступила неловкая пауза. И тут Вова, не отпуская Севиной руки, насмешливо и с ехидцей негромко сказал:

– Убить тебя, что ли?

Сева скорее растерялся, чем испугался. А если и испугался, то в основном скандала.

– Ладно, Людка, пошли. На этот раз кина не будет.

Вова резко отдернул руку и потянул Людю за собой к машине, стоявшей прямо возле проходной.

Сева с облегчением вздохнул и оглянулся по сторонам. Внимания к себе они не привлекли. И на том спасибо...

Недели через три Сева услышал по радио, что лайнер «Пиросмани» отправился в очередной цикл круизов. Буквально на следующий день Людя решительно вошла в маленький кабинет Севы, который скорее можно было назвать выгородкой.

– Нужно поговорить.

- Нужно...
- Владимир уже на пароходе. Они ушли в Канаду. Надолго...
- Знаю...

Они встретились на нейтральной территории, в кафе, куда любили время от времени заглядывать. Сева был непривычно сух и корректен. Сидел, как обычно, ровно, подбородок задран даже выше нормы. Люда тоже была непривычно взволнована и напряжена. Улыбка в этот вечер на ее губах не появлялась. Она даже — так ему показалось — немного осунулась. Оба сознавали, что скорее всего их встречам пришел конец.

В голове у Севы неотвязно вертелась позорная мыслешка — как бы Люда не подумала, что он испугался Воиновых угроз и потому решил отступить. Мысль глупая, обидная для них обоих. Он изо всех сил старался прогнать ее. Никак не получалось. «Не думай о белой обезьяне»...

Кафе, расположенное на первом этаже гостиницы, еще совсем недавно было довольно приличным заведением, оно долго держалось на плаву, барахтаясь из последних сил. Цены были не слишком дешевыми, посещала его приличная публика, алкашей и бомжей сюда не пускали. Сейчас не было никого, несмотря на вечернее время. Посетители исчезли вместе с закусками. Все, чем раньше кафе справедливо гордилось — бутерброды с красной рыбкой, с селедочкой, с копченой колбаской, с сыром, даже с икрой, — все исчезло без следа окончательно и бесповоротно. На витрине сиротливо выглядывали несколько кусочков хлеба, стыдливо прикрытых зеленоватой вареной колбасой или скрюченными тонкими листиками сыра. Успехи развитого социализма добрались и сюда.

Но коньяк еще был. И сравнительно недорогой.

Сева заказал скучающей официантке две порции коньяка пять звездочек.

– И что-нибудь на закуску.

Официантка равнодушно сказала:

– Бутерброды я не советую. – Потом после недолгого раздумья добавила: – Могу сделать яичницу с салом.

– Яичницу с салом и коньяк, – фыркнул Сева. – Дайте два кофе и две булочки.

– Булочки немного черствые...

Сева безнадежно махнул рукой. Официантка неспешно удалилась. Нужно было начинать непростой разговор.

– Я хочу тебе обо всем рассказать.

– Да.

– Наверно, нужно было это сделать раньше.

– Да, наверно, нужно было это сделать раньше, – эхом откликнулся Сева.

– Но ты не спрашивал...

– Я спрашивал.

– Для проформы. Не очень ты хотел все знать. Так было тебе удобней.

Сева хотел было обидеться, но передумал. Очень уж похоже на правду. Он сидел и молча слушал. Люда, глядя ему куда-то в лоб – не в глаза, – рассказывала связно и без пауз. Видно, не один раз прокручивала в голове свой монолог.

История была не слишком оригинальная. Подобных историй в большом портовом Городе, как я уже говорил, тысячи.

Они с Вовой жили в одном дворе и были знакомы с детства. Поженились совсем молодыми, Люде было около двадцати, Вова на три года постарше. Он закончил школу мореходного обучения. Морская форма ему шла, а выбранная специальность – судовой кок – свидетельствовала о практической сметке, но успехам у женского пола отнюдь не мешала. Он был симпатичным и улыбочивым, этот Вова. Все девчонки по соседству и подружки в институте ей завидовали. Буквально через месяц после

свадьбы — медовый месяц — Вова ушел в плавание, и молодые ни в чем не успели толком разобраться.

Люда, несмотря на молодость, знала, что роль жены моряка, который дома почти не бывает, не по ней. Но вначале у Вовы план был такой: заработать денег, купить кооперативную квартиру — и на берег. Три, ну четыре года можно и потерпеть. К сожалению, как часто бывает, жизнь все эти прекрасные планы и мечты перекроила по-своему, точнее развеяла по ветру.

На судне и за границей Вова чувствовал себя все увереннее и комфортнее, а в стране с каждым годом становилось все хуже и хуже. Это действительно были разные миры. И контраст становился все более впечатляющим не по дням, а по часам. Буквально с ужасом Вова при возвращении смотрел на совковую действительность. Родную страну он стал называть не иначе как «бомжатник», разумеется, когда никто из посторонних не слышал. И с каждым годом Люде, у которой — вам это уже известно — в жилах текла кровь, а не водица, становилось все тяжелее и невыносимее в роли безмужней жены. Самое страшное было в том, что никаких перемен не предвиделось. Вова уходить на берег не собирался. Даже купленная неплохая кооперативная квартира и родившийся на радость бабушке и дедушке Петя кризиса не разрешили.

Несколько лет Люда под руководством мамы-виолончелистки повторяла тернистый путь Пенелопы. Блюла верность и разгоняла женихов, которых было, наверно, не меньше, чем у героини Гомера. Только цели у них были другие, отнюдь не женитьба. Срабатывали стереотипы — у мужчин не укладывалось в голове, что такая яркая, улыбчивая и сексуальная женщина может быть серьезной и толковой.

Люде было очень нелегко, ведь у Пенелопы, кроме чувства долга, была еще и любовь к супругу, а в нашем случае она, может, и была, но очень быстро, как говорят, сплыла.

Месяца или двух в году, которые Вова проводил на берегу, было более чем достаточно, чтобы понять — у них нет ничего, буквально ничего общего. Я уже не говорю о том, что они не могли спеть дуэтом хор девушек из оперы Верстовского «Аскольдова могила» или промурлыкать что-нибудь из Дебюсси, это не столь существенно. Если сказать в общем, все, что говорил Вова, ей было не интересно. И, нужно быть объективным, все, о чем говорила она, имело точно такой же отклик. Полное несовпадение. А его просьба, переходящая в требование — продавать привезенную из рейсов контрабанду, — лишала не только Люду, но и ее образованную маму сна и покоя. Вовино «все жены моряков так делают, а ради чего мы ходим в загранку?» не утешало. Люда скрепя сердце продавала, краснея и терзаясь.

Постепенно ее терпению приходил конец. На вопрос мамы: «Ты о чем раньше думала?» — разумного ответа не было. Молодость, обаятельная улыбка Вовы — обычные объяснения в таких случаях.

Перелом наступил тогда, когда она узнала, что у ее супруга на корабле уже несколько лет есть постоянная сожительница, барменша, связь с которой он там не скрывает.

— Как ты об этом узнала? — решил уточнить Сева.

— Всегда найдутся добрые люди, — Люда попыталась улыбнуться. Не вышло. — Я думаю, это она же мне и рассказала. Подошла на улице. Такая гладкая девица, с того же плаката, что и Вова, о пользе вкусной и здоровой пищи.

Сева невольно улыбнулся. Как они без слов понимают друг друга! Им в голову приходят одни и те же мысли. Как жаль, что все так несуразно происходит...

Он заказал еще по порции коньяка.

— Вова ничего не отрицал. Даже для приличия. Сказал, что такова судьба моряков.

— И их жен?

– О женах ничего не сказал.

Отпили немного коньяка, помолчали. Ну что тут скажешь?

– С тех пор мы с ним чужие люди... Совершенно...

Люда покраснела, допила остатки коньяка...

– И когда это случилось?

– В его позапрошлый отпуск.

Сева, тоже допивая коньяк, чуть не поперхнулся. Это же выходит, было еще до его появления на горизонте... Фу-ты ну-ты! Вот тебе и мужняя жена. Он вспомнил свое высокомерное: «Не мои проблемы... При живом-то муже!..» Какой свиньей он оказался! А каково было Люде? Ведь она все его пошлые мысли читала как в открытой книге.

Коньяк был допит. Сева с тоской подумал: «Может, еще заказать? Нет, не поможет».

– Почему же он не ушел от тебя?

– Зачем? Его все устраивает. Стерегу дом. Воспитаю сына. Продаю вещички. Нет развода и нет скандала. Скандалов в загранке всегда боятся. Виза, загранпаспорт...

– А почему ты не уходишь?..

Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Куда?

Он промолчал... Что он мог ответить?

– К маме, папе и бабушке в двухкомнатную хрущевку? Наш кооператив куплен на имя его дяди. А мы снимаем у этого дяди квартиру. Официально. Владимир объяснял, чтобы не было неприятностей в парихологическом...

– Подготовился.

– Наверно. Он не так прост. Улыбка, душа нараспашку – просто маскировка, я поздно это поняла. И на алименты квартиру не снимешь, зарплата у него примерно как у меня. Ерунда. Главный доход ...

– Импорт-экспорт. Понятно.

– Я почему тебе все рассказала. Не хочу, чтобы считал меня вертихвосткой.

— Нет, я собственно...

Люда махнула рукой, Сева немного поерзал на стуле и неловко затих. От его воинственной позы ничего не осталось, голова виновато опущена, весь он непривычно обмяк. Спрашивать, почему она раньше ему об этом не говорила, не имело смысла. Ответ он знал. Гордость. Люде было обидно, что он так безропотно, а значит, безразлично реагирует на появления мужа. Это говорило о его отношении к ней.

Нельзя было больше отмалчиваться, нужно было ей что-то сказать. Но что? Нет, он не готов был звать ее к себе. Мужа, оказывается, уже давно нет, но есть сын, которого он видел всего раза три-четыре, и то случайно. Но дело не только в этом, он никогда их встречи не рассматривал в таком варианте. Нет, он к этому не готов. Он к ней прекрасно относится, но... не любит. И о любви между ними никогда не было сказано ни слова. Нет, так нельзя.

Люда все понимала и не собиралась на него давить.

— Сева, я хочу тебя попросить. Ты понимаешь, что у нас нет будущего, и нужно прекратить нашу... наши встречи. Дальше будет еще больше. Я знаю, что если ты придешь, я не смогу тебе сказать: «Уходи!» Я даже перед зеркалом репетировала это «уйди». Севочка, не получалось. Не смогу. Ты должен сам.

Сева в глубине души был с ней согласен. Но... Он мог быть решительным и принципиальным, даже жестким, если нужно было для дела. А вот с людьми, особенно с близкими людьми у него это не получалось никогда. Кто, кроме мамы и закадычного друга еще со школы Тюли, был ему ближе, чем Люда? Нет, Сева не мог резануть по живому. Да и не хотел. Хотя прекрасно отдавал себе отчет в том, что конец их отношений неизбежен.

— Давай не будем торопиться, жизнь покажет. Зачем ломать через бедро. Пусть будет, как будет, ведь что-нибудь да будет, ведь никогда не было, чтоб никак не было...

Они еще долго обсуждали свои проблемы в кафе, потом продолжили у Люды, а закончили выяснение отношений только под утро, так ничего и не решив.

Если порвать хочет женщина, то все происходит быстро и решительно. Если все зависит от мужчины, то чаще всего агония затягивается надолго. И никогда нельзя предсказать, чем дело кончится. Так, на мой взгляд, мы устроены. Вы со мной согласны?

Сева с Людой по-прежнему встречались. Но что-то в их отношениях изменилось. После того как оба утвердились в мысли – продолжения не будет, они почувствовали, что в каком-то смысле не только хорошо проводят время, но одновременно и теряют его.

Сева окончательно убедился в том, что предложить Люде руку и сердце не может. Может предложить голову, мысли, себя самого, даже душу, но не сердце. Любовь, казалось ему, это взрыв эмоций, непреодолимая тяга друг к другу. Возможно, именно это он читал в глазах Люды. Но сам был далек от всех этих взлетов и падений. Он сознавал, что когда они разойдутся, ему может больше и не встретиться такое взаимопонимание, такие почти родственные отношения. Впрочем, какие там родственные при изумительном сексе... А может, для женитьбы ничего другого и не нужно, и Сева гоняется за чем-то недостижимым, во всяком случае для него, с его приземленной и не слишком романтической натурой? Но с этими обидными мыслями очень не хотелось соглашаться. А ко всему еще неожиданное отцовство почти незнакомого дитяти... Нет уж, пусть будет, как будет...

Расходиться тоже было глупо. Что тогда делать вне работы? У Люды был сын, а значит, дел было достаточно с утра и до вечера, только поворачивайся. У Севы положение было иное. Его компания состояла в основном из школьных друзей и их жен. Друзья по работе как-то не приживались. Он исправно ходил на именины, годовщины, пошли уже дни

рождения детей. Иногда посещал филармонию, еще реже ходил в театры. Оставалась бездна пустых, не занятых ничем, кроме телевизора и книг, вечеров. Ну не заявишься же в семью приятеля с одиноким унылым визитом. И в театр один не пойдешь. Если бы Люда была его подругой, герлфренд, вполне можно было бы везде ходить с ней. Но ее туманный статус жены моряка... Не будешь же всем рассказывать историю с барменшей и квартирой на дядино имя?..

Обе интеллигентные мамы без сомнения волновались, переживали за своих единственных великовозрастных и даже, по их мнению, слишком великовозрастных отпрысков, но тактично помалкивали и советами не злоупотребляли. Разве что, как сговорившись, время от времени повторяли одну и ту же фразу: «Тебе пора как-то определяться». Как видите, у родителей, как и у детей, тоже было много общего.

Но был еще один очень важный сторонник того, чтобы Сева наконец определился. Это был горсовет. Как-то так получалось, что эта солидная организация играла уже много лет едва ли не решающую роль в личной жизни семьи Фроловых. Сначала отца, спустя несколько лет матери. Теперь очередь дошла и до Всеволода Алексеевича Фролова, одного из квартиросъемщиков квартиры 14 по улице Лескова, дом 3.

Вы будете смеяться, но Сара тоже умерла

Англичане говорят — родился с серебряной ложкой во рту. Русские говорят — родился в рубашке. На многоязычной территории Советского Союза жилищные условия были синонимом этих признаков счастливой судьбы. Я, пожалуй, могу по пальцам пересчитать знакомые семьи — из простых смертных, — которые

до хрущевского строительства жили хотя бы в относительно нормальных квартирах, не коммунальных, не набитых битком двумя-тремя поколениями в одной комнате. Родители жили и спали рядом со взрослыми детьми, иногда и с внуками. Храпящие по ночам — и не только храпящие, встающие в помятых ночных одеяниях, зевая и почесываясь. Воровато пытающиеся исполнить свои супружеские обязанности. Соседи, бредущие в ужасном неглиже по коридорам. Жили стаями. И при этом нужно было сохранять уважение друг к другу и даже почитание старших. Как это все могло уживаться — ума не приложу. Нет, наверно не уживалось, поэтому на нашем постсоветском пространстве уважение к личности до сих пор является проблемой. Пока не решенной.

Сева в этом отношении был приятным исключением. Он родился и все свои 33 года прожил в отдельной квартире достаточно большой для их семьи. По советским понятиям он жил в роскошных жилищных условиях. Четыре большие, светлые, с высокими стенами и прекрасной лепниной под потолком комнаты. Дальше ко всем помещениям тоже можете добавлять определение «большой» или «большая» — коридор, кухня, ванная комната, холл при входе. Паркетные полы. Эта «буржуйская» квартира имела 170 квадратных метров общей площади — недопустимая роскошь для любой рядовой семьи по тем временам. Благо, что тогда была принята система измерения «жилая площадь», учитывались только комнаты. Но и это выглядело вызывающе — 115 квадратных метров! А после войны в составе их семьи больше четырех человек не было. У Севы всегда, со дня рождения, была своя отличная комната. Квартира размещалась на третьем этаже старого добротного и все еще ухоженного дома, расположенного в тихом районе исторического центра города, рядом с приморским бульваром. Из двух окон открывался прекрасный вид на море. Довольно широкая мраморная лестница,

даже не слишком запущенная, спускалась к парадному входу, украшенному — представьте себе! — кариатидами. До революции там жили солидные купеческие семьи.

Дед Севы до войны занимал весомый пост в Городе, он служил в органах. Правда, по словам отца, он был человеком хорошим и справедливым, но в хороших гэбистов не слишком верили, и поэтому в их семье старались о работе деда упоминать как можно реже. Короче говоря, эту квартиру получил дед до войны и жил в ней с женой и четырьмя детьми.

В первые же дни войны Алексей, отец Севы, с четвертого курса юридического факультета ушел на фронт, его старший брат Георгий, успевший к тому времени закончить медицинский институт, тоже был мобилизован. А их родители вместе с младшими сестрами погибли при эвакуации — пароход, на котором они шли в Новороссийск, был потоплен немцами.

Сразу же после войны братья Фроловы вернулись в родной Город. Ордена, ранения — всего хватало у каждого. Георгий привез с собой фронтовую жену, тоже врача. Благодарный горсовет вернул демобилизованным героям их квартиру, закрыв глаза на то, что проживание на такой площади трех человек было непозволительной роскошью. Видимо, еще действовала аура деда.

В первые годы после войны проклятие советского строя — жилищный вопрос — стоял особенно остро. Много жилья было разрушено, а в теплые края, в Украину, возвращались не только беженцы и демобилизованные, но и стекались огромные массы оголодавшего и замерзшего народа со всей России. А тут три человека на 115 метров жилой площади! Но вскоре у Алексея родился племянник, теперь в семье было четыре человека, и стало для всех спокойней. И для начальства, и для жильцов.

Георгий и его жена буквально с первого же дня устроились на работу в городскую больницу. А более

легкомысленный демобилизованный гвардии капитан Алексей Фролов еще года два колесил по Городу в поисках места, где можно было бы поменьше работать и побольше получать. Вокруг него собралась веселая компания, которая была не прочь погулять, а значит, и выпить. В том числе и девушки, у которых свободный молодой парень, веселый, обаятельный, с очень модным в те годы роскошным русым чубом и яркими голубыми глазами, определенно имел успех. А если вспомнить, что после войны был огромный дефицит мужчин...

Этот период, к счастью для Алексея, продолжался недолго, а упоминаю я об этом только потому, что пить ему не стоило. Точнее, было запрещено. Он воевал в артиллерии, и зимой сорок четвертого, сильно простуженный, да еще вымокший при переправе, продолжал вместе со всеми тащить орудие несколько часов подряд. Словом, хоть говорят, что на фронте не болеют, он получил серьезные осложнения в комплексе со стенокардией. Не говоря уже о последствиях нескольких ранений. Нужно было беречься, но Алексей ни тогда, ни позже не мог с этим согласиться. Такой был характер.

В конце концов он взялся за ум и восстановился на юридическом факультете университета. Так достаточно спокойно продолжалась их жизнь до пятидесятого года, когда Георгию предложили работу в клинике Бурденко и квартиру в Москве. Его специализация – сосудистая хирургия – входила в моду. От этого нельзя было отказаться, но что в таком случае делать с их квартирой? Алексей в ней должен был остаться один. Этого бы жилотдел не перенес. И наш почти закоренелый холостяк стал лихорадочно искать жену с кем-нибудь еще в придачу. Одной жены было мало. И нашел – симпатичную и строгую первокурсницу литфака Нину, приехавшую в Город из Черновцов и снимавшую угол в запущенной коммунальной квартире. Атака на первокурсницу была

внезапной и массирующей. И хотя Нина была очень серьезной и нелегкомысленной девушкой, она не устояла против напора и русого чуба. И — что греха таить — перед возможностью быть хозяйкой такой квартиры. У Нины в Черновцах оставалась мать, которую срочно перевезли в Город. Но жилотдел был все еще не доволен. Пришлось буквально через пару месяцев предъявить им справку от гинеколога о грядущем прибавлении семейства. А вслед за справкой 1 апреля 1951 года появился в квартире и сам Всеволод Алексеевич Фролов. И только тогда начальство и жильцы успокоились.

Несмотря на такое сумбурное начало, молодые оказались очень хорошей парой. И смотрелись вместе отлично, что наверняка является надежным доказательством хорошей семейной жизни. Их большая свадебная фотография это наглядно подтверждала. Алексей на ней выглядел внушительно — высокий крупный мужчина, с широким, может быть, немного простоватым и курносым лицом, но очень живыми улыбчивыми глазами. Нина на полголовы ниже мужа, стройная, всегда подтянутая, черные, очень черные глаза и волосы, но нежная белая кожа. Приятный контраст. В лице, манере держаться, в спокойствии чувствовалась порода. Алексей острил: «Привет от бабушки Радулеску». Нос с небольшой горбинкой делал ее лицо еще более оригинальным, а-ля Ахматова.

Сева определенно получился дворняжкой, смесь породистой мамы и беспородного отца. Особенно это касалось окраса. Волосы ни черные, ни белые. Я уже говорил, он считал их каштановыми. Глаза серые — тоже промежуточный вариант. Правда, в лице и манере держаться все-таки было кое-что от мамы. Хотя бы уже упоминавшаяся привычка гордо задирает подбородок. А когда Алексею говорили, что сын на него совсем не похож, он возражал: «Посмотрите, у него мой скелет». Да, Сева был ширококостным и высоким в отца.

Еще шестнадцать лет Фроловы и жилотдел горсовета жили без взаимных претензий. Отец работал адвокатом, в советские времена профессия не слишком денежная и ценимая. Мама устроилась в Центральную библиотеку, литература была ее страстью и призванием. И все было бы хорошо, если бы Алексей мог пожестче следить за собой. Он любил застолье, любил выпить. Не в чересчур больших дозах, но в больших, чем ему позволяло здоровье. При этом он налегал на закуску и, увы, заметно набирал вес, что было еще опаснее. Нина старалась его сдерживать, как могла, но далеко не все ей удавалось.

Однажды он довольный всем на свете со счастливой улыбкой уснул... и не проснулся. Ему еще не было и пятидесяти лет. Нина в тридцать восемь лет осталась вдовой.

Это был очень тяжелый год. Все одно к одному. Спустя несколько месяцев вслед за Алексеем ушла мама Нины, тихая и заботливая старушка. И на горизонте опять появилась зловещая тень горсовета. На жилой площади — вы помните — 115 квадратных метров осталось два жилья.

Это только так было принято говорить — у меня есть квартира. На самом деле ни у кого ничего не было. Мы все в городах были квартиросъемщиками. Таков был наш статус. Квартиру нам могли сдать, а могли и забрать, если что не так. Около года бюрократия раскачивалась, а потом к Фроловым зачастили для осмотра будущие соседи-квартиросъемщики.

Дальнейшие события выглядят не слишком романтично, но из песни слов не выкинешь. Нина Григорьевна вынуждена была пойти на шаг, на который в других условиях она не решилась бы ни за что. И сделала это скорее всего ради сына. Она вышла замуж за Аркадия Борисовича Бенимовича, своего начальника, заведующего научно-исследовательским отделом Центральной библиотеки. Он был старше Нины на восемь лет, вдов, жил в одной комнате большой коммунальной квартиры вместе

с сестрой и дочерью, не слишком симпатичной, но достаточно амбициозной девицей двадцати лет. Новый супруг уступал предыдущему и в высоту и в ширину; а какого цвета когда-то был его чуб, определить уже не представлялось возможным, следов на голове почти не осталось. Отчим Севы, к счастью, оказался мягким, покладистым человеком и пришел к ним в семью не из меркантильных соображений. Он боготворил Нину Григорьевну и все последующие годы не мог поверить своему счастью. И в то же время прекрасно сознавал, что если бы она не боялась потерять квартиру, то шансов у него не было. Но относился к этому философски: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Аркадий Борисович обладал очень приятным свойством, которое не так часто встречается. У него было добродушное чувство юмора, и оно распространялось на себя самого в полной мере. То, что сейчас называется самоиронией. И когда, например, он говорил, что Фроловы по традиции женятся «под дулом пистолета горсовета», имея в виду и себя и историю предыдущего брака Нины Григорьевны, это звучало совсем не обидно. Словом, несмотря на строптивый характер Лины, его дочери, под мудрым руководством Севиной мамы все утряслось, и очередные пятнадцать лет прошли мирно и спокойно. Исполком тоже затих и до поры до времени оставил Фроловых в покое. Была ли Нина Григорьевна счастлива в этом браке — другая тема. Мы ее в нашем рассказе оставим за кадром.

Лина, как я уже говорил, была внешне не слишком привлекательной. Но ее проблема заключалась вовсе не в этом — мало ли некрасивых женщин выходят вовремя замуж и живут долго и счастливо. Она была закомплексованна и слишком экзальтированна. И чрезмерно чувствительна к национальным проблемам, а ее характерная внешность давала повод некоторой не слишком прогрессивной части нашего населения, особенно под винными

парами, советовать ей «ехать в свой Израиль». Впрочем, многие трезвые и образованные люди если не говорили, то думали точно так же. Эти советы преследовали ее везде, и довольно часто она их читала во взглядах людей, у которых и в мыслях этого не было. Такое действие оказывал привычный правительственный и бытовой антисемитизм на людей впечатлительных и не слишком толстокожих. Лина, безусловно, к ним относилась.

Постепенно она и сама приняла решение при первой же возможности эмигрировать в Израиль. Тем более, что такие настроения в еврейской среде в восьмидесятые годы витали в воздухе. «Я не знаю, о чем вы говорите, но ехать надо», — этот анекдот знали все. Но осуществить намерение было непросто, потому что уехать советовали одни, а выпускали из страны другие. Отец и Нина Григорьевна всей душой ей сочувствовали, понимали ее обиды, но составить компанию не собирались. Наконец в один прекрасный момент она нашла мужа и единомышленника, некоего потомственного еврея Ефима Погоняйло — у евреев могут быть любые, самые неожиданные фамилии. Этот прекрасный момент наступил тогда, когда Лине исполнилось тридцать пять лет. Она перешла на квартиру к мужу, а он перешел на ее фамилию. Для активиста движения за выезд евреев в Израиль фамилия Погоняйло была подозрительной, некоторые даже опасались, что он может оказаться подсадной уткой. Бенимович — совсем другое дело. Бенимович — свой.

Лина после свадьбы немедленно подала заявление на выезд в Израиль и вошла в не очень многочисленный, но крепко спаянный коллектив отказников.

Положение отказника в принципе очень непростое, и даже не столько с материальной точки зрения, сколько с психологической. Человек надолго зависает в ожидании и неопределенности, это состояние может длиться годами. Еще более странное ощущение, чем у заключенного. Я не имею в виду, что более тяжелое, конечно, нет.

Именно странное. В тюрьме человек находится среди людей с таким же статусом, как у него. А здесь, вроде бы на воле — он фактически выпадает из общества. И отказник не может оставаться таким, каким был прежде. Я чуть было не написал — оставаться нормальным, но во время остановился. А впрочем, доля правды в этом есть.

Лина никогда не чувствовала себя в Союзе своей. Но сейчас она уже официально своей и не считалась, а это совсем иное положение. На нее смотрели с интересом, как на какой-то экспонат. То, что в таком статусе трудно было устроиться на работу, не слишком ее впечатляло, дело привычное. Для законопослушных евреев тоже было немало ограничений такого рода, особенно если речь шла о должности приличной и солидной. Главное было в другом. Сейчас она могла сознавать себя либо изгоем, либо героем. Либо стараться тихо и незаметно ожидать перемены судьбы, либо гордиться своей решительностью и демонстрировать свою непримиримость. Изгоем она себя чувствовала давно, была сыта этим по горло. И Лина с нервной энергией, ей присущей, двинулась в сторону геройства.

Она довольно быстро стала самой активной отказницей в городе. Организовывала акции протеста, беседовала с иностранными журналистами, открывала запрещенные курсы иврита и т. д. Препград и ограничений для нее не было. Она дала волю своей энергии и чувствовала себя наконец полезной. А городские органы и начальство называли это иначе — лезла на рожон. Сажать в тюрьму ее никто не собирался — в восьмидесятые годы такие решительные меры уже почти не были в моде, в том числе и в Украине. Даже увольнять с работы после подачи заявления на выезд не стали. Из своего проектного института она ушла сама, обидевшись на минимальное проявление лояльности к властям со стороны начальства — ее понизили в должности. Затем устроилась лифтершей, во многом в знак протеста. Муж

Лины, нью-Бенимович, тоже сменил «белый воротничок» на спецовку сантехника в ЖЭКе, правда, не по своей воле. То есть терять им было нечего. Что могло последовать? Какие меры могли принять компетентные органы, чтобы попытаться успокоить вошедшую в раж отказницу?

Аркадий Борисович по образованию был историком. Его кандидатская диссертация называлась «Изменения в тактике политического воспитания масс при советской власти». Странно, но очень многие евреи занимались политэкономией, марксизмом-ленинизмом и прочими вещами, от которых им стоило бы держаться подальше. Но это так, к слову... Так вот Аркадий Борисович на основании исторического опыта последних десятилетий догадывался, чем дело кончится. Он помнил, что сам Ильич советовал хватиться за слабое звено, чтобы вытащить всю цепь. Слабым звеном был он и его семья.

Историк не ошибся. Ему позвонили на работу и очень вежливо попросили явиться такого-то в такое-то время к товарищу такому-то на улицу Багрицкого дом номер такой-то. Название организации не упоминали, потому что и без этого весь Город знал, что означает «вызов на Багрицкого» — то есть в компетентные органы. Очевидно, до сих пор все остальные «органы» автоматически считались некомпетентными. Умудренный опытом Аркадий Борисович был очень благодарен товарищу такому-то за то, что он не послал повестку и не стал понапрасну нервировать семью.

В большом кабинете его встретил немолодой и усталый седой человек обычной и отнюдь не свирепой внешности, в обычном и даже не новом костюме. На лице человека ясно читалось, что бесконечный бардак надоел ему ужасно и единственное его желание — чтобы как можно меньше морочили голову. У него и своих личных забот хватает.

Откровенно, открытым текстом он объяснил все это Аркадию Борисовичу. Аркадий Борисович в сущности

хотел того же, поэтому дальше встреча проходила в духе мира и взаимопонимания.

Товарищ такой-то назвался Александром Михайловичем. Он долго вводит в курс дела Аркадия Борисовича не стал, а сразу взял быка за рога. Так, как будто они продолжают давно начатый разговор.

— Я, главное, не пойму, чего ей надо. Никто ее не трогает. Письма протеста пишет, подписи собирает, иврит учит, с плакатами время от времени стоит — разве этого мало? Зачем она организовывает голодовку, зачем все время лезет к иностранцам? Думает, мы сошлем ее к Сахарову в Горький?

— Может, ищет поддержку? — несмело предположил Аркадий Борисович.

— Какой в этом смысл? Что она им нового расскажет? Что евреев не выпускают — все и так знают. И никто здесь над ней не издевается. Живет, как жила, с голода не умирает. С работы ушла сама, из принципа. Правда, Погоняйло мы уволили, так он сейчас получает в два раза больше, чем у себя за доской. Шрамы на заднице от пыток она показать не сможет. Нет этих шрамов. Простите меня, но зла не хватает. Все должно быть в разумных пределах. Зачем на семью навлекать неприятности?

Вот и подошли к главному.

— Даже Сталин говорил, что сын за отца не отвечает, — Аркадий Борисович был теоретически подкован.

— Но никто не говорил, что отец не отвечает за сына. Даже Сталин. Как юрист вам говорю. Результат воспитания, я бы сказал, на совести отца, — Александр Михайлович тоже был не лыком шит. — Вы согласны со мной, что во всем надо меру знать?

Он требовательно посмотрел в печальные, увеличенные сильными стеклами очков глаза Аркадия Борисовича. Тот только вздохнул. Положа руку на сердце, он во многом был согласен с Александром Михайловичем и знал по своему

опыту, что если Линочка закусит удила, то любого доведет до белого каления. А власть и ее компетентные органы особым терпением и тактом никогда не отличались. Но что он может сделать?

— А что я могу сделать? Она меня и в детстве не слушалась.

— А что я могу сделать? Почему я должен быть крайним? Вы с ней не могли справиться, а мне отдуваться? С меня тоже требуют. Давайте попробуем вместе.

— Давайте, — безнадежно согласился Аркадий Борисович.

Александр Михайлович посмотрел на часы. Ему давно хотелось домой.

— Чтобы не тратить время, я сразу открою наш план. План утвержден сверху, и его нужно выполнять.

На план у них ушло минут пять. Неугомонная Лина наметила два мероприятия с расчетом на международный скандал. Первое — в ближайшее время корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» должен взять интервью у известной семьи правозащитников Бенимович прямо у лифта, на рабочем месте.

— Семья правозащитников Бенимович. Это и ваша фамилия?

— Моя, — признался Аркадий Борисович.

— Почему не семья Погоняйло?

— А кто меня спрашивал? Может, мне самому перейти на фамилию Погоняйло? — по привычке пытался состричь Аркадий Борисович. Неудачно. Александр Михайлович даже не улыбнулся и пошел дальше.

— А вторая ее выходка еще хуже. Представьте себе, она собирает уточненные списки отказников, чтобы передать их на Запад. Это уже мне прямо под дых.

Аркадий Борисович с тревогой ждал продолжения, какая реакция будет с их стороны. Разъяснение последовало незамедлительно.

– Значит, план такой. Коротко. После интервью Бенимовичей вас уволят с работы. Вас и Фролову. По просьбе возмущенного коллектива. С шумом. С откликами в печати. Вы в пенсионном возрасте?

– Да.

– Тем легче это все проделать. А со списками отказников дело намного серьезнее. Тут задет престиж государства.

Александр Михайлович надолго затянул многозначительную паузу, хотя очень хотел домой. Но дело есть дело.

– Три человека в вашей квартире занимают жилую площадь 115 квадратных метров. По всем инструкциям больше 32-х метров на человека не положено. Если мы в нашем общем деле, – Александр Михайлович заговорщицки подмигнул, – ничего не добьемся, то вслед за ее антисоветским актом ждите подселения. Есть у нас на примете семья очень энергичных кавказцев, давно стоят на очереди. Это мы обеспечить можем. В наших силах.

– Но какой смысл? Ведь дело уже будет сделано?

– Это как раз ясно. Чтобы все знали – наказание идет за преступлением. Неотвратимо.

Оглушенный Аркадий Борисович несколько раз открывал рот, чтобы возразить, чтобы попросить, чтобы уговорить. А может быть, даже умолять. Но вспомнил тему своей диссертации и только сказал:

– Я подумаю.

Александр Михайлович расплылся в благодарной улыбке. Приятно иметь дело с понимающим человеком, который не стал попусту тратить свое и чужое время на бесполезные уговоры. Можно наконец пойти домой и отдохнуть от этого бардака.

А Аркадий Борисович неторопливо пошел по бульвару, время от времени усаживаясь на попадающиеся по дороге скамейки. Он обдумывал ситуацию. Искал выход.

Уговорить Лину он не надеялся. Это было исключено. Да, кажется, выхода не было.

Впрочем, был один. Но от Аркадия Борисовича он не зависел.

— Аркаша, ты куда подевался? Ушел с работы раньше времени. Не предупредил. Мы уже волновались. Ладно, мой руки, садись за стол. Обед стынет. За едой объяснишься.

Обедом у них было принято называть ужин после работы. На английский манер. К нему старались не опаздывать, если была такая возможность.

Обедали, как обычно, в большой и светлой кухне, которая с успехом служила и столовой. Аркадий Борисович с женой сидели лицом к окну на всю стену. У каждого была своя комната, а четвертая — с неработающим, но очень красивым мраморным камином в углу — использовалась в качестве гостиной. В ванной комнате можно было устраивать танцы. Хозяева очень следили за квартирой, она была чистенькой, ухоженной, хорошо и со вкусом обставленной. Нина во многом отказывала себе и другим, но уют блюла неукоснительно. Это была традиция. Что-то вроде культа родового гнезда. «Привет от бабушки Радулеску».

«Буржуйские условия, — подумал расстроенный Аркадий Борисович. — Как Нина и Сева к ним привыкли. Неужели из-за меня им придется лишиться всего этого?»

Он всегда думал сначала о них, а потом о себе, в качестве какого-то приложения. Потеря работы по сравнению с потерей квартиры выглядела мелочью даже для кандидата наук в пенсионном возрасте — чисто советская реакция. Рассказывали, что на Западе — главное работа. Но это на Западе. А здесь квартира...

Обед заканчивался, пора было отчитываться. Во время прогулки Аркадий Борисович уже продумал свое сообщение. И приступил к заранее заготовленной преамбуле. Начал с подходящего к случаю анекдота. У него

с возрастом появилась привычка иллюстрировать свои мысли соответствующей притчей или старым анекдотом — новых он не запоминал. Типичная национальная черта стареющих евреев.

— В одной еврейской семье было три сестры на выданье. Один еврей женился на старшей из них, ее звали Ривка. Так случилось, что вскоре после свадьбы она умерла. А у евреев был обычай — в таких случаях жениться на следующей по возрасту.

Сева и Нина Григорьевна терпеливо и вежливо ждали конца анекдота, который, конечно же, знали.

— Он женился на средней, на Лее. Но так случилось, что и вторая сестра Лея тоже умерла. Тогда он женился на младшей, на Саре. Прошло время, но вот однажды он пришел к ее родителям и, вздохнув, сказал: «Вы будете смеяться, но Сара тоже умерла».

— Ну и что дальше? — не выдержал Сева.

— Дальше? А дальше, вы будете смеяться, но тебе тоже придется срочно жениться «под дулом пистолета горсовета». Третьему в вашей семье.

И он, ничего не утаивая, рассказал о своем посещении Александра Михайловича. Фроловы сразу, без доли сомнения поверили в серьезность угрозы. А может, даже в ее неотвратимость. Всю жизнь они прожили при советской власти, а это учит многому. Но не оптимизму.

Аркадий Борисович чувствовал себя бесконечно виноватым. Он заметил, как жена с тревогой посмотрела на Севу. У Нины Григорьевны тоже первая мысль при любых неприятностях была не о себе. О сыне.

— О Севе он ничего не сказал. Ни слова, — заторопился Аркадий Борисович.

— У него через месяц выставка в Ганновере, — мама была в курсе всех Севиных дел.

— Ничего, ко мне это отношения не имеет. Успокойтесь. На работе будет все в порядке. Визы все оформлены,

письма написаны. Там целая программа утверждена. И вообще, нечего панику устраивать, сейчас не тридцать седьмой год. Меня даже трогать не будут, они там не дураки. Но все остальное, квартира и ваша работа ... Вот это серьезно.

— Аркаша, а ты там сказал, что уже говорил с Линой раз двадцать?

— Прямо не сказал. Но намекнул, что мне ничего не поможет. Он говорит, что это мои проблемы. Конечно, я с Линой опять поговорю...

— Не стоит. Только лишнее расстройство, — Нина Григорьевна огорченно вздохнула. — Опять получишь свой комплект — трусость, ваши мелкие интересы меня не остановят, мне за вас, приспособленцев, стыдно.

— Наш паровоз вперед летит, пока без остановки, — не удержался Сева.

По всей позе Аркадия Борисовича было видно, насколько ему не по себе. В попытке самооправдания он сказал:

— Почему-то люди, которых много обижали, перестают реагировать на беды других. Черствеют. Так устроен человек, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Это статистика. Поэтому государства из обиженных людей на первом этапе всегда очень жестокие. Северная Америка в начале пути. Индейцы, негры, рабы — ужас. Ведь переселенцы это и есть обиженные, им на родине места не было. Россия после революции. Да и Израиль тоже...

— Аркаша, оставь свою диссертацию в покое. Что делать будем?

— Да, извини, Ниночка. Увлекся. Я думаю, с работы придется уйти. Может быть, мне одному. Смотря как повернется. А насчет квартиры... Ты знаешь, кто-то сказал, кажется, Жванецкий, — на их яд у нас есть свое противоядие.

Он обращался к жене, чтобы все не выглядело так, как будто он слишком давит на Севу. Нина Григорьевна его поняла с полуслова и энергично закивала в знак

поддержки. Они дружно повернули головы и с надеждой посмотрели на Севу.

— Почему вы смотрите на меня как болгары на солдата-освободителя?

Нина Григорьевна по характеру своему не могла хитрить.

— Сева, дело не только в квартире. Я бы тебе не сказала ни слова, если бы не была уверена, что такой, как Людочка, ты не найдешь. Знаешь, со стороны, говорят, виднее. Я со многими из твоих девушек знакома, но Людочка... Людочка — это ты и есть.

— Только, к счастью, в женском обличье, и намного красивее, — не удержался от остроты Аркадий. — Два сапога пара. В хорошем смысле. В отличном. Севочка, мы бы тебе в жизни этого не сказали, если бы действительно так не думали. Может, это дуло пистолета тебя подтолкнет к разумному решению...

Сева подумал, что еще месяц тому назад он бы со страхом — или с облегчением? — согласился на то, что выглядело как благородная жертва. Но сейчас, когда в его сердце — он надеялся, что именно в сердце, — произошли такие перемены... Однако об этом несколько позже.

— Нет, ребята, я должен вас огорчить. На это я не согласен. Увольте. И давайте к этому вопросу больше не возвращаться.

— А как же ...

— Квартира? Будем думать.

— Конечно, квартира тоже. Но я не об этом.

Нина Григорьевна растерялась и огорчилась. В основном из-за Люды.

К счастью, разговор прервал Тюля. Сегодня что-то случилось. Обычно друг Севы, если приходил, то к началу обеда, а тут к концу, да еще столь запоздавшему. Он никогда не жаловался, что его дома плохо кормят, но умудрялся создавать такое впечатление. И возникала какая-то виртуальная цепочка — жена не слишком любит

кухню, путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, и поэтому, вроде бы не без причины, Тюля частенько отбивался от рук и от дома.

Нина Григорьевна, ни о чем не спрашивая, положила в тарелку остатки гречневой каши с биточком, поставила ее на стол. Тюля, не отказываясь даже для вида, удобно устроился возле тарелки. Остальные в это время уже пили компот. Аппетит у Тюли был отменный, хотя сам он был худощав, белобрыс и невысок ростом. Зато выглядел очень молодо — больше двадцати пяти ему не давали.

Нина Григорьевна не могла успокоиться. Ей нравилась Люда. Очень нравилась. Она могла подолгу о чем-то беседовать с ней на кухне, а это говорило о многом. Она так надеялась, что в доме наконец появится женщина, с которой можно поговорить обо всем.

Для сравнения, с Тюлей, который уже более двадцати лет был в доме своим, она перебрасывалась двумя-тремя фразами: как дела, как жена, как дети. И все. Общения у них не получалось.

И вот сейчас, впервые за полтора года невиданного для Севы постоянства, он со всей определенностью заявил, что жениться на Люде не собирается.

Нина Григорьевна наконец не выдержала, дала ему — не больно — подзатыльник и сказала, точнее воскликнула:

— «О Трот! Слепец, слепец, слепец!»

Тюля уставился на нее в изумлении.

— Какой такой Трот?

Сева пришел на помощь.

— Тротвудом Давида Коперфильда называла его бабушка.

— Того Коперфильда, что у Диккенса, а не фокусника, — не без сарказма уточнила мама. И назидательно добавила: — А сказала она это, потому что Давид не понял главного: Агнесс его судьба.

Сева не отреагировал. А Тюля сделал вид, что все вспомнил и во всем разобрался. Он в литературе был не силен,

что не мешало ему быть хорошим зубным врачом и плохим мужем. Не напрасно он так много времени проводил с холостым Севой.

Мама многозначительно посмотрела на Севу, словно говоря: «Видишь, Людочка бы все поняла с полуслова».

О-хо-хо! Севе уже и самому иной раз казалось, что когда-нибудь он пожалеет о своем решении, да поздно будет. В отличие от истории, которая, как известно, не имеет сослагательного наклонения, личная судьба это наклонение имеет. Любой из нас спустя годы определенно может сказать — я тогда поступил глупо, если бы я поступил иначе, то был бы куда более счастливым человеком. Или наоборот, это уж как кому повезет.

«Но сердцу не прикажешь», — думал Сева. Вернее, хотел так думать.

Опять новости

Что это за новости, на которые мы намекали в предыдущей главе? Они еще не произошли, были пока только в черновиках. В проекте.

Начнем с работы. Последние три месяца аврал на заводе не только не прекращался, но нарастал как снежный ком. Да и вообще последние годы всеобщий хаос, безответственность и неуправляемость поражали даже ко всему привычных советских граждан. И, естественно, завод не был исключением. Кроме текущей работы, Севе приходилось вести титаническую борьбу за подготовку двух несчастных станков к выставке. Все поставщики дружно срывали сроки, присылали не то, что нужно. Правда, все перечисленное было делом житейским, к этому Сева давно привык.

Куда занимательней оказалась свежеиспеченная карьерная интрига. Главный конструктор завода Василий

Павлович был человеком не очень крепкого здоровья и частенько болел. Его заместитель по фамилии Самоед, чей-то родственник, слишком часто оставался один на хозяйстве, что приносило вред делу и расстраивало всех подчиненных. Он был человеком довольно грубым, не слишком разбирался в технике, зато был не прочь выпить. Кстати, насчет выпить. Внешне он чем-то был похож на Высоцкого. И голос у него был с такой же хрипотцой, но то, что простительно артисту, в число достоинств зам. главного конструктора не входит. Зато родственники его располагались где-то высоко, вне зоны досягаемости. Банальная ситуация для советской системы.

Но однажды произошло то, что рано или поздно должно было случиться. Самоед отправился на какую-то комиссию в Москву тушить очередную рекламацию. Там на банкете в честь благополучного завершения конфликта он немного перебрал, немного по сравнению с тем, как перебирал обычно, и сгоряча свернул челюсть человеку, у которого родственники были где-то вообще в заоблачных высях. Пострадавший попал в больницу. Короче говоря, последовало указание убрать Самоеда с глаз долой, с завода, из главка, из министерства. Если бы не закрытые границы, его бы убрали из страны. Формально Самоед ушел в отпуск за свой счет в ожидании окончательного решения.

Все понимали, что основные шансы занять его место имеет Всеволод Алексеевич Фролов, разумеется, если он вступит в партию. Два других претендента, тоже главные конструкторы проекта, были членами партии, но у обоих ахиллесовой пятой являлась пятая графа. У Фролова было серьезное преимущество — он мог вступить в партию, а конкуренты избавиться от своей графы были не в состоянии. Главный конструктор Василий Павлович, ненадолго вышедший на работу после очередного больничного листа, пришел с Севой к такому компромиссу. Отрывать его от дел, связанных с выставкой в Ганновере, было опасно,

на кону стоял престиж завода. Оформление в партии тоже требовало времени (кстати сказать, в том, что он вступит в нее, никто не сомневался, да и сам Сева больше не осмелился фрондерствовать). Короче, один из его конкурентов был назначен временно исполняющим обязанности зам. главного конструктора. А введение в должность Севы должно было происходить после его возвращения из-за границы, солидно и основательно. Василий Павлович должен был через семь лет уйти на пенсию — если все будет благополучно, тьфу-тьфу-тьфу, постучим по дереву. А это время за него кто-то должен был пахать. И назначение зама было в перспективе, довольно близкой, выбором нового главного конструктора большого, современного и очень престижного в министерстве завода. Человека со стороны никто не хотел, ни главк, ни министерство, слишком велики были ставки на новую, современную продукцию. Словом, все шло к одному — быть Севе, то есть простите, Всеволоду Алексеевичу номенклатурой раньше, чем он на это рассчитывал. И даже раньше, чем хотел. Ему еще не надоело конструировать, да и взваливать на себя такую махину страшновато.

Сразу же после этих событий Сева почувствовал, что перешел в другую весовую категорию, несмотря на то, что назначение еще не состоялось. Это как-то отдалило его от простого народа, в том числе и от девочек, которые этим простым народом тоже являются. Раньше он был парнем, ну в крайнем случае молодым мужчиной, который отличался от них способностями, знаниями, даже должностью, но все-таки был своим. И вдруг стал начальником. Какие уж тут фамильярности. Появилась прозрачная, но все-таки стена. И Сева почувствовал, что ему определенно нужно стать солидным семейным человеком. Даже достаточно тактичный Василий Павлович сказал напрямую: «Знаешь, Сева, женился бы ты уже на Приходько, сколько можно шуры-муры крутить.

Несолидно. Чего ты тянешь? И красивая, и умная. Ну ребенок, и что? Конь на четырех ногах, и то спотыкается».

Почему Сева не решался — один бог знает. Он не сомневался, что с Людой ему будет хорошо, что она его любит, что всегда будет понимать. Тогда откуда сомнения? Может быть, из подсознательного чувства протеста? Он иногда ощущал себя осажденной крепостью, уж как-то подозрительно все обстоятельства вокруг способствовали, даже принуждали его к этому браку.

Когда крепость уже готова была выбросить белый флаг и с облегчением сдаться на милость победительницы, в дело вмешался случай. Можете называть эту случайность неосознанной необходимостью, такое научнообразное определение даже больше подходит.

Примерно за месяц до описываемого выше визита Аркадия Борисовича на улицу Багрицкого и за два месяца до выставки в Ганновере нужно было подобрать постоянного стендиста. Дело срочное, стендист должен получить визу, должен быть хорошо натаскан на обслуживание станка, а времени уже было в обрез. Однажды Сева беседовал по этому поводу в своем мини-кабинете с начальником отдела фрезерных станков. Начальник предложил на выбор три кандидатуры. Критерии были такие. Стендист должен иметь более-менее приличный вид — выставка зарубежная. Должен хоть немного объясняться на английском языке в случае крайней необходимости — переводчик был положен по штату, но мало ли что может приключиться. И не менее серьезное требование — он должен быть не слишком нужен заводу, поскольку из текущей работы выпадает почти на три месяца.

Одним из кандидатов была Марина Тихвина, поступившая к ним в конструкторское бюро после окончания института этой осенью. В Город она приехала из Винницы, и до сих пор в ее речи чувствовался легкий украинский акцент, смягченный приятными, очень женскими

интонациями. Сева вообще благоволил — платонически — к молодым и симпатичным девочкам в бюро, я думаю, вы уже обратили на это внимание хотя бы потому, что они часто упоминались в повествовании. Девочки ему платили взаимностью, и Марина тоже сразу после поступления вошла в их число. Сева был рад перекинуться с ней несколькими словами, улыбнуться, получив в ответ фирменную Маринину полуулыбку — в манере ее поведения не было резких переходов, ярких красок, все было сдержанным и даже каким-то приглушенным. Может, он ее даже выделял из числа прочих своих любимиц-поклонниц, но не больше. Ей еще не было и двадцати пяти лет, а мы уже знаем, что Сева с сожалением вывел этот возраст из зоны кандидатов на близкие отношения. Марина сидела где-то посредине конструкторского зала, но он мог видеть ее не вставая из-за стола через проем в своей выгородке.

Так случилось, что когда начальник отдела назвал ее фамилию, она встала со своего места, расправила затекшую от долгого сидения спину и слегка потянулась. Вид в профиль. Стройная высокая фигурка — на каблуках она была почти такого роста, как Сева. Все на месте, все как должно быть. Темный тонкошерстный свитерок подчеркивал все, что должно было быть подчеркнuto. Джинсовая юбка, телесного цвета колготки на стройных ножках. Полу-сапожки. Почти нет макияжа, если есть, то достаточно умело выполненный. Чуть волнистые темно-каштановые волосы скромно зачесаны назад и перетянуты резинкой, образуя немодный в те годы хвостик. Черные глаза, светлая кожа — почти как у мамы, подумал Сева. Лицо, может быть, простое, но очень милое. Впрочем, для простого оно было достаточно удлиненным, и глаза с немного восточным разрезом. Наверное, еще не до конца оформленное лицо.

Она повернула голову и встретилась взглядом с Сеовой. Улыбнулась, насколько могла... и неожиданно покраснела. Наверно, почувствовала, о чем думал Сева.

А думал он о том, что она и Люда, с ее южными яркими красками и не менее ярким темпераментом, являются полной противоположностью друг другу. И его, Севин, любимый тип намного ближе к Марине.

В этот момент что-то изменилось. У Севы и Марины появились отношения, и оба это явно почувствовали. Наверно, и раньше в их подсознании что-то происходило. А, возможно, возникло спонтанно. Кто поймет тайну психологии...

— Назначим Тихвину, — решительно сказал Сева. — Освободите ее от всех дел, отправляйте на сборку и в лабораторию, пусть не вылезает оттуда. И пусть займется оформлением визы. Время не ждет.

Эти новые, пока чисто виртуальные отношения неожиданно для Севы захватили его целиком. Совсем недавно он с огорчением думал, что взрыв эмоций, непреодолимая тяга к женщине несвойственны его приземленной и не слишком романтической натуре — надеюсь, вы еще помните эти его размышления? Сейчас он с трудом удерживал себя от нелепых и несовместимых с его возрастом и положением поступков.

«Процесс пошел» — как сказал бы Горбачев — со скоростью, которая удивляла и даже пугала Севу. Ушло буквально всего несколько дней на раскачку, когда он еще пытался иронически посмотреть на свое внезапное бурное увлечение. Но вскоре понял, что от него уже мало что зависит. Короче говоря, недели через две в борьбе с самим собой он потерпел сокрушительное поражение. Раз десять на дню он спускался в сборочный цех, проклиная себя за слабость, и вертелся с деловым видом недалеко от Марины, время от времени давая ей руководящие указания. Он и раньше регулярно появлялся там, но сейчас это уже становилось больше похоже на постоянное рабочее место. Даже конструктор, который вел эти станки в производстве, однажды с обидой сказал:

— Всеволод Алексеевич, ты мне не доверяешь?

Сева ретировался, но ненадолго. Постепенно обида конструктора сменилась понимающей ехидной усмешкой.

Марина снимала комнату со своей подружкой, молодой, но подающей надежду актрисой Городского драматического театра Ларисой. От своих родителей в Виннице она как-то отдалилась — там и без нее была большая семья. Никто ей не помогал, с первого курса Марина рассчитывала только на свои силы. Постепенно Сева выяснил кое-что о ее привычках и вкусах. Она была девочка приятная, воспитанная, с рабочими ладила. А вот вкусы у них с Людой и у Марины были разные (он до сих пор не мог отделить себя от Люды). Все-таки разница в девять лет в такое бурное время означала принадлежность к другому поколению. А если учесть результаты «устаревшего воспитания», то расстояние еще увеличивалось. К примеру, любимые Мариной ансамбли, которые только пробивались из подполья, андерграунд были практически Севе не знакомы. «Ну что ж, — думал он, — это даже интересно. Противоположности тоже сходятся».

Сева не мог понять — и это было хуже всего — как к нему относится противоборствующая сторона. И все силы тратил на то, чтобы не пытаться это выяснить. Он твердо решил оставить все в неопределенности до поездки на выставку. Он просто-напросто боялся этой скромной девочки с тихим и приятным голосом, потому что довольно быстро выяснил, что за мягкой романтической внешностью скрывается достаточно твердый характер. Как-то, когда он, не сдержавшись, слишком рьяно взялся за дело, она неожиданно его спросила:

— Всеволод Алексеевич, а почему вы назначили меня в стендисты? Мне бы очень не хотелось, чтобы причиной было...

Она так и не закончила фразу, но Сева не на шутку перепугался. Еще откажется ехать, с нее станется. А это, кроме личного фиаско, еще и серьезный скандал. Готовить

нового стендиста нет времени. Словом, Сева, пожалуй, в такую зависимость никогда не попадал. Ну и ну!

Была еще одна серьезная причина для разогрева эмоций. У него оказался соперник. Впрочем, Сева и раньше замечал, что возле кульмана Марины частенько задерживался ее земляк, тоже из Винницы, Павел Самосенко. Они с Севой закончили один институт и даже были сокурсниками, но так как учились в разных группах, то особых контактов, не говоря уже о дружбе, не было. Пришли они на завод после института одновременно. Но карьера была разная. Самосенко работал в отделе технической информации, где, кроме него, сиднем сидело только несколько женщин и старый начальник. Почему он попал в эту тихую заводь? Павел был неглупым парнем, но наверно, не было большого рвения и любви к технике. Скорее всего у него были другие интересы. В своем отделе его редко можно было увидеть. Он фактически был при Самоеде, который именовал его «мой зам по внешним сношениям». Павел принимал комиссии, контролеров, начальство из Москвы, устраивал им отдых, гостиницы, банкеты, даже — говорили злые языки — девочек. Но это вряд ли. Он знал всех и вся в Городе, и, судя по всему, ему это занятие нравилось. Не продвинувшись в должности, он тем не менее получил от завода приличную трехкомнатную квартиру, а такая удача выпадала немногим. И отдел информации пригодился — Павел за счет завода уже несколько лет учился на курсах английского языка. У него было свободное время.

Сева пытался утешать себя тем, что они с Павлом находятся на разных полюсах табели о рангах, но это не успокаивало. Павел был внешне — нужно признать — интереснее Севы. Типаж, как и Людин Вова, с плаката, только с другого — «О пользе здорового образа жизни». Чуть выше среднего роста, подтянутый, в меру накачанный — он много внимания уделял своей физической форме. Носил спортивного типа одежду, подчеркивающую достоинства

его фигуры. Такой же, как и Вова, светленький, голубоглазый и с таким же успехом использовал свою улыбку. Одно утешение – на каблуках Марина была выше его. Но утешение слабое. Сбрасывать Павла со счетов было глупо, и это спокойствия не добавляло. При встречах он был по-приятельски вежлив, но давал без слов понять, что видит Сева насквозь.

Однажды Сева, сидя за своей выгородкой, услышал часть беседы Павла с девочками.

– Марина? Она просто гусеница, эта Марина, – сказал Павел.

– Гусеница? Почему ты обижаешь девушку, за которой ухаживаешь?

– Потому что если будет тепло, много солнца и подходящие условия, она превратится в прекрасную бабочку.

Этот Павел был ко всему еще и поэтом. И человеком не без претензий. Он не позволял себя называть Пашей, тут же поправлял: «Прошу вас, я Павел». Такая вот интересная черточка. У него и прозвище в институте было – «Япавел».

Словом, Сева втянулся еще и в какое-то дурацкое соревнование.

Нет, он пытался бороться, приходил – в сущности за помощью – к Люде, хотя гораздо реже, чем раньше, ссылаясь на загрузку. Но что-то у них разладилось – и неудивительно. Люда ничего не выясняла, ее характер этого не позволял. Но напряжение нарастало. К счастью, он должен был на две недели уехать в Москву, оформлять договоры. Вернулся незадолго до отъезда, но легче не стало. Прибыла комиссия по приемке выставочных станков, естественно с ними был и «зам по внешним сношениям», так что они втроем – Сева, Марина и Павел – почти не разлучаясь провели эту неделю. Но Севе с грехом пополам, соблюдая по возможности политес, удалось дотянуть без катаклизмов до отъезда.

Наверно, в его жизни пошла темная полоса, потому что дома буквально за неделю до отъезда случилась давно ожидаемая неприятность. Состоялась беседа Лины с корреспондентом у лифта, и появилась не только статья под заглавием «Насильно мил не будешь» где-то там в каком-то заграничном «Нью-Йорк таймсе», но и интервью в записи транслировалось по радиостанции «Голос Америки», то есть практически вошло к нам в каждый дом. «Голос Америки» слушали если не все, то уж через одного точно. Аркадий Борисович вместе с женой тоже слышали эту передачу. Их единое мнение было — Линочка могла бы быть куда более политкорректной.

В ответ в местной газете появилась статья под ужасным и лобовым — по мнению Аркадия Борисовича — заглавием: «А сало русское едят». Это было обидно вдвойне, потому что Лина с мужем соблюдали религиозные еврейские традиции и уж сало-то определенно не ели.

Александр Михайлович, с которым Аркадий Борисович имел честь — но не желание — снова беседовать, сказал: — Каков привет, таков ответ.

И назначил момент неотвратимого возмездия через два дня в четыре часа тридцать минут в Центральной библиотеке.

То, что их уволят, было ясно как божий день. Но и в самых страшных снах не могло присниться то, что им довелось услышать от своих многолетних сотрудников и сотрудниц.

Удивительное дело, уже столько лет прошло со времен культа личности и массовых репрессий. Последние годы обычных граждан, кроме отчаянных диссидентов, уже не сажали, а тем не менее «органы» по-прежнему оказывали гипнотическое действие на население. Если «органы» давали какое-то указание коллективу, то каждый член этого коллектива терял самоуправление и готов был выполнять и перевыполнять любое их пожелание. И ведь

ничего этому члену «органы» сделать уже не могли, а вот поди ж ты, подчинение въелось в сознание. Или все-таки по-прежнему в их силах было любому доставить неприятности? Но проверять никому не хотелось. Гораздо проще было придумать на скорую руку самооправдание и вместе со всеми лить грязь в указанном «органами» направлении, демонстрируя свою сознательность. Но в данном случае оправдания можно было не придумывать. То, что рассказывала Лина, было правдой, все говорили то же самое друг другу не стесняясь. Но говорить между собой это одно, а она выступала перед врагами. И обвиняла не только строй, но и осуждала пассивность и безответность народа. А это уже было обидно, и для многих унижительно. Задевало какие-то струны...

Александр Михайлович в деле мобилизации масс знал толк. Все было многократно проверено на практике в течение многих лет. Пришли все сотрудники библиотеки, никто не хотел проявить нелояльность.

Для начала он обвиняемых отсадил в угол сцены, где они выглядели отчужденно и сиротливо. Сам сидел посередине за столом с директором библиотеки и каким-то мрачным человеком, который не говорил ни слова, но все время что-то писал. Что он там писал? Это тревожило и настораживало.

Вступительная речь была краткой, но доходчивой. Александр Михайлович объяснил, что собрание проводится по просьбе трудящихся. То есть не по инициативе «органов». После статьи в газете их отдел был завален письмами честных работников, которые просили навести порядок. И он показал солидную кипу этих писем. Подготовился.

Аркадий Борисович плохо ориентировался в происходящем, но Нина Григорьевна сохраняла хладнокровие и время от времени комментировала события ему на ухо.

— Смотри, Аркаша, все письма честные работники писали на одинаковой бумаге, их даже вдвое не сложили.

Ровенькие. Наверно, все специально покупали большие конверты.

Потом Александр Михайлович сообщил, что яблоко от яблони не далеко падает, и значит, была такая гнилая атмосфера в этом доме. Для разгона прочел несколько заявлений от довольно близких к обвиняемым людей, которых они считали друзьями. Хорошо рассчитанный удар. Письма были полны вздорными обвинениями и кончались просьбой освободить очаг просвещения от этих двурушников.

Выступил с кратким оскорблением секретарь парторганизации, а потом началась вакханалия обвинений. Народ входил в раж. Повторять это все не стоит. Ну, например, русские говорили, что Бенимович тянет своих, в смысле евреев, и не дает ходу другим. Выступающие вослед за ними евреи обвиняли его в трусости, из-за которой он их зажимает. И никого не смущала нестыковка. Кто-то сказал, что он всю войну отсиживался на складе, при продуктах, когда все голодали. Аркадий Борисович действительно из-за плохого зрения войну провел в караульном взводе оружейных складов, где, кроме гранат и патронов, есть было нечего. И имел ранения и награды. Фроловой досталось за высокомерие и ненависть к русской литературе – ее специальностью была западная. Другой литературы в ее отделе не было. Кто-то в экстазе обвинял их в том, что они выступили по «Голосу Америки», перепутав с Линой. Его не останавливали, главное было сохранить атмосферу.

– Аркаша, такое впечатление, что им сказали фас и спустили с цепи.

Все это выглядело ужасно, один оратор распял другого. В основном это были те, которых вызвали на Багрицкого и посоветовали написать письмо. Теперь они оправдывали свой поступок хотя бы в своих собственных глазах. Неприглядная картина, тяжелая история для всех.

Конечно, немало сотрудников молчало и прятало глаза от неловкости, но в защиту не выступил никто. Ни один человек.

Когда Александр Михайлович спросил, не хотят ли они что-то сказать народу, Нина Григорьевна встала, посмотрела в зал и твердо сказала:

— Вам — нет!

И они ушли. Реакция была страшно тяжелая. Претензии к «органам» занимали долю процента от общего впечатления. Но люди... Как это можно было объяснить? И как с ними жить дальше?

В тот же вечер Аркадий Борисович, несмотря на просьбы жены, пошел поговорить с дочерью. И получил дополнительный стресс.

— У тебя пенсия есть — с голоду не помрете. И Нина устроится. Я же работаю лифтершей.

— Но если нас лишат квартиры...

— Не начинай. Кто-то должен делать то, что делаю я. На Западе будут знать обо всех отказниках, даже о тех, которые сидят тихо, как мыши, боясь высовываться.

— Может, они жалеют своих близких? Это тоже вопросы совести.

— А ты знаешь, что сказал Бен-Гурион? «Если положить на одну чашу весов все идеалы мира, а на другую — существование Израиля, то я выбираю второе».

— Как можно жить, если все идеалы мира на другой чаше? — вздохнул Аркадий Борисович. Но понимания не встретил.

Нина Григорьевна перенесла экзекуцию и увольнение довольно стойко. Остатки гонора, доставшиеся ей по наследству от бабушки Радулеску, помогли не очень считаться с мнением народа и смягчили удар. А Бенимович получил настоящее нервное потрясение. В комплекте с основательным неврозом. Для тех, кто не знает этого на своем опыте, постараюсь описать. Примерно так: ты лежишь в койке,

готовый уснуть, и вдруг чувствуешь, как внутри неудержимо нарастает напряжение и тревога. Ты прекрасно знаешь, что это все только нервы, что страхи беспочвенны и бессмысленны, но ничего не можешь с собой поделать. Напряжение перерастает сначала во внутреннюю, а затем и вполне реальную дрожь. Никакие уговоры, попытки взять себя в руки не помогают. Это сильнее тебя. Можно встать, постараться отвлечься на что-нибудь, дай бог, чтобы стало легче. Нескоро Аркадий Борисович избавился от этой напасти. А былой оптимизм и веру в людей подрастерял.

Но в общем-то, за исключением сильного психологического шока, ничего ужасного не произошло. Советская система практически не давала шанса среднему человеку значительно, резко улучшить свой статус и особенно — уровень жизни. Но зато нужно было очень постараться, чтобы его намного ухудшить. Линочка сделала в этом смысле все от нее зависящее, но в принципе в жизни семьи Севы мало что изменилось. Система обеспечивала определенную стабильность, просто все дружно всей страной потихоньку опускались на дно. Но все вместе — это не страшно.

Буквально через пару дней Нина Григорьевна получила два предложения на работу — в районной библиотеке и даже в библиотеке университета. На такие должности и оклады желающие очередь не занимали. Аркадий Борисович решил пока посидеть на пенсии, тем более что его пенсия мало чем отличалась от оклада. Он собирался постоять в очередях — самая нужная работа в эти годы — и помочь жене по хозяйству.

С Севой на заводе поговорил начальник третьего отдела, плоть от плоти «компетентных органов», и сказал, что «надо наплевать и растереть». Какое отношение имеет Сева к этой диссидентке, где имение и где наводнение? В нем сейчас заинтересованы куда более солидные люди,

чем почти списанный в расход Александр Михайлович. Вот только с квартирой надо решить, это место уязвимое. Начальник третьего отдела был полностью в курсе дела – такая у него работа. Но ничто человеческое ему было не чуждо, и он подмигнул Севе: «Ничего, Людочка Приходько нам в этом поможет».

Жизнь определенно продолжалась. Вот только сам Сева запутался тогда, когда нужно было срочно распутываться. «Все, – решил он, – сразу же в Ганновере поставлю точки над «і».

Наконец их делегация в составе пяти человек вылетела в Германию. Провожал, разумеется, Павел. На прощание он поцеловал Марину в щечку, чем надолго испортил Севе настроение. Зато добавил решимости. На второй день в Ганновере Сева предложил Марине поужинать в ресторане. На удивление быстро она согласилась. Они проели, пожалуй, неплохой видеоманитофон, но кто с этим считается! Сева оживился, использовал весь свой опыт и все обаяние, чтобы произвести впечатление. Кажется, ему это удалось. На подходе к гостинице он повернул ее к себе и, крепко взяв за плечи, поцеловал в губы. Но при этом невольно зажмурил глаза. Пощечины не последовало.

- Ты знаешь, я боялся тебя поцеловать, – признался он.
- А я боялась, что ты меня не поцелуешь.

Через месяц после возвращения из Ганновера Марина перевезла свои вещи и стала членом семьи. Пока неофициальным, ЗАГС и свадьба ровно через две недели. Может быть, не нужно было так скоропалительно все решать, но что делать? Неугомонная пара антиподов – Лина и Александр Михайлович – стали подавать признаки жизни. Да и зачем тянуть? У Севы, например, даже тени сомнений не было в том, что это судьба. Марина тоже так думала.

Он при возвращении очень волновался из-за предстоящего объяснения с Людой. Но оказалось, что она недавно уволилась с завода, видимо, информация из Ганновера все-таки поступила. На телефонный звонок ответила спокойно, от предложения встретиться и поговорить отказалась.

— Давай не будем производить вскрытие. Обойдемся без экспертизы.

Сева хотел предложить дружбу, но хватило ума промолчать.

Он теперь частенько думал еще об одном. Вспоминал, как временами ворчал, что его путь ясен и прочерчивается далеко вперед. Сейчас он был доволен, что все так уверенно и надежно. Он сейчас глава семьи и обязан заботиться о ее стабильности.

А еще, вернувшись из Ганновера, Сева от души пожелал советской власти провалиться в тартарары. Чтобы стало все как на Западе. Тогда он в своем положении и при своей квалификации был бы кум королю. Но об этом не стоило даже мечтать.

Вероятно, единственный человек, который внутренне огорчился таким поворотом событий, была мама. Конечно, она даже повода не дала Марине почувствовать это. Ни она, ни бабушка Радулеску на такое способны не были. И Марина маме определенно понравилась. Но иногда, когда рядом никого не было, она смотрела на Севу взглядом, который без слов говорил: «О Трот, слепец, слепец, слепец».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ

Пожелание Севы сбылось. К удивлению всего населения земного шара произошло то, что еще совсем недавно воспринималось бы как нелепая первоапрельская шутка — советская власть развалилась на части. Вместе с великим и могучим Советским Союзом. Отпочковалась в числе прочих независимых государств и Украина. У нее оставалась только одна серьезная проблема — как распорядиться своей свободой.

Из князи в грязи

Именины, как и положено, состоялись 1 апреля. Год 1994-й. Суббота, что было очень удобно и для гостей, и для хозяев. Собственно говоря, это был день рождения, но чаще принято говорить именины, и это логично. В русском языке нет специального определения для виновника торжества, не называть же его каким-нибудь «роженником». Раз именинник, значит и именины. Будем и мы поступать, как принято.

— Сорок три года, серьезный возраст, а для бессмертия по-прежнему ничего не сделано, — привычно начал Сева традиционный последний тост. — Мало того, результаты движения в этом направлении становятся все хуже и хуже. Цель все выше и недостижимей... или это я опускаюсь ниже? Во всяком случае, расстояние между мной и нею увеличивается в соответствии с законом относительности.

Сева в состоянии легкого подпития был склонен к красивым обобщениям и демонстрации своего культурного багажа. Обычно он говорил проще и понятнее.

Его рассуждения были только прамбулой, тост должен был по традиции закончиться призывом выпить за дорогих гостей. Это был своеобразный сигнал к официальному закрытию торжества. Дорогие гости уже были «в кондиции», и в ответ на самокритику именинника возражали нестройным хором слабо и без огонька. Была в Севином самоуничижении сермяжная правда. Смысл оправданий гостей был прост — оно, конечно, все выглядит не очень обнадеживающе, но Сева ни в чем не виноват. Время такое. Полный развал, какое уж тут бессмертие, главное в данный момент не протянуть ноги, что тоже непросто. Слишком с большой скоростью все вокруг менялось, и создавалось впечатление, что это скорее похоже не на изменение, а на разрушение. Во всяком случае, так казалось тем, кому было слишком тяжело приспособиться к неожиданным поворотам событий.

Нынешние именины были мало похожи на те, что состоялись десять лет тому назад. Квартира была та же, но на этом сходство и заканчивалось. И дело было вовсе не в том, что главные действующие лица постарели на указанные десять лет, это как раз совершенно не бросалось в глаза. Отличия скорее были связаны с новыми временами.

Прежде всего, эти именины начались необычно рано — в час дня, и в этом смысле были больше похожи на детский утренник. Причина более чем убедительная — гостям

нужно было после торжества добраться домой засветло. Даже после наступления легких сумерек возникала опасность получить по голове со всеми вытекающими последствиями. Вечером в большинстве районов Города, кроме бандитов, прохожих на улицах не было. С освещением были проблемы, с транспортом были проблемы, поэтому расходиться лучше было часам к пяти.

За столом сидело всего десять человек. «Всего», потому что в былые времена на таком мероприятии к большому раздвижному столу в гостиной приставляли еще один, тоже не маленький, но все равно было тесно. А сейчас все разместились за обычным обеденным столом на кухне.

За эти годы круг общения заметно сократился. Смутное время расстроило некоторые, видимо, не слишком прочные связи. Да к тому же многие друзья и знакомые, на удивление – многие, подались в эмиграцию. Кто бы мог подумать, что в Городе так много евреев, а еще больше людей, каким-то загадочным образом с ними связанных? Высоцкий, оказывается, не шутил, когда пел: «Евреи, евреи, кругом одни евреи»...

Была еще одна, куда более прозаическая причина небольшого количества гостей – в нынешние нелегкие времена купить уже можно было почти все, но за очень большие деньги. А с этим в семье Фроловых было туго. В бюро полгода не платили зарплату, а над сбережениями поработали банки и правительство. Финансовые пирамиды трудились всюю, Украина печатала свои деньги – купоны – в большом количестве, и все сбережения семьи превратились в эту бумажную труху.

Поэтому Сева дипломатично никого не приглашал, действовал по «аристократическому» принципу – придут те, кто помнит.

В результате за столом собрались самые стойкие. Мама, жена Севы Марина, их восьмилетняя дочка Наташа, муж мамы Аркадий Борисович. Школьные друзья, разумеется,

Тюля, он же Анатолий Тюлькин, и Виктор Сенин с женой. Многолетний сотрудник Марины и Севы по конструкторскому бюро Борис Шварц, разведенный довольно давно, и подруга Марины Лариса, разведенная недавно.

Все присутствующие находились примерно на одной ступеньке социальной лестницы и ни морально, ни материально далеко друг от друга не ушли. Хотя признаки расслоения уже появились.

Сева продолжал околачиваться – другого слова не подберешь – все в том же конструкторском бюро, последние пару лет просто по инерции. От завода ничего жизнеспособного уже не осталось. Даже надежда, которая умирает, как говорят, последней, давно отдала богу душу. Нельзя сказать, что он не пытался уйти на более перспективную работу. Но куда? В некогда промышленном Городе на глазах разваливались все более-менее серьезные заводы, и прежде всего машиностроительные. Никто ничего не строил и, соответственно, не проектировал. То, что Сева знал и умел, оказалось никому не нужным. И таких, как он, была целая армия. Да, наверно, он затянул переход на новые рельсы, но это было легче сказать, чем сделать. Многие помнят это подвешенное и какое-то нелепое состояние людей, еще недавно устроенных и уверенных в себе...

Тюля по-прежнему работал в зубоорудной поликлинике, которая приобретала все более облеслый вид. Больных обирать он пока не научился, но врачам помаленьку, хотя и с перебоями, какую-никакую зарплату платили. Жить на эти деньги было нельзя, но и помирать не давали. Тюля в качестве подарка принес бутылку чистого медицинского спирта и вручил ее, сопроводив известной остротой Жванецкого: «Что охраняешь, то имеешь».

Бутылка пришлась кстати.

Витя Сенин, учитель физкультуры, был самым перспективным из гостей. Он прокладывал дорогу в новое светлое будущее. В молодые годы Виктор серьезно увлекался дзюдо

и боевыми искусствами, едва не стал мастером спорта. Сейчас он достал свои дипломы, развесил их по стенам школьного спортзала и по вечерам стал тренировать так называемых «качков». Это оказалось очень многообещающим занятием. Крепкие парни – «качки» – размножались буквально делением. Потребность в тех, кто сможет защитить или напасть, побить или даже убить, возрастала вместе с ростом малого и среднего бизнеса. Не говоря уже о крупном – там требовались целые подразделения «качков».

К числу перспективных, безусловно, относилась и Марина. Это можно было определить с первого взгляда, бросалось в глаза. Она стояла с бокалом вина в руке, ожидая окончания Севиного тоста. Высокая, стройная, отличный брючный костюм, явно не местного производства, туфли – тоже заморские – на высоких каблуках. Новая прическа, поднятые вверх волосы, умелый и далеко не такой скромный, как было десять лет назад, макияж. Необычный разрез черных глаз тоже умело подчеркнут тенями. Все это придавало ей, как казалось Севе, величественный вид восточной принцессы. Марина за эти годы почти не поправилась и, конечно же, не постарела, тридцать три с небольшим – какие наши годы! Она стала более женственной и, пожалуй, более значительной. Не обратить внимания на нее было невозможно. Сева вспомнил тост Павла десятилетней давности – ему пришлось тогда с неохотой пригласить земляка невесты на свадьбу. Павел сказал, что Марина рождена для «мерседеса». И пусть жених ей купит этот «мерседес» как можно скорее, пока не поздно. Все приняли этот тост за отличную шутку и тонкую лесть. Но оказалось, что в ней, как и положено шутке, была доля правды. Сева сейчас начинал понимать, что это означает – рождена для «мерседеса». И вспомнил подслушанный разговор Павла с девочками из бюро о гусенице и бабочке. Эти

воспоминания изменили ход его мысли, неустойчивой под влиянием выпитого, и неожиданно для себя вместо привычного «За дорогих гостей» он сказал:

— За мою жену Марину, первопроходца новой жизни!

Сам Сева толком так и не понял, то ли это было сказано с восхищением, то ли с горечью. Скорее всего смесь того и другого. В обычном состоянии он от внешних проявлений восторга по отношению к своей жене воздерживался. Уж слишком она и без поощрения всегда была самостоятельной. Но особенно это свойство проявилось в последние два года, когда она ушла из конструкторского бюро на вольные хлеба в магазин одежды, который энергично превращался в фешенебельный дорогой салон. За эти два года она доросла до должности менеджера. Именно в это время карьера тех, кто попал в струю, развивалась стремительно. Теперь она была обязана держать себя в форме, всегда выглядеть идеально, отлично и со вкусом одеваться — это входило в ее служебные обязанности. Марина не только внешне преобразилась, но и стала основным добытчиком — она приносила значительно больше денег, чем все остальные в квартире вместе взятые, включая бывшего главу своей семьи, ныне, судя по всему, низложенного. Но чета пенсионеров хотя бы получала свои гроши регулярно, а о Севе даже этого нельзя было сказать. Такая семейная рокировка не могла не оказывать влияния на подводные течения в их взаимоотношениях. Чтобы как-то сгладить противоречия, все в доме были удивительно вежливы друг с другом и предупредительны. Даже бабушке Радулеску не к чему было бы придрататься. Поэтому Нина Григорьевна и Аркадий Борисович дружно, как по команде, подняли свои бокалы в знак поддержки неожиданного тоста.

— И еще я предлагаю выпить за мое единственное достижение последних лет — за Наташку, — продолжил свой тост Сева. Он взъерошил ее русые «дедушкины»

волосы и поцеловал в толстенький и чуть курносый «дедушкин» нос.

В Наташе все было «дедушкино». Дедушки Алеши. Природа постаралась сделать копию, и ей это удалось. Глаза, лицо, фигура, смело можно добавить сюда характер, общительный и неунывающий. И даже какая-то особенная любовь к бабушке тоже досталась ей по наследству. С раннего детства она говорила: «Я бабушкина дочка». Как обычно, сегодня Наташа за столом сидела между Севой и Ниной Григорьевной. А Марина, если и ревновала ее, то никогда даже вида не подавала. Марина умела вести себя достойно. Всегда тактичная, сдержанная. Всегда готова помочь. И очень самостоятельная...

Гости ждали продолжения, но Сева скомандовал:

— Выпили и закусили! «За дорогих гостей» будет отдельным выступлением. Еще одна возможность выпить.

Мужчины, включая Аркадия Борисовича, встали. Выпили. Сели, закусили. И продолжили разговоры.

В самом начале именин, когда только усаживались за стол, все дружно дали торжественное обещание — забыть надоевшие всем темы: политику, деньги, хаос, перестройку. Говорить только о чем-нибудь более приятном. «Поговорим о бабах» — это был любимый клич Тюли. Он не имел в виду ничего пошлого, просто подразумевались нейтральные и обычные темы.

Но, естественно, плохо получалось. Кто-нибудь обязательно через пару предложений о погоде и здоровье скатывался на запретную территорию, и все с азартом подхватывали. Через несколько минут после нового, расстраивающего всех обсуждения насущных проблем, звучал жизнерадостный призыв Тюли: «Поговорим о бабах». И все повторялось.

Сева в разговоре не участвовал, а задумчиво и даже печально следил за перемещениями Марины от стола к раковине и обратно — она потихоньку убирала лишнюю посуду.

Что-то угрожающе разлаживалось в его семейной жизни. Первые лет пять после женитьбы все в их квартире жили дружно и хорошо. Сева оказался прав — различие во вкусах и пристрастиях не помеха, противоположности действительно иногда сходятся. Молодые любили разную музыку, читали разные книги, Марина театру предпочитала концерты. Но оба уважали чужие вкусы и по возможности составляли друг другу компанию. Как мы уже знаем, Сева больше тяготел к реалистичным формам в любом виде искусства, Марина увлекалась всем современным и современным.

— Кто бы мог подумать, что в Виннице всему этому учат, — время от времени подкалывал он.

Конечно же, не все было гладко, в реальной жизни гладко не бывает. Ну, хотя бы такой аспект... Марина всегда была немного фригидной, ну, скажем, не очень темпераментной, но Сева теоретически считал это достоинством для жены. А практически... Иногда в самый неподходящий момент он вспоминал жаркие ночи с Людой. И не только ночи. Иной раз хотелось вместе лишней раз послушать новый отличный диск «Прелюды» Листа, а вместо этого он без особого интереса пытался разобраться в малопонятных ему речитативах Гребенщикова, да еще в некачественной «паленой» записи. Увы, все желания исполняются только в сказке.

Сева обожал слушать их фамильную реликвию — мощный старый добрый музыкальный комбайн «Соната». К нему шел комплект, собранный Ниной Григорьевной — с помощью Севы, — долгоиграющих пластинок на 33 оборота «Гигант». Оперная, симфоническая музыка. «Настоящее богатство — для тех, кто понимает», — с намеком говорил Сева. Марина слушала вместе с ним, проявляя полную коллегиальность.

Но в одном Сева не ошибся — характер у Марины определенно был. Не вздорный, не демонстративный,

но какой-то базовый. Крепкий характер. При всех ее очевидных внешних и внутренних достоинствах, она была, по мнению Севы, очень самостоятельной. Слишком самостоятельной. Как правило, она с ним советовалась, если нужно было принять какое-нибудь важное решение, но поступала всегда по-своему. И после этого категорически отказывалась вступать с Севой в конфронтацию. Она просто вела себя, как обычно, в упор не замечала его обид. Если Сева продолжал дуться или постфактум выяснять отношения, он выглядел скандалистом и старым ворчуном. Зачем стулья ломать, если дело уже сделано?

С Ниной Григорьевной вы уже хорошо знакомы, не буду повторяться. Поэтому Севу в первые годы его семейной жизни больше всего беспокоило, как смогут две женщины с сильными характерами ужиться в одной квартире. Но обе были достаточно умны и воспитаны, чтобы не напрягать обстановку. Нина Григорьевна сразу же и довольно демонстративно вручила ключи от города победительнице. Та с благодарностью их не приняла. И в квартире образовалось то ли двоевластие, то ли безвластие, но никаких неприятностей это никому не доставляло. Как-то женщины распределили сферы влияния и охотно друг другу помогали. Тем более, что в те времена, если вы помните, Сева был достаточно уверенным в себе человеком и мог — хотя бы теоретически — на что-то в семье влиять. Единственным предметом недовольства могла быть ревность по отношению к Наташе, влияние на ее воспитание и чувства, но та так явно предпочла всем бабушку, что выбора уже ни у кого не оставалось.

И вот в последние годы динамическое равновесие стало нарушаться. В доме Фирсовых становилось как в доме Облонских...

Сева вспомнил о своих обязанностях хозяина и отвлекся от невеселых мыслей. Как часто бывает в конце застолья, общая беседа выдохлась и все разбились на отдельные

группки. Борис, как ему и было положено, пытался охмурить Ларису. Но шансов у него, решил Сева, не было. На лице ее ясно читалось: «Какой от тебя толк. Ты даже в кафе повести не сможешь, не говоря уже о ресторане. И то на трамвае. Только время на разговоры с тобой тратить». Борис не очень смотрелся рядом с яркой и сексуальной актрисой. Чуть полноватый, не слишком ухоженный, немного близорукий — обычный конструкторский набор. И тактику он применил неверную — рассказывал, как стало плохо на заводе, и грозился оттуда уйти куда глаза глядят. На лице Ларисы проявилась новая мысль: «Ой, куда ты уйдешь, кому ты нужен, вечный конструктор». Сева перевел взгляд на Марину, сидевшую с ней рядом. «Скажи мне, кто твой друг...». Странно, он давно знал Ларису, она была вполне нормальной женщиной. Просто перемены коснулись и ее. Сейчас такое поветрие. Нет, не поветрие, такое время. И надолго. Женщины приходят к выводу, что внутренних, не оцененных материально, достоинств нет. Если они не выдуманы, а существуют в действительности, значит, должны пробить себе дорогу. В денежном выражении. Часто они бывают правы. Но не всегда же?

Лариса вместе с театром последние годы перешла на хлеб и на воду. Давали всего по два спектакля в неделю, и те при пустых залах. Зарплаты стали символическими. И пришлось Ларисе играть в жизни роль водевильной хористочки. У нее появился меценат, по слухам, сам зам-губернатора. Вслед за этим что-то изменилось во внешности и манере поведения. Светлые волосы приобрели вызывающе рыжий оттенок, помада стала более яркой, декольте привлекало внимание. Ларисе это все не шло. Сева ее жалел. Впрочем, и себя тоже.

Именины явно подходили к концу. Энтузиазм угасал на глазах.

Жены Тюли и Вити, Вера и Катя, договаривались о поездке на базар в поисках колготок. Цены сумасшедшие.

Едва успев дожевать, выступил Тюля и тоже стал говорить о наболевшем. Не о бабах.

— Слушай, Сева. Прямо через дорогу, напротив нашей клиники устроили роскошный кабинет конкуренты. Зубные врачи, извини за выражение. Вера их знает, худших в Городе нет. Руки у них растут из...

— Толя!..

— Причем у всех из одной и той же... Уйму денег вбухали, миллионы. Откуда их взяли? Кабинеты из Германии, техника высший класс. Секретарша лет семнадцати, — это, судя по всему, его особенно расстроило. — Стоянка на пять машин. А специалисты из них, как из...

— Толя!..

— Да помню я!

И тут Вера не выдержала:

— А ты специалист? Я рот не могу открыть, на всех коренных зубах пломбы из амальгамы твоей чертовой. Черные. И держатся насмерть.

— Других материалов тогда не было. Зато очень прочные...

— Только рот не откроешь. Уж молчи. Вот такие мы были специалисты. На подножном корму. Сейчас так не получится. К твоим рукам нужно голову приделать.

— Твою?

— Мою.

Тюля отступил:

— Ты знаешь, она сейчас кооператив сколачивает. Из нас, специалистов. Деньги находит...

— А он боится. Держится за свою поликлинику. За облезлое кресло и бормашину, от которой штукатурка с потолка сыплется. Было бы что терять. Искать нужно, где глубже. Молодцы люди, которые не боятся, не лежат на одном месте.

И она с уважением посмотрела на Марину.

Сева заметил этот взгляд и неожиданно почувствовал горькую обиду. Не на Веру и даже не на Марину. На несправедливость.

– Первыми всегда с корабля уходят те, которым нечего терять. Которые ничего не добились. Они легко уходят, ищут, где глубже, и быстро все прибирают к рукам. Опять «кто был никем, тот станет всем».

Марина на вызов не ответила, на конфронтацию не пошла. Это было не в ее характере. Но и промолчать не смогла.

– Ты прав. Действительно, для меня уход с завода не-большая потеря. И для завода тоже. Да и... Наташу нужно было кому-нибудь кормить.

Сева взорвался. Не повышая голоса – кричать у них в доме было недопустимо, – но еле сдерживая себя, он сказал:

– А что я мог делать? Я не лежал. Каждый день после работы...

Марина хмыкнула:

– Работы... На заводе давно нет никакой работы...

– Это ты так думаешь. Не важно. По пять часов ка-лымил на машине. Через ночь дежурил...

– Сторожил...

– Не важно. И не считал это зазорным. В магазине. Не все могут быть бизнесменами, тем более бизнесвуменами. У меня нет фигуры, которой я мог бы соблазнять покупателей. И не только покупателей...

Это уже был моветон. Всем стало неловко.

– Сева, возьми себя в руки!

Наступила напряженная тишина. Сева не без усилий взял себя в руки.

– Хорошо, мама, – и к Марине: – Извини, пожалуйста. Не сдержался. Прости.

– Ладно. Я тоже... Но твой завод это уже одно название. Нет смысла за него цепляться. Нужно либо что-то менять, либо, – теперь и она не сдержалась, – идти на пенсию.

– И не мешать жить другим, – еле слышно пробормо-тал себе под нос Сева. Ответ был более громким:

– Может, и так...

– Готовимся к двум разводам, – как всегда «удачно» сострил Тюля.

– Я тебе дам развод! Я тебе голову оторву, а человеком сделаю, – возразила Вера.

«На развод остался только один кандидат», – невесело подумал Сева.

Все почувствовали, что пора расходиться. Наскоро организовали тост «За дорогих гостей» и стали прощаться. Сева, как обычно, отправился их провожать. В коридоре, проходя мимо большого, во весь рост зеркала, он искоса взглянул на свое изображение и еще больше расстроился. Остановился, посмотрел повнимательней. Он уже не выглядел таким уверенным в себе человеком, как это было раньше. Особенно в профиль. Гордо вздернутый подбородок опустился, и не только подбородок. И правильно. Искать работу с «проглоченным аршином» было бы занятием бессмысленным. Любимый уже примерно лет пять серый костюм выглядел в соответствии с его возрастом, хоть и был тщательно вычищен и наглажен. Сева с ухмылкой подумал, что внешне он уже во многом приспособился к новым обстоятельствам. А вот хорошо ли это?

Подошла Марина, остановилась рядом и поправила что-то в прическе. Через зеркало они обменялись взглядами. Можно поручиться, что обоим пришла в голову одновременно одна и та же мысль – раньше мы сочетались лучше. Марина, как обычно, первая пришла на помощь, ободряюще улыбнулась и поцеловала Севу в щеку.

– Ладно. Иди. Но не увлекайся своими прогулками. Вернись засветло. Мы будем волноваться.

На душе полегчало.

Сева отправился провожать Тюлю с Верой, которые жили недалеко, сразу по другую сторону главной улицы. Сенины ушли на автобус – Витя переехал в новый район. Борис с Ларисой незаметно растворились в воздухе.

«Зря старается, ничего у него не выйдет. Он тоже неперспективный, — подумал Сева. — Впрочем, как разовый вариант, может быть, пройдет».

Центр Города стал напоминать рынок. Везде ларьки, ларечки, лоточки, на первых этажах магазины и магазинчики, кафе, большинство явно импровизированные. Почти все товары и продукты были какого-то иностранного и антисанитарного вида. Снабжалось все это многообразие в основном самоотверженными челноками, но параллельно начинали действовать и нормальные рабочие отношения с иностранными фирмами. В Городе уже открылось несколько довольно богатых и серьезных ресторанов и магазинов. Одним из лучших был магазин-салон в центре главной улицы, где менеджером служила Марина. Окна большие, светлые. За окном Сева к своему неудовольствию увидел хозяина — полноватого, чуть лысоватого, но высокого и самоуверенного господина. Федора Михайловича Потапова, тезку Достоевского. Чем-то он Севу раздражал, нетрудно догадаться, чем.

Удивительно, как за последние три-четыре года развилась неказистая, но довольно обширная зона обслуживания. Такой своеобразный рынок распространился на все основные трассы и большие площади Города. Только здесь можно было найти живые деньги. Контраст с агонизирующими производственными предприятиями был очевиден. Еще одно новшество времени — возле каждого мусорного ящика трудились то ли бомжи, то ли просто старички и старушки. Эта картина становилась привычной. Далеко не у всех хватало на самую элементарную еду, чтобы ноги не протянуть. А у входов в магазины деловито сновали беспризорники. Самые настоящие, как при НЭПе.

Ладно, я постараюсь не заикливаться на тяжелых описаниях и возвращаюсь к нашим героям.

Они медленно шли по оживленной — еще было светло — главной улице. Севе разговаривать не хотелось, но уж так

у них повелось — если молчал Сева, то инициативу брал на себя Тюля. Молчать у них принято не было.

За тридцать лет с кем еще можно было откровенно поговорить? Тридцать лет дружбы дорогого стоили.

Они, начиная с пятого класса, вместе готовились к экзаменам. Сева учился лучше, он был отличником, иногда почти отличником. Впрочем, Тюля тоже занимался неплохо, больше четверок, чем троек. Просто он был — таким и остался — немного безалаберным. Да, он не любил читать, иногда не любил думать, еще чаще сначала говорил, а думал потом. Но был неглуп. То, что его интересовало, он знал отлично. Журналы по специальности он выписывал и прочитывал от «а» до «я». И компьютер освоил намного раньше Севы. А надежность Тюли сомнений не вызывала.

Прошедшие десять лет, пожалуй, больше всего сказались на нем. Тюля слишком долго выглядел юным, и теперь довольно резко догонял свой возраст. Так часто бывает, вы и сами это замечали. Он немного пополнел и, увы, начал лысеть. Но его характер и манеры практически не изменились.

С самого начала их дружбы и по сей день, несмотря на занятость, семью, детей, Тюля один-два вечера в неделю проводил у Фроловых в гостях.

— Мне тоже нужен глоток свободы, — объяснял он.

— Севка, не пойму, как так получилось. Ты в нашем классе был самым успешным. Кроме Шишкина.

Шишкин был секретарем обкома комсомола. И сейчас, как острили, без отрыва от производства стал одним из самых богатых людей в Городе.

— Вот смотри, Тюля. Мы были недовольны уравниловкой, тем, что нас не выпускают никуда, что инициативы нет и рот на замке. Все это правда. Сейчас все иначе, и я руками и ногами за это.

— Знаю. Ты всегда был большим демократом.

— Но возьми наш класс. Десятый «Б». Все закончили институты, работали, все были худо-бедно устроены.

– Почти все. Кроме Крота.

Кротов связался с блатными и в девятом классе сел в тюрьму за участие в грабеже.

– Многие стали подбираться к солидным местам. А сейчас? Где все? Носятся как угорелые, куда-то пристраиваются. Вера тебе кооператив строит, иначе с голоду помрете, хотя ты хороший специалист.

– Ну, уж с голоду... – обиделся Тюля.

Вера с охотой поддакнула Севе, она и сама так думала.

– А кстати, Севка, ты знаешь – Шишкин взял Крота к себе в охрану. Начальником. Он теперь большой человек.

– Который из них?

– Оба.

– Видишь. Две успешные карьеры. Задумаешься тут.

Они подошли к еще одному новому и солидному магазину с огромной – по тем временам – вывеской «Оргтехника». Владелец этого магазина сдавал в аренду помещение, в котором размещался салон уже упомянутого Федора Михайловича, поэтому рекомендация его вес имела. Два года тому назад по его совету Федор Михайлович принял многообещающего работника Марину Фролову и ни разу об этом не пожалел.

Владельцем «Оргтехники» был Павел Самосенко, земляк Марины, бывший сокурсник, сослуживец и соперник Севы, бывший «зам по внешним сношениям» Самоеда, а ныне солидный бизнесмен.

Два бизнесмена

Павел исчез с завода при первом же слабом, еле ощутимом дуновении перестройки. Он решительно присоединился к еще только набирающему силу кооперативному движению. Если хотите, он был по отношению к советской

власти самым настоящим диссидентом. На такой поступок тоже нужна была смелость и решительность. К выходу знаменитого закона о кооперации 1988 года он уже был опытным и закаленным бойцом капиталистическо-социалистического фронта.

Ходили слухи, что он продолжает числиться на заводе, что он находится в долговременном отпуске за свой счет (тогда это поощрялось, нечем было платить зарплату), кому-то что-то «отстегивает». Словом, подстраховывается. Мало ли что будет?

Павел был крепким, выносливым, энергичным и очень контактным человеком. А главное — всей душой стремился к деловой активности. Бесценный опыт «чиновника для внешних сношений» при Самоеде помог ему понять изнанку власть имущих любого ранга — а у них много общего, вне зависимости от калибра. И он азартно ринулся в авантюру — в то время кооперативную деятельность иным словом трудно было назвать.

Как солдат, который хочет стать генералом, он не погнушался начать с самых низов — сделал несколько рейдов в качестве челнока. В это время челноки уже бороздили бескрайние просторы Союза и подобно древним викингам выплывали на просторы мирового океана. Павел сам у прилавков не стоял, но организовал несколько будочек. Это был только способ для получения небольшого начального капитала, не больше. Плюс боевое крещение при оформлении документов фирмы и опыт перехода таможи.

Нужно было выбрать перспективное направление хотя бы на первый период. И Павел вовремя сориентировался, вы уже давно поняли, что он был очень неглуп.

Предвиделось массовое появление различных фирмочек, бизнесов, офисов и прочих мелких и крупных заведений. Все они нуждались в компьютерах и хотя бы элементарной оргтехнике не только для престижа, но и по существу. В Украине в этом смысле было пусто. И Павел

с большой скоростью и в больших масштабах включился в это направление. Нашел контакты в сберкассе, брал максимально возможные и на максимально выгодных условиях ссуды — там работники тоже кушать хотели, особенно за государственный счет. Потом, после 88 года, когда были разрешены частные банки, он и сам вошел в число учредителей одного из них. Горбачевская перестройка облегчила вывоз и ввоз товаров из-за границы, грешно было этим не воспользоваться. Павел наладил стойкие контакты с фирмами на Востоке — Корея, Гонконг, Тайвань. Английский язык очень даже пригодился, не напрасно он столько лет за счет завода ходил на курсы.

Особое внимание, естественно, Павел уделил таможене и налоговой инспекции, потому что если выполнять все туманные и безмозглые инструкции тех лет, то ничего, кроме неприятностей, заработать было невозможно. Лишь один закон тогда позволял добиваться успеха — «ты мне, я тебе». На таких условиях таможня и инспекция вместо тормоза становились активными помощниками и значительную часть проходящих через границу грузов «в глаза не видели». По этой причине в Городе появились специальные фиктивные фирмы, которые «отмывали» неизвестно откуда — из воздуха — взявшиеся иностранные товары.

Павел работал удивительно оперативно и решительно, большинство конкурентов оставлял за бортом. Советской власти подобные темпы не снились даже в самых розовых снах. Я вам об этом рассказываю для того, чтобы вы поняли, что если у Павла появились деньги, то не потому, что они росли на дереве. Другое дело, что в этих темпах и в этих результатах, кроме энергии, большую роль играли цинизм и беспринципность самого бизнесмена и связанных с ним чиновников. У Павла было развито очень ценное для советского торгаша свойство — он интуитивно и точно знал, кому и сколько нужно дать «на лапу», чтобы

дело пошло быстрее. И делал это с виртуозной легкостью и непринужденностью. А если не было согласия, то Павел все с той же очаровательной улыбкой уступал место молодцам с крепкими фигурами и невыразительными глазами. Он одним из первых в Городе обзавелся таким «обслуживающим персоналом». С ним предпочитали дружить даже те, у кого начальником охраны был какой-нибудь Крот, из уголовников. Такое было время.

Развал Союза, шоковая терапия Гайдара, бардак в «самостийной Украине» не повлияли на стабильность его структур. Скорее наоборот, в таких условиях наиболее решительные и умелые создавали свои состояния. И Павел готовился к переходу на новый уровень. Торговцы электроникой стали его догонять, их развелось слишком много. Пора было товары и денежки-бумажки превращать в солидную недвижимость и предприятия. Для начала он решил вернуться на завод, но уже в другом качестве — в качестве владельца или в худшем случае совладельца.

Павел был доволен такой жизнью, доволен собой и всем вокруг. В том числе и перестройкой, это было его время. В завихрениях и общей сумятице он чувствовал себя как рыба в воде. При этом не надрывался, а держал себя и свое любимое тело в отличной форме. Почти не пил, не курил, каждый день тренажеры, и несколько раз в неделю сауна — все это было в его новом коттедже, расположенном в дачном районе. Он перевез к себе маму из Винницы — отец оставил их уже давно. Брата и сестру переводить в Город не стал. Сказал, что они люди взрослые, пусть заботятся о себе сами, а он не благотворительная организация, — Павел был далек от чувствительности и романтизма.

За это время у него было подруг — не сосчитать. И две жены, от которых при разводах он недорого откупался — затевать с ним через суд серьезный дележ имущества было бессмысленно и опасно, все это понимали. Мы

не в Голливуде, мы в Украине времен перестройки, здесь миллионы не отсудишь.

Мать Павла, кстати, бывшая учительница математики (может, поэтому он так хорошо считал деньги), при очередной женитьбе на очередной 20-летней девице, говорила ему:

– Дурак ты, Павел. Она любит не тебя, а твои деньги.

На что Павел со смехом отвечал:

– Ты меня успокоила. Я думал, что она любит меня, мою внешность, тело. Все это постареет и выйдет в тираж. А вот если она любит мои деньги, то они у меня будут всегда. Значит, и ее любовь тоже.

В бытовом отношении у него все было почти в порядке. Новые русские стремились, как на Западе, иметь загородную виллу и городской дом. Коттедж в дачном районе, о котором я вам уже упоминал, был вполне на уровне. Оставалось найти солидную и в отличном месте городскую квартиру. Нечто похожее на квартиру Фролова, где он был на свадьбе. Чудный дом, лепные потолки, камин, карикатуры, прекрасное место, вид из окон на море — все это запало в душу. Если все привести в порядок и выкупить еще верхний этаж, то больше в городе ничего и не нужно.

Нет, у Павла не было конкретных планов на этот счет. Просто пример отличной квартиры, нечто подобное стоило бы поискать.

Все это время, когда успехи Павла, начавшиеся с нуля, стали устремляться к максимуму, успехи Севы, начавшиеся с максимума, стали приближаться к нулю. Максимум был, пожалуй, на выставке в Ганновере.

На этой выставке Сева познакомился с совладельцем фирмы «Джойнт», немцем с еврейской фамилией Шварц. Хотя, может быть, Борис Шварц, тот, с которым вы уже встречались на Севиных именинах, был евреем с немецкой фамилией. Ну да это не важно... Главное, что Вилли Шварц был хорошим инженером, и Сева тоже, поэтому они едва ли

не подружились. Однажды за коктейлем Сева в общих чертах, разумеется, без подробностей, рассказал ему о новой задуманной им универсальной модульной (очень модное в то время слово и течение) конструкции автоматической смены инструмента. Разновидность простого робота. Она должна была подходить к различным группам расточных и фрезерных станков. В основе предложения был механизм, уже применяемый в станках завода «Прециз», разумеется, усовершенствованный. Очень малогабаритный. Само собой, этот механизм тоже был детищем Севы, причем любимым, за него он получил авторское свидетельство, так называемый «помидор» и аж сто двадцать рублей премии. Так платили в «старые добрые времена» за творческую мысль.

Шварц успел оценить способности Севы, его умение подходить к примелькавшимся решениям с неожиданной стороны и при этом не увлекаться. Такое сочетание фантазии и здравого смысла у людей изобретательных тоже не часто встречается, многие из них не очень твердо стоят на земле. Сева был реалистом. Поэтому Шварц уловил суть идеи и поверил в реальность ее воплощения, разумеется, если этим делом займется сам автор.

Этот разговор состоялся не случайно. Не случайно Шварц заинтересовался идеей и не случайно Сева о ней «проболтался». Маленькая фирма «Джойнт» изготавливала и комплектовала небольшие узлы для станков и получала заказы отовсюду. Универсальный узел смены инструмента был бы огромным шагом вперед для нее. Но потянуть это «Джойнт» был не в состоянии. Шварц мог позволить себе виллу недалеко от Штутгарта, машины для себя, жены, детей. И прочее в этом же духе. Сева этого себе позволить не мог. Но зато он имел к услугам прекрасное оборудование, о котором Шварц мог только мечтать, и в его распоряжении были десятки почти бесплатных специалистов высокой квалификации. Короче говоря, они оформили совместное предложение, по которому

разработкой и изготовлением основных узлов занимается завод «Прециз», затем готовое «железо» передается фирме «Джойнт», которая комплектует его электроникой, разными современными мелочами, красит — словом придает товарный вид, чего мы отродясь не умели делать. И продажа, наладка, техническое обслуживание в обещанные сроки трезвыми работниками тоже было за немцами. Исключительно взаимовыгодная идея.

Короче, Сева вернулся из командировки окрыленным. Подал совместный проект по инстанциям. Заскрипела ржавая, безразличная ко всему система бюрократии. Пугающаяся как черт ладана всего, связанного с границей. Сева стал заместителем главного конструктора завода, но никакого практического значения это уже не имело. Прошел год, потом второй — вступила мощным замедлителем перестройка. Затем третий, четвертый, пятый... Все происходило как при демонстрации кадров, снятых ускоренной съемкой, каждое движение повисало в воздухе и тянулось до бесконечности. Ценой титанических усилий Севе удалось выпустить почти готовый опытный образец. И в это время наступил всесоюзный коллапс. Все обрушилось.

Большинство предприятий в Советском Союзе, особенно крупные, были кровно связаны друг с другом поставками, заказами, сырьем и т. д. И если первые годы перестройки развал происходил хоть достаточно уверенно, но растянуто во времени, то после Беловежской Пуши эти вены и артерии были вскрыты. Практически вся промышленность, особенно вне России, мгновенно встала.

Незадолго до развала Союза и шоковой терапии даже оптимисту Шварцу (немцу) стало понятно, что дела не будет. Он официально сообщил о своем выходе из проекта заинтересованным сторонам в Советском Союзе, но не нашел никого, кроме Севы, кто бы действительно этим интересовался. Финита ля комедия.

Сева остался у разбитого корыта, то есть недоведенного и никому не нужного образца, на прекратившем работу практически бездоходном предприятии, без всякой надежды на будущее. На изломе.

Он вначале очень радовался перестройке, как и положено демократу. Да и потом тоже относился к ней теоретически очень хорошо. Ощущение свободы, надежды на нормальное будущее – все это было. Он ходил на митинги, с удовольствием слушал выступления на бурных съездах Верховного Совета. Переживал отчаяние при перевороте ГКЧП. Одна беда – практически, житейски ему становилось все хуже и хуже. Согласитесь, когда зам. главного конструктора вынужден калымить на потрепанных «жигулях» или тайно дежурит ночью в магазине – это «не есть хорошо». Какое-то время он вместе со всеми надеялся, что это временные беды, вроде озноба и высокой температуры, которая убивает микробы болезни. Но озноб затягивался. И туман не рассеивался.

В заводских верхах царил суматоха. Начальство бесконечно совещалось, появлялись какого-то сомнительного вида то ли консультанты, то ли дельцы, то ли просто пройдохи. Происходили самые различные пертурбации. Завод разбили на акционерные общества, работники становились акционерами, потом создавались советы, потом... неожиданно оказалось, что заводские здания уже приватизированы. У работников завода были преимущества, и основным приватизатором и фактическим хозяином стал Павел, который никогда, оказывается, не разрывал пуповину, связывающую его с родным заводом. Впрочем, это мало кого заинтересовало, потому что к тому времени на территории уже царил разруха.

Словом, я обещал вам не забивать голову всей этой чепухой и не буду. Тем более что мало кто в этом мог разобраться.

Это уже потом выясняли, что было неправильно, что правильно, где преступления, а где просто ошибки.

Но в то время основная масса, в том числе и люди не-глупые, интеллигентные, словом всякие, мало что в этой свистопляске понимали. Большинство только испуганно и с недоумением пыталось уследить за мелькающими событиями, неизменно ощущая на своей спине их болезненные удары. Куда бежать, что делать?

Когда празднуешь переход к новой жизни, не нужно забывать, что это поминки по старой. И по тем, кто в новую так и не перешел.

Я бы мог порезонерствовать и сказать, что умный человек должен был вовремя понять неизбежность происходящего, не затягивать агонию, а найти выход. Уйти в какое-нибудь более перспективное место. Именно это ставила Севе в вину Марина. Впрочем, последнее время он и сам все понимал, но...

Двумя базовыми и равнозначными основами его жизни были семья, включающая, разумеется, мать и Аркадия Борисовича, и нужная, важная ему и окружающим работа. Правильно говорят, что любая работа почетна. Но и неправильно. Зависит от воспитания и менталитета. Если я получаю достаточно денег за труд, это условие необходимое, но не достаточное. Так был воспитан человек, который, может, ошибочно, но считался интеллигентом, советским интеллигентом. Для него самоуважение и уважение других не только из-за денег было жизненно важным. А Сева не просто терял семью. Он терял при этом любимую работу, на которой чувствовал себя уважаемым человеком, а следовательно, он стал терять уважение к себе. И во многом следствием этого был и явный разлад в отношениях с Мариной. В последних предложениях многократно повторялось слово «уважение». Слишком много оно для него значило. Может, даже не меньше, чем болезненный недостаток средств к существованию, хоть это и звучит кощунственно.

Все больше его угнетала мысль, что вернуться на прежний уровень ему уже не удастся. А сил на поиск

и создание нового полноценного места в жизни, вероятно, не хватит.

Сева не мог не замечать сочувствующих взглядов, в том числе людей близких; ему казалось, что на него смотрят как на ущербного. Но ведь совсем недавно он был очень даже полноценным не только по советским стереотипам, но и по мнению вполне западного Вилли Шварца. Как же такое случилось? И случилось, кажется, необратимо.

Нет, так не пойдет. Почему, всегда изобретательный в технике, он не может найти нестандартный ход в жизни? Но для этого необходимо пробудить в себе авантюризм, прежде ему не свойственный, и не оценивать больше свои действия с точки зрения морали бабушки Радулеску.

Сева стал настойчиво искать возможные варианты. Поиски работы хоть примерно по своему профилю он продолжал, но для проформы. Я уже говорил вам, что количество безработных инженеров превысило число бездомных кошек, которых в Городе по традиции было неимоверное количество. Чиновничьи должности, что-то разрешающие или что-то контролирующие, были на вес золота, да они Севу и не манили — брать взятки он категорически не мог. Это было исключено. Другого смысла в этих должностях не было, в те годы зарплаты чиновников тоже были не ахти какие. Пойти в таксисты — он и так полдня работал по этому профилю.

Оставалось одно. Только что-нибудь недорого купить и дорого продать, обычный путь бизнеса. Что он мог продать? Совесть? Идею? Этого никто не купит. Он знал, что выехавшие в эмиграцию, впрочем, как и оставшиеся в стране, инженеры завалили всех предпринимателей по ту сторону границы своими «великими» идеями. На Западе от этих предложений уже давно аллергия. Нет, нужно продать что-то материальное, но в нагрузку с оригинальным, раз уж он — кажется, к несчастью — стал конструктором.

Он решил продать Родину.

Обычное утро и необычный вечер

В воскресенье после именин все, кроме Марины, отдыхали, доедали то небольшое, что осталось от пиршества. Марина пришла поздно, сказала, что сыта, что устала, и сразу отправилась спать. Сева еще посмотрел в гостиной вместе со всеми телевизор, а когда мама с Аркадием Борисовичем и Наташа разошлись по своим комнатам, постелил себе тут же, на диване. Не хотел будить Марину. Впрочем, он теперь часто спал в гостиной, потому что, во-первых, стал похрапывать, а во-вторых, их режим не совпадал. Обычно он на работу уезжал в восемь утра — сила привычки. А Марина уходила из дому часов в одиннадцать, зато приходила нередко к десяти и даже позже. Вначале Сева выходил ее встречать — в Городе, даже в центре было опасно. Но потом богатство фирмы, видимо, выросло, и работниц по вечерам стал развозить микроавтобус. А иногда — Сева видел в окно — и сам хозяин.

Федор Михайлович оказался оборотистым бизнесменом. Кроме салона, он открыл еще два вполне солидных магазина в городах-спутниках. И теперь накануне пуска был большой выставочный салон в Киеве. Правая рука Михаила Федоровича Марина готовилась к длительной командировке в столицу.

То есть забот и трудов у нее хватало. Наверно, поэтому она к ночевкам мужа на диване относилась с пониманием и обратно в семейную постель активно не зазывала. Но когда он оставался в спальне, все происходило как обычно. Если позволите, я обойдусь без подробностей.

В понедельник утром раньше всех в квартире поднялась, как всегда, Нина Григорьевна. Впрочем, эту ночь она практически не спала. Аркадий Борисович на прошедших именинах, естественно, нарушил режим и диету. Его язвенная болезнь луковицы двенадцатиперстной

кишки — длинное красивое название — решительно дала о себе знать. Она не оставляла Аркадия Борисовича в покое вот уже почти десять лет. Первое обострение произошло вскоре после достопамятного собрания в городской библиотеке и, несомненно, было его результатом. Поэтому в обиходе у Фроловых было другое название, менее научное, но вполне обоснованное — синдром Александра Михайловича.

«Опять открывается Александр Михайлович», — тяжело вздыхал Аркадий Борисович, и все знали, о чем идет речь.

Кстати, давно хочу объяснить, почему я говорю уже не в первый раз «семья Фроловых», вроде бы подчеркнуто игнорируя Аркадия Борисовича. Это вовсе не так. Сам господин Бенимович всегда и везде говорил — мы Фроловы, и вовсе не потому, что старался скрыть свое происхождение. Глядя на него, приходит в голову поговорка — «шила в мешке не утаишь». Он и не пытался. Просто в жене, Севе и Наташеньке была вся его жизнь. Просто он так мыслил и чувствовал — мы Фроловы.

У язвенной болезни есть одна особенность — она обостряется не на следующий день после выпитого и съеденного, а через сутки. Так, собственно, и произошло после Севиных именин. Аркадий Борисович прошлой осенью лежал в больнице, увы, уже не первый раз, и угроза меньше чем через полгода загреметь туда снова его не радовала. В семьдесят два года такое событие во всех случаях неприятно, а в то время и в том месте, о котором я вам рассказываю, это было просто ужасно.

Я обещал не слишком увлекаться смакованием трудностей того периода. Но медицину и особенно больницы не упомянуть не могу. Больницы, в первую очередь государственные, так сказать, общенародные, были — тяжело подобрать достаточно сильное определение — трагическим, нечеловеческим испытанием для простого смертного, который к несчастью там оказывался.

В них не было ничего. Не было порядка, не было лекарств, и неожиданно оказалось, что среди медицинского персонала, особенно младшего, не было людей, сохранивших сердце. Куда они подевались? Осталось только «дай» и «плати». перевязка — «дай»; любое лекарство — «плати»; пижама, халат — приноси с собой; простыни, одеяло — опять «плати». Кормить в больницах перестали, и еду нужно было приносить из дома. Чистота, санитария — особенно в местах общего пользования — напрочь отсутствовали (в больнице!). Аркадий Борисович — уж простите мне такой натурализм — держал под подушкой свои наконечники для клизмы, которые покупала Марина, иначе приходилось процедуру выполнять общим штуцером, собственноручно сполоснув его под краном после отработавшего соседа. И так далее. Ничего я не преувеличиваю, сам был полуживым свидетелем этих порядков, рассказываю правду, одну только правду и ничего кроме правды. Но на этом описание заканчиваю, хватит нагнетать обстановку.

Врачи последнее время говорили Нине Григорьевне, что на луковице его двенадцатиперстной кишки уже живого места не осталось от язв, одни рубцы, и нужна операция. А для ее благополучного окончания понадобится много денег и еще больше удачи. И приводили остроу Жванецкого: «Мы умеем резать, но не умеем выхаживать». А ведущий хирург прямо говорил, что он не понимает, почему человек с фамилией Бенимович должен проходить эту экзекуцию во время максимального развала в Украине, а не — скажем — в Израиле. Что могла Нина Григорьевна ему ответить? И что могла она ответить себе?

Оставить Севу и Наташеньку на попечение Марины, которой она — умная женщина — последнее время не доверяла, Нина Григорьевна просто не могла. Сил не хватало. Но быть причиной смерти мужа, от которого кроме поддержки и верной беззаветной любви она последние

почти четверть века ничего не видела, тоже испытание выше сил человеческих. Вот в таких тяжелых сомнениях и внутренней борьбе прошли для нее последние два года. Каждое обострение язвы Аркадия Борисовича было пыткой для его жены.

Она предлагала мужу поехать хотя бы на операцию к дочери в Израиль, но получала вполне ожидаемый ответ:

— Ниночка, я от вас от всех уеду только на тот свет, да и то для того, чтобы ждать тебя там. Я и так не знаю, за что мне выпало счастье жить с тобой, и даже умереть с тобой для меня большая удача. Вот такой я везунчик. Приобрел семью — и какую семью! — «ни за що, ни про що».

Впрочем, одному ему ехать было некуда. В Израиле его не очень ждали, хотя, конечно, не выгнали бы.

Лина с мужем за это время стали настоящими ортодоксами, настрогали — по выражению Аркадия Борисовича — шестерых детей, что давало им возможность получать пособие для многодетных семей. Ефим учился в ешиве с соответствующей стипендией. Они имели практически бесплатное жилье на палестинских территориях и были всем довольны. Но почему-то сомневались, что светский Аркадий Борисович сможет выполнять все 613 заповедей Торы и стать настоящим евреем. Да никто на это всерьез и не рассчитывал.

Конечно, Нина Григорьевна должна, просто обязана была репатриироваться вместе с мужем. Ради операции. Но как на это решиться? Жизнь вдали от Севы и Натальеньки была для нее... Так и хочется написать — лишена смысла, хоть это звучит обидно для Аркадия Борисовича. Впрочем, как написать прикажете? Тем более, что и сам Аркадий Борисович думал так же.

Если бы не Марина, если бы фамилия мужа не была Бенимович, Нина Григорьевна по свершившемуся факту смирилась бы с тем, что у нас продолжительность жизни

мужчин на пятнадцать, а то и на двадцать лет меньше, чем в благополучных странах. Хотя как можно смириться с таким варварством? Но мы же смиряемся! Однако в последнее время ситуация в семье становилась нестабильной. У Марины, судя по всему, появились иные планы, чем тащить за собой не только не слишком успешного мужа, но и его родителей. Правда, невестка никогда ни словом, ни жестом не давала понять, что ей это в тягость, нужно быть объективным — Марина человек порядочный. Но если слабеет ее связь с мужем — а не видеть этого нельзя, — то пора и честь знать. Нужно и в старости сохранять чувство собственного достоинства.

Нина Григорьевна была человеком в высшей степени ответственным. Понимая, что не всегда все сможет зависеть от ее желания, она полностью подготовилась к переезду — может, временному — в Израиль. Приватизировала квартиру, по единодушному требованию всех жильцов на свое имя. Получила на себя и мужа международный паспорт. Лина ей выслала вызов, посольство Израиля в Киеве — пришлось ехать и туда — открыло гостевую визу. Срок действия визы три месяца — полтора уже прошло. Даже летние вещи были уложены в два чемодана. В любой день можно было сниматься с места. Но где взять силы?

Сева, Марина и Наташа все прекрасно понимали. Но советовать что-то вслух не решались — и без того сомнения и мучения бедной женщины были очевидны.

Итак, Нина Григорьевна поднялась, как обычно, первой и стала готовить сыну и внучке завтрак. Аркадий Борисович, который с утра ей обычно помогал, на этот раз остался в койке, что говорило о серьезности положения. Потом, как всегда, появилась добросовестная не по годам Наташа, за ней тоже добросовестный, но только по привычке, Сева — делать на заводе было нечего. Последним

подсел к столу не улежавший и слегка пожелтевший от болей Аркадий Борисович. На завтрак были блинчики со сметаной и кофе с молоком.

— Спасибо Марине, она принесла, — отметила Нина Григорьевна. Она всегда была справедливой.

Они завтракали, обмениваясь шутивными репликами — им хорошо и привычно было всем вместе сидеть за одним столом. Окончив завтрак, Сева и Наташа поблагодарили кормилицу, поцеловали ее в щечку, собрали свои вещи и вместе вышли на улицу. Сева последний раз подвозил Наташу в школу, а себя на завод. С сегодняшнего дня окончательно разваливающиеся «жигули» становились, судя по всему, на долгую стоянку в личный гараж, приобретенный Севой еще в годы благоденствия. Извоз не давал уже никакой прибыли, даже на ремонт и бензин денег не хватало. Да и достать бензин за любые деньги было проблемой высшей категории сложности. После развала Союза бензин испарился... Словом, Сева присоединился к пешеходам, еще одна ступенька вниз. Сколько их уже пройдено...

Завод «Прециз» находился на окраине Города, в промышленной зоне. Довольно далеко от квартиры Севы, а учитывая состояние городского транспорта, добираться туда будет непросто. Ну что ж, еще один повод решиться на перемены. Прежде всего нужно было поставить «жигули» на вечную стоянку, подобно крейсеру «Аврора». Гаражи располагались сразу же за территорией завода. Севин гараж был недалеко от въезда, по соседству с гаражами главного инженера, главного технолога... Свидетельство его близости в недалеком прошлом к сильным мира сего. Заводского мира, но и это было немало. Нынче гараж превратился в бесполезный памятник былых успехов. Даже продать его невозможно — куда в таком случае девать бренные останки «жигулей»? Сева постарался отмахнуться

от бессмысленных сожалений, загнал машину, закрыл ворота и, не оглядываясь, пошел к проходной. Пешком. Отныне основной способ передвижения.

— Все, хватит о прошлом! Нужно переключаться на будущее.

Из проходной навстречу ему вышел главный энергетик завода. Они неловко поздоровались и, как по команде, оба смущенно отвели глаза. За неделю до этого у них произошла встреча на промтоварном рынке при не слишком приличных обстоятельствах. Сева привез на своих «жигулях» группу мешочников, а главный энергетик продавал с рук два электрических счетчика. Сева невольно посмотрел на руки энергетика. Нет, кроме портфеля, сегодня у него ничего не было. Энергетик заметил взгляд Севы и покраснел. Оба заторопились...

Завод сегодня не работал. Он вообще официально работал два дня в неделю, на большее духу не хватало. Все работники, которые имели возможность куда-нибудь сбежать, уже исчезли. Из трех тысяч осталось примерно человек триста пятьдесят, и то в основном начальство. Или немолодые женщины и старички-инвалиды. Остальные разбежались. В том числе и основа строя — рабочий класс, о котором когда-то пел Марк Бернес: «И даже солнце б не вставало, когда бы не было меня». Наши токари, слесари, фрезеровщики и сталевары ушли в поисках денег кто на рынки, кто в грузчики при магазинах, кто пристроился на подхвате. Словом, кто во что горазд. Растворились. Но солнце по-прежнему всходило...

Марина была права, времяпрепровождение на заводе трудно было назвать работой. Чем занимались? Практически ничем. Пытались продавать оставшиеся на складе станки, в основном маленькие и дешевые, это удавалось раз в два-три месяца, и тогда выдавали какую-нибудь поза-поза-позапрошлую зарплату. Дорогие программные станки, так называемые обрабатывающие центры, еще

недавно гордость завода и министерства, никому в СНГ не были нужны, а уж за границей тем более. Их разбирали на запчасти. Словом, и смех и грех...

Охранник на проходной не удивился его появлению в нерабочий день. Обычное дело, начальство — бывшее — часто бродит туда-сюда. Дел других, видимо, нет.

Охрана на заводе еще была, им платили регулярно. И, наверно, зря. Они не могли, да и не хотели удерживать народные массы от воровства. Впрочем, это уже было не воровство, а вандализм. Разбирали и уносили все, что отвинчивалось или отламывалось, попутно уродовали то, что попадалось под руку, часто даже без какой-нибудь реальной пользы для себя. Удивительное, между прочим, явление. Хотя возникло оно не на пустом месте. После революции нас непрерывно шарахало из стороны в сторону. Сначала сталинские расстрелы за колоски, потом по какому-то контрасту стали смотреть сквозь пальцы на массовое воровство на предприятиях. И даже вместо грубого слова «воры» придумали ласковое определение «несуны». «Несуном», согласитесь, быть не стыдно. Неудивительно, что при безвластии и развале это «народное движение» переросло в самое настоящее варварство. А вот еще одна возможная причина. Немалую роль — мне кажется — играло сознание, что все имущество, совсем еще недавно общее, наше, уходит в чьи-то частные загибающие руки. И в каждом невольно просыпался Карандышев: «Так не доставайся же ты никому!»

Сева вошел в главный корпус. Завод напоминал... Как бы доходчивей описать? Часто в американских, а теперь и в наших триллерах герой в конце фильма вступает в решающую схватку с негодяем на территории заброшенного завода. Какое-то старое оборудование, металлические переходы, покореженное железо, мрачно, почти нет света. Гулкие шаги в тишине и в безлюдьи. Примерно так все и выглядело. Еще добавьте от себя

запах гари — не так давно где-то был пожар. И еще какой-то запах — где-то прорвало канализацию. К сожалению, я не слишком преувеличиваю. А ведь еще лет пять тому назад это был современный завод, гордость советского станкостроения.

За закрытыми мощными стальными воротами, а значит, все еще в сохранности, были только два заводских помещения. Сборочный цех и совмещенный с ним склад готовой продукции, где стояли станки, которыми все еще пытались торговать, о чем я вам уже говорил.

Сева подошел к сборочному цеху, попытался через щелочку в воротах увидеть «тайный плод любви несчастной» — свой недоношенный, но очень дорогой для него опытный образец станка с универсальной сменой инструмента. А в будущем он обязательно станет еще более дорогим... Увидел только краешек дощатой упаковки. Стоит, стоит, голубчик.

Собственно говоря, приехал он не для прогулок. Он должен был в последний раз все продумать и взвесить.

По покрытой пылью лестнице он поднялся к себе в бюро. Странно, но у конструкторов почему-то не ворвали. Наверно, нечего было. Кульманы, карандаши, резинки, рассыхающиеся неудобные столы и стулья — куда это все девать?

Сева зашел в свой бывший кабинетик. Тут ему думалось привычно и легко.

Он снова стал тщательно перебирать и анализировать все подробности своего наполеоновского плана. Задуманную непростую комбинацию, включающую продажу Родины, во всяком случае нарушение ее законов и интересов, нельзя проводить без серьезной юридической консультации. Дело нешуточное и почти уголовное. Но чтобы заручиться советами хорошего юриста, нужны хорошие деньги, которых у Севы естественно не было (и он в глубине души подозревал, что и не будет). Плохой юрист,

который в этих специфических делах ничего не понимает, ему и даром не нужен, но даже он сначала скажет «дай». Это слово выучили все.

Выход оставался только один — у Севы был знакомый, некогда очень близкий знакомый, квалифицированный специалист именно в нужной для Севиных амбициозных планов области. Этот юрист работал консультантом группы энергичных бывших портовых начальников и начальничков, а ныне «новых русско-украинцев», распродававших оптом и в розницу имущество пароходства. К этому времени почти все, что могло держаться на воде — большие, средние и мелкие суда всех категорий, — уже уплыло за границу безвозвратно, сейчас сплавляли туда же прогулочные катера, буксиры и прочую мелочь. То, что так пугало Севу, было детскими игрушками по сравнению с их масштабами. Но нужно было решиться обратиться к старому знакомому за помощью. Может, именно это было самым сложным испытанием для перехода Севы в новую ипостась — поднять трубку, набрать номер телефона и попросить помощи.

Вы уже догадались, квалифицированным специалистом была Люда, которая перед возвращением Севы из путешествия в Ганновер — оказавшегося свадебным — перешла работать в порт. И тоже, как и на заводе, на должность младшего юрисконсульта. Но с тех пор утекло много воды и десять лет. Теперь Люда стала уважаемым и серьезным юристом. За прошедшие годы жизнь их не сталкивала, они не общались, да и виделись только один раз, на улице, мимоходом. Мило улыбнулись друг другу, поздоровались и пошли каждый своей дорогой. Сева был с Мариной, Люда со своим новым мужем со старым именем. Его тоже звали Вова.

Лет шесть тому назад в конструкторском бюро последний раз дружно праздновали 8 Марта. И подруга Люды, электрик Тома, явно подшофе, нарушила нейтралитет

в отношении Севы. Она зажала его в углу и зловещим шепотом сказала:

— То, как ты, Всеволод Алексеевич, поступил с Людочкой, — это подлость, если хочешь знать.

В ответ на слабые возражения Севы, мол, сердцу не прикажешь, Тома ответила:

— Да? А уехать в Германию, заранее зная, чем дело кончится, и ничего ей не сказать — это как называется? Это унижение. Наплевал в душу. Ты знаешь, что принес ей много горя? Людочка несколько лет не могла отойти от этого всего. Такие вещи даром не проходят...

И зная все это, Сева тем не менее принял решение беспардонно использовать бывшие чувства Люды в корыстных целях. Так это выглядело. Иллюзий в отношении моральной стороны своих намерений у него не было. Но алягер ком алягер.

Узнать рабочий телефон Люды было несложно. Сева недрогнувшей рукой снял трубку, набрал номер. Люда сразу узнала его голос, удивилась и, кажется, растерялась... Нет, определенно в смысле хладнокровия ей по-прежнему было до Марины далеко.

Сегодня в семь часов вечера договорились встретиться. По делу. В некогда любимом ими кафе при гостинице — сознательно продуманный макиавеллизм со стороны Севы.

Он заранее составил диспозицию разговора. Никакой встречи старых друзей имитировать не нужно. Все должно выглядеть по-деловому, так будет лучше для них обоих. Он даже с некоторым самоуважением отнесся к своей решительности и несентиментальности. В который уже раз пересчитал специально сэкономленные для этой цели — за счет домашних — деньги. Хватит, чтобы не ударить лицом в грязь?

Хорохорился Сева недолго. Время в ожидании свидания тянулось бесконечно. Когда наконец он за полчаса до семи устроился в кафе, от Макиавелли и следа не осталось.

За столиком сидел не слишком успешный человек, который ожидал преуспевающую даму, чтобы попросить у нее помощи. И проситель выглядел соответственно.

Но удивительно, когда Люда вошла, когда подошла к столику, явно не зная, как себя вести, когда Сева поднялся ей навстречу, — все неожиданно изменилось. Сева внезапно понял, что может свободно и без напряжения говорить с ней о чем угодно. Они по-прежнему понимали друг друга без слов. Такое взаимопонимание вещь постоянная. Либо оно есть, либо нет. Оно не появляется с годами, зато и не исчезает бесследно.

Как она выглядела? В первой же искренней и даже восторженной реплике Севы был ответ на этот вопрос:

— Ты знаешь, чем отличается настоящая женщина?

— От ненастоящей?

— От всех. И в первую очередь от мужчин. Вы всегда, при любых обстоятельствах следите за собой. И с большим успехом. С чем тебя и поздравляю.

Ответного комплимента не последовало. И неудивительно.

Люда почти не изменилась. Все такие же яркие зеленые глаза на немного смуглом лице, те же пышные светлые волосы, сочные губы. Тонкая талия. А темно-серому костюму, который изо всех сил старался выглядеть строгим и деловым, ничего не помогало.

Подошла официантка, Сева заказал коньяк, кофе. Все по старой памяти, но оглушительно дороже.

— Ну, Людка... Ох, прости...

— Нет, ничего...

— Ты действительно стала еще лучше. Это не комплимент. И даже моложе. Может, только более деловая, что ли... Серьезная. Ну и ну!

— Положение обязывает.

— Да, обязывает, — это напомнило Севе, зачем он здесь.

Принесли коньяк и кофе.

— Давай за встречу, легче будет начинать.
— За встречу. И знаешь, Сева, не будем... Ну, словом, что было, то прошло.

— Понял. Кто старое помянет — глаз вон. Ну, за встречу. До дна.

Выпили.

— Знаешь, Людочка, мы давно не виделись. Десять лет... Давай для разгона сразу о деле. Дальше будет легче.

— Давай.

Чтоб было еще легче, Сева снова заказал по порции коньяка. Люда не возражала. Она при случае готова была поддержать компанию. Марина практически не пила, точнее совсем не пила, и Севу это даже растраивало.

С чего это он принялся сравнивать?

Но к делу.

— Я пришел к тебе за советом. Надоело прозябать. Я кое-что задумал. Помнишь мой механизм автоматической смены инструмента?

— Конечно. Все удивлялись, как такое может прийти в голову. И оригинально, и просто. Даже я это поняла.

Сева покраснел от удовольствия. Подбородок почти поднялся до прежнего уровня. И Люда тоже покраснела — в словах ее явно прозвучала гордость за него. Отзвук прошлого.

— Когда ты ушла с завода, — Сева замялся, запнулся, но затем продолжил, — я с одной немецкой фирмой затеял новый проект. С неким Вилли Шварцом. Универсальный механизм смены для разных станков. Понимаешь?

— Примерно.

— Еще более простой и еще более оригинальный, — он не удержался, подбородок задрался еще выше.

Люда понимающе улыбнулась.

— Мы почти закончили опытный образец в комплекте со станком. Но тут развалился Союз, и все лопнуло. Ничего оформить не успели. Даже запатентовать.

В глазах Люды появился интерес.

Сева коротко и сжато рассказал суть своей идеи.

Он буквально на днях предложил Вилли по телефону оформить с ним патент на этот механизм и основать совместную фирму. Такой вариант Шварца заинтересовал. И Сева и Шварц не сомневаются, что лицензию на такую отличную идею можно будет продать за немалые деньги. Поэтому Сева предложил вариант — он открывает фирму, берет ссуду, покупает на заводе недоделанный опытный образец станка и продает его Шварцу. Немецкая фирма доводит станок до выставочной кондиции. Важно, чтобы станок появился на выставке, одних чертежей по нынешним временам недостаточно. Шварц согласен заплатить после получения станка сто тысяч зеленых. А завод его продаст тысяч за десять-двенадцать. Ну, плюс расходы Севы на оформление, отправку и что там еще. Уже неплохо.

Но главная проблема — и он это отлично понимает, даже не будучи юристом, — все его идеи по закону принадлежат фирме, на которой они родилась. И стране. То есть заводу «Прециз» и Украине. В сущности его действия в таком случае будут промышленным шпионажем и даже воровством.

Реакция Люды его не обрадовала. Она выглядела озабоченной.

— Да, все это не так просто.

— Погоди, но ваши дельцы продают корабли за миллионы. Корабли! А я хочу довести до толку свою собственную идею...

— Сева, они продают изделие. Изделие можно купить и продать. А тут интеллектуальная собственность. Право на изготовление. Ты же не покупаешь у завода лицензию?..

— На свою же идею?

— На свою, на чужую, но юридически она принадлежит фирме, на которой за зарплату готовились чертежи

и опытный образец. Дело путаное. И в какой-то степени рискованное. Завод может затеять тяжбу. Слушай, Сева, а ты не можешь не влезать в этот «плутовской роман»? Ты же никогда даже в литературе такой жанр не любил?

– Ох уж эти грамотеи! Нет, Людочка, не могу. Так же, как и тебя, меня положение обязывает. Только скверное положение.

Он заказал еще по порции коньяка и по бутерброду с рыбкой. Хотя не был уверен, что его финансы выдержат.

– Ну хорошо. Я подумаю. Завтра-послезавтра тебе позвоню. На домашний.

– Еще не забыла?

Люда в ответ невесело улыбнулась.

– Ладно, давай о жизни. Ох, как же я рад наконец тебя видеть! Как у тебя? Еще один сын?

– Да, Славик, три года, – Люда широко, как раньше, заулыбалась.

– А муж опять Вова?

Люда только развела руками.

– Где он работает?

– Он бывший технолог. Теперь работает мастером в порту на ремзаводе. Когда там есть работа... Сейчас везде...

– Это ты его устроила?

– Я, – Люда смутилась.

– Значит, теперь ты в семье главная?

– При чем тут главная? Просто попала в струю. Юристы теперь нужны. Вам, технарям, хуже...

Принесли коньяк и закуску. Люда от своей порции отказалась – за рулем.

– А ты его не выставишь за профнепригодность?

Люда внимательно и сочувственно на него посмотрела.

– Сева, ты что?..

– Ладно, проехали... За встречу! Хорошо, что мы увиделись.

Они еще поговорили о разных разностях. Сева рассказал о своих домашних, Марину обошел стороной. О том, что творится на заводе. О новом фактическом хозяине Павле Самосенко. Люда не удивилась.

Время летело незаметно.

– Пора по домам, – предложила Люда. – Я тебя подвезу. Идти пешком опасно.

– Давай на пару минут заедем на бульвар.

Там когда-то была их любимая скамейка. Это устами Севы предложил не Макиавелли, а самая банальная ностальгия, подкрепленная тремястами граммами коньяка.

Они сидели на скамейке лицом к морю. Порт был почти пуст, но все-таки кое-какие огоньки светились в акватории. Было так хорошо, что даже говорить не хотелось. Сева тихонько что-то замурлыкал. Классику, не Гребенщикова...

Он искоса посмотрел на ухоженную и современную Люду. Они внешне, нужно признать, подходили друг другу сейчас не больше, чем он и Марина. А если добавить стоящий неподалеку «фольксваген», то тем более... И почему-то это все-таки было не так. Сева знал, почему. «Здесь был бы мой дом», – скорее почувствовал, чем подумал он. Патетика была следствием все тех же трехсот грамм, но суть дела от этого не менялась. Все было бы иначе. И в авантюру влезать бы не пришлось. И намечаемый классический плутовской роман бы просто не состоялся.

– А, черт бы меня побрал, – неожиданно вырвалось у него.

Люда удивленно повернула голову.

Сева сказал первое, что пришло на ум:

– Птичка накапала, – вынул платок и стал старательно стирать что-то с плеча.

Вряд ли Люда приняла это опереточное объяснение, потому что она явно помрачнела. Поджала губы и посмотрела

ему прямо в глаза. Сева, несмотря на перерыв длиною в десять лет, ее хорошо знал. Люда приняла окончательное решение.

— Сева, я не кукла, которой можно наиграться и потом забросить в ящик. «Тому глаз вон» не получается. Прошлое забыть не так просто. Ты как слон в посудную лавку опять врываешься в мою жизнь. Этого делать нельзя. Я свою жизнь наладила. И Вова меня до сих пор к тебе ревнует.

— Марина к тебе тоже, — пробурчал Сева.

— Тем более. Работать мы с тобой не можем. Да это и не нужно. Я тебе порекомендую одного молодого толкового парня, он мне обязан. Леша Малых. Он оформит на тебя фирму, зарегистрирует ее в налоговой инспекции и везде, где положено. Кому надо сколько надо даст. От тебя в этом толку... — она безнадежно махнула рукой. — Леша оформит покупку станка на заводе, отправит его за границу. Ты продаешь изделие, это законно. А о своих дальнейших планах даже Малых ни слова. Остальное — ваши с этим Шварцем проблемы. Думаю, недели за три, максимум за месяц вы с отправкой управитесь. Готовь на все про все тысяч десять, лучше двенадцать тысяч долларов, это с оплатой Леши. Не считая денег на сам станок. А нам с тобой, Севочка, лучше не видеться, пока все окончательно не забудется. — Она вздохнула. — Судя по всему, еще лет десять, не меньше. Хотя я и рада тебя сегодня видеть.

Она неожиданно поцеловала его в щеку. Но очень близко к губам.

Сева вошел в дом тихо, чтобы никого не будить. Улегся, естественно в гостиной, избегая встречи с домочадцами. А как объяснишь, почему человек, который в семью за последний месяц не дал ни копейки, вернулся так поздно, сыт и пьян, и нос в табаке?

Он долго ворочался на диване, не мог уснуть. Мысли приняли странное направление. Destiny в переводе с английского — судьба. А destination — пункт назначения. Сева раньше казалось, что маленькая квартирка Люды только полустанок на его пути, не больше. Кто бы мог подумать, что дни и ночи, проведенные там, окажутся самым счастливым временем в его жизни? Похоже, к этому дело идет...

Плутовской роман

Сева времени не терял. Через день после встречи с Людой он уже сидел в маленьком офисе рекомендованного ею юрисконсульта. Леша Малых, как часто бывает, в противовес фамилии был высоким и довольно плотным парнем с розовыми щеками. Он был деловым и тоже времени зря не тратил.

— Людмила Сергеевна мне все объяснила. Лучше всего купить готовую фирму — сейчас появилось такое новшество.

Перед ним лежала куча бланков. Жаль, что его секретарша — рядом был стол без признаков жизни — куда-то вышла, но они сейчас сами заполнят все, что нужно. А затем Леша возьмет ноги в руки и недели через две все будет тип-топ.

Он действительно сел за компьютер — тогда это не так часто встречалось — и проворно защелкал по клавишам, сожалея, что до сих пор не вернулась секретарша. Она бы все сделала люкс-модерн. Но и без нее они часа через два закончили работу. Принтер отпечатал все, что нужно, Сева все, что нужно, подписал, потом получил на руки список справок, которые он должен оформить лично. Договор — «...Фролов с одной стороны — Малых с другой

стороны...» — уже готовенький лежал у Лешы в столе. «Вот это, — подумал Сева, — современный стиль. Куда мне с моей-то школой в калашный ряд. И такие темпы даже в отсутствие секретарши».

Кстати, Севе так и не удалось ни разу ее повстречать. «А был ли мальчик?»

С того дня каждый вечер ровно в полдевятого Леша ему звонил, отчитывался о проделанной работе и объяснял, когда и куда нужно подъехать завтра и где расписаться. Сева на заводе появляться практически перестал, раз-два в день ездил к указанному Лешей времени в указанное им место и в каком-то бланке расписывался. Вот и вся работа. Машина стояла в гараже бездыханная, новую работу до завершения операции с перепродажей станка подыскивать смысла не было. Сева был свободен как птица, и самое главное — совесть его за безделье не мучила. К обеду, как правило, он освобождался, заходил в школу за Наташей. Как-то сами собой восстановились их совместные обеды, которые в бестолковой суматохе последних лет стали практически невозможны. Разумеется, обеды были без Марины, она приходила все позже и позже и дома не ужинала. Работницы салона перекусывали в соседнем кафе, тоже принадлежавшем энергичному Федору Михайловичу. Уже с порога Марина говорила: «Спать, спать, спать». Деньги даром не давались... И все-таки — что значит успех и тонус — она всегда была в отличной форме.

Это были хорошие и оптимистичные для Севы три недели. Как-то незаметно в его настроениях произошли изменения. Он оживился, в глазах появилось что-то вроде надежды и даже — отблески былой уверенности в себе. Но самое главное — он перестал панически бояться ухода Марины, или почти перестал. Стал гораздо меньше обращать внимания на то, как она посмотрела, что сказала, о чем, может быть, подумала. Тень Федора Михайловича

еще нависала над ними, но он старался — и довольно успешно — ее не замечать. Откуда такие перемены? Трудно сказать. Видимо, с некоторым отставанием от общей перестройки в стране происходила и перестройка Севиного сознания.

Во-первых, появилось какое-то свое дело — очень важное условие. Потом он неожиданно понял, что если будет продолжаться нынешнее отчуждение, то вряд ли это сосуществование можно назвать семейной жизнью. Но самое интересное другое — он стал чувствовать дискомфорт от того, что рядом был демонстративно успешный человек.

В Городе бродили толпы «бывших», таких же, как он. Все надеялись на лучшее, но неприкаянных было большинство. Многие еще не нашли своего места, многие заняли куда менее уважаемую нишу в обществе, чем прежде, но ничего позорного в этом не было. На миру и смерть красна. Рядом были преуспевающие бизнесмены — в большинстве своем либо бывшая власть, либо нувориши. К этому тоже быстро привыкли, «новые русские» жили за высокими заборами в прямом и переносном смысле этого слова. Но такой контраст в одной кровати — это уже слишком. Сева не видел от Марины поддержки, скорее она была красивым и эффектным живым упреком. В конце концов он вынужден был это признать.

Свидание в кафе при гостинице послужило только толчком, катализатором этих новых накапливающихся изменений. Он понял, что по своему характеру Марина могла бы разделить с ним любые трудности, то есть огонь и воду. Но медные трубы для нее — в отличие от Люды — являются непосильным испытанием. Она рождена для «мерседеса». Сева либо должен ее догнать — что в новых условиях игры маловероятно — либо смириться с неизбежным. Последней попыткой является авантюра с Вилли Шварцем.

Все эти перемены происходили в его сознании. Но с этих же самых пор Севу не оставляло подозрение, что где-то глубоко внутри, в подсознании мало что изменилось. Его подсознание определенно заняло позицию глухой конфронтации с обновленными взглядами и соответствующими поступками Севы. И противоречие это со временем становилось все острее. Никаких конкретных доводов и возражений подсознание не выдвигало, а отвечало на любые необходимые — по мнению Севы — шаги глухим тревожным недовольством.

«Это уже становится похоже на раздвоение личности», — подтрунивал над собой Сева. Но чувствовал, что все не так смешно, как может показаться...

Заметила ли эти перемены Марина? Вряд ли, слишком она была занята собственными проблемами и подготовкой к командировке в столицу. А Нина Григорьевна без слов почувствовала новые веяния и открыла свои подозрения мужу. Сева определенно что-то затеял в финансовой сфере, это было для нее ясно — а что еще он мог делать в секрете от домашних? И эти ежевечерние звонки по телефону... Веры в такие способности своего сына у нее не было. И все-таки — дружно решили они на совете с Аркадием Борисовичем — лучше рискованная деятельность, чем полная пассивность.

В доме появилась интрига. Становилось интересно.

Три недели пролетели незаметно, все было оформлено, даже документы для покупки станка подготовил Малых. Теперь дело было за Севой. Пора было раскошелиться.

Но проблема денег заслуживает отдельного разговора.

Понимая, что в настоящее время не кадры, а именно деньги решают все, Сева начал заниматься разведкой еще задолго до разговора с Людой. Вилли Шварц в ответ на его намеки по поводу аванса прямо заявил, что пока не получит живой станок, не даст ни гроша.

– Всеволод, это не относится к тебе. Ничего личного.

Его можно было понять. Провал совместного проекта ему уже стоил немало. А в украинских джунглях девяносто четвертого года можно было ожидать чего угодно, только не нормального выполнения намеченных планов.

– Когда станок будет у меня, вот тогда можно будет что-нибудь планировать всерьез. И я тебе в тот же день переведу всю обещанную сумму.

– Хорошо, Вилли, ты прав.

Несмотря на посредственный английский с обеих сторон, они отлично друг друга поняли.

С кем Севе можно было посоветоваться? Единственным неплохим экономистом из близких ему людей была жена Тюли Вера. Тем более, что она сейчас сколачивала уже упомянутый мною кооператив и, следовательно, где-то добывала деньги.

Честно говоря, ему не хотелось бы раньше времени обнародовать свои планы. Главную опасность в этом смысле представлял Тюля. Он вполне мог не по злому умыслу, а по все той же безалаберности что-то сболтнуть дома у Севы.

Сева взял с него обещание «молчать как рыба об лед» – еще одна любимая Тюлина поговорка.

– У мамы и так проблем хватает. Ты понял? Знать, что я собираюсь себе на шею повесить неподъемный долг, ей ни к чему.

Пришлось поверить Тюле на слово. А какой еще был выход? Ну не просить же денег у Федора Михайловича...

Разговор с Верой его не обрадовал. Она прямо сказала, что без залога никто ему денег не даст.

– А что у тебя есть? Гараж сейчас копейки стоит. Хочешь заложить квартиру?

– Никогда и ни за что. Об этом не может быть и речи. Но ведь тебе твой Ханаев деньги дает?

Ханаев раньше был директором одного из крупнейших проектных бюро Города. У него старшим экономистом

и работала Вера. Но к этому времени вся их организация бесследно растворилась в море перестройки, на плаву остался только ее директор. Он приватизировал огромное, построенное незадолго до прихода Горбачева — во время успели — здание лопнувшей конторы и сдавал его, разумеется, не бесплатно. Какую-то небольшую часть площади он выделил под кооператив зубных врачей. Исполнительным директором кооператива заранее была назначена Вера.

— Что ж ты сравниваешь?! Ханаев остается собственником всего оборудования, у него контрольный пакет акций. А наши врачи, наши попки — в смысле попугаи — будут таскать для него каштаны из огня.

Тюля молчал и на «попку» не отреагировал. Только сказал Севе:

— Я к вам сегодня вечером забегу.

Наверно в знак протеста.

Вера подвела итог:

— Короче, кроме черной кассы, никто тебе денег не даст. Под двадцать процентов в месяц.

— А они дают без залога? Без гарантии?

— Залог твое горло, оно же и гарантия, — она сделала под подбородком красноречивый режущий жест ребром руки. — Но к ним идти я даже врагу не пожелаю.

Что было делать? Сева протоптал дорожку к некоему Капаеву по кличке «Ростовщик», которая вполне соответствовала его занятиям. Кстати сказать, сам Капаев на эту кличку не обижался и, сверкая серебряными зубами, довольно потирал руки:

— Реклама — двигатель торговли.

В его «банке» был небольшой «штат» — два младших брата Капаева, жилистые, хмурые и неразговорчивые.

Сева довольно упорно торговался, но делал это не для выгоды, а из-за страха — старался оттянуть роковой час. А вдруг что-то еще переменится? Ничего не изменилось,

и после требования Леша Малых «не тянуть резину и перестать греметь костями» он взял тридцать тысяч долларов под семнадцать процентов сроком на один месяц. Сева рассчитывал, что целый месяц гарантирует ему своевременный возврат ссуды. С запасом.

Не думайте, что я пытаюсь для усиления интриги увлечь вас надеждой на успех этой операции, а затем обрушить ее с треском. Вы, безусловно, и сами все отлично понимаете. К сожалению, вероятность провала в этом случае действительно намного больше, чем шансы на успех. Тем более, что я рассказываю хоть и немного приукрашенную, но не выдуманную историю. Я уверен, многие из вас, вспомнив себя и своих знакомых в те годы, признают, что в ней, в общем и целом, нет ничего фантастического или надуманного. Вспомните, тогда многие, очень многие ринулись в бизнес, и не от хорошей жизни, а от безысходности. И чем, как правило, это заканчивалось? Как пузыри во время ливня, возникали и лопались многочисленные кафе, магазинчики, офисы, снимались старые названия фирм и заменялись новыми. А ведь это означало чье-то разорение, крушение надежд. Не каждый по характеру своему мог быть ванькой-встанькой — это свойство тоже один из важнейших «талантов» бизнесмена.

А Севу в дополнение ко всему тревожил (в подсознании) незаконный характер намеченного бизнес-плана. Все-таки в предыдущей жизни ему никогда не приходилось сталкиваться с уголовным кодексом. И тем более вступать в контакты с преступниками: вне всякого сомнения Капаев был уголовником, амнистированным перестройкой до статуса бизнесмена. Смелые решения Севиного сознания и тревожное молчание подсознания становились постоянным тандемом.

Парадокс заключался в том, что советская власть, которая не имела ни морали, ни совести, сумела внушить

эти понятия в гипертрофированном виде большинству простого народа, особенно интеллигенции. Сева в свое время был одним из особо пострадавших. Я, признаюсь вам, — тоже...

Но пока наша пара «Фролов с одной стороны и Малых — с другой» работала очень успешно. Скорости и виртуозности, с которыми Леша Малых промчался первую половину дистанции, можно было позавидовать. Сева тоже не ударил лицом в грязь и проявил хитрость змия при оформлении покупки на заводе. Он придумал вполне правдоподобную версию дальнейшей судьбы станка, чтобы не вызывать излишних подозрений. Версия понадобилась в беседе с исполнительным директором завода Верником, бывшим главным технологом, хорошим специалистом, неглупым и порядочным человеком лет слегка за пятьдесят, а значит, по всем параметрам обреченным в нынешние времена на бесполезное существование на бесполезном заводе.

Верник как всегда начал с любимой темы — зачем развалили Советский Союз?

Сева в глубине души, вопреки своей любви к демократии, был с ним согласен. И его можно понять. Он сейчас с особой остротой чувствовал масштабы утраченного. Бескрайние территории, большие заводы, мощнейшая оборонка, секретные предприятия, связанные с космосом, — везде он и его станки были желанными и необходимыми. Перестройка была неизбежна, но стоило ли страну резать по живому? Если бы не разорвали Союз, может и они с Верником не оказались бы у разбитого корыта?

Понять их чувства можно, но согласиться с таким подходом тяжело. Я лично не могу. После развала Союза узбеки резали себе узбеков, таджики таджиков, шли стенка на стенку в Грузии. Лукашенко сделал из Белоруссии

заповедник, своеобразный «Парк Юрского периода». И так далее. Но все это были, так сказать, дела семейные. А теперь представьте себе, что везде стали бы наводить порядок русские. Чечня показалась бы мелким событием местного значения. Догадываюсь, что далеко не все из вас со мной согласятся, но свое мнение скрыть не могу... Ну ладно, это просто заметки на полях. Вернемся к сюжету.

Посетовав на несправедливость судьбы, собеседники перешли к делу. Сева сообщил о своем намерении купить станок.

Верник не скрыл своего удивления:

– Сева, ты же приличный человек.

«Был им», – не без гордости подумал Сева.

– Кому ты собираешься втюхивать эту недокрашенную и недоведенную до ладу грудку железа? Станок не отъюстирован, не сданы нормы точности. Нет, смена отличная, по идее, я ничего не могу сказать, но без программы и без электрики это только намек. Со станка всю электрику сняли на запчасти. Это ужас, а не станок. Сева, ты кого-то хочешь надуть?

«Вас, Михаил Наумович», – подумал Сева и с трудом сдержал улыбку.

И рассказал заранее подготовленную легенду, где правда смешивалась с вымыслом.

В цене сошлись быстро – девять тысяч долларов, и каждый считал себя в выигрыше. Словом, все, по словам Малых, прошло тип-топ и даже люкс-модерн. Подписал документы на куплю-продажу только Верник, без совета директоров. А главное, без Самосенко, которого Сева опасался, но не из-за бывшего столкновения на романтической почве. Тот со своим опытом работы в бюро информации и патентования почувствовал бы запах жареного. А так деньги были выплачены, документы на вывоз получены всего за два дня. Сева нескромно решил, что жулик

из него, пожалуй, может получиться. Еще не все шансы потеряны.

Теперь нужно было поскорее увезти станок с завода, пока никто не передумал. Опять в дело вступил Малых. Он обзвонил и обегал фирмы по перевозке грузов за границу. На ближайшую пятницу – то есть через день – был намечен рейс недогруженного трейлера с каким-то срочным грузом в Штутгарт. Подозрительное везение продолжалось. Сева выплатил аванс, Малых оформил все необходимые документы. В пятницу утром станок вывезли с официальной территории завода на площадку для отгрузки, оформили документы «сдал – получил», завод умыл руки, и все его работники, участвовавшие в процессе, дружно разошлись по домам. А Сева с Малых и парочкой нанятых на всякий случай в качестве то ли грузчиков, то ли охранников рабочих сборочного цеха, соблазненных двадцаткой зеленых (сумасшедшие деньги!), уселись у ящика ждать трейлера. Конечно, трейлер задержался на пару часов, и никто этому не удивился. Хуже было то, что к этому времени из-за внеочередной аварии или из-за очередного планового ремонта обесточили весь район. Кран-балка для погрузки стала бесполезной. Сева позвонил главному энергетiku, тот тоже позвонил куда надо и затем сообщил, что нет ни малейших шансов на подключение электричества до ночи.

– Ничего удивительного в этом нет, такие вещи нужно предусматривать, – назидательно сказал главный энергетик. И положил трубку. Он торопился попасть на рынок до его закрытия. Кое-что для продажи у него было...

Мощный автокар, который был на заводе когда-то, «несуны» разобрали на запчасти и давно пропили, искать автокран дело долгое, а трейлер и так опаздывал – его ждал под загрузку основной заказчик. Словом, Сева со товарищи остался сидеть возле ящика на неохраняемой

ником территории. Малых опять помчался в транспортную фирму на автобазу, по настоянию Севы заказал на завтра, на субботу часам к шести вечера грузовик поменьше, но подороже — теперь надо было одному оплачивать весь рейс. Выбирать не приходилось. И параллельно для перестраховки Малых договорился, что на базе будет стоять под парами автокран — партнеры учились на ходу. Вот только снова пришлось доплатить.

К вечеру замученные донельзя Сева и Малых разошлись по домам. Охранять остались сборщики, которым для надежности Сева добавил еще по двадцать зеленых. Огромная ошибка. Еще одна — он заводским охранникам тоже вручил по десятке и просил смотреть в оба. Дело, мол, серьезное. Все эти действия свидетельствовали о том, что Сева плохо знает природу человеческую.

Дальше все развивалось, как и следовало ожидать. К вечеру на заводе дали свет. Сева в это время на диване спал беспокойным сном, усталость взяла свое. Короче говоря, когда часов в девять утра он, подхватив по дороге Малых, приехал на завод, то охранники еще не протрезвели. В таком же состоянии были и оба сборщика, лежавшие посреди остатков пиршества в каморке по соседству.

А что касается станка, то налицо были признаки набега вандалов. Очевидно, они прибыли на пикапе, колея была узкая. Скорее всего кто-то из охранников поверил десяти долларам и уверениям Севы, что дело важное, и дал наводку знакомым налетчикам. Те разбили упаковку и унесли все, что могли, для детальной разборки в более удобных условиях. Все было как обычно при таком набеге. Сняли все, что можно было снять и погрузить. И последнее я оставил на закуску: унесли старательно упакованный в отдельный аккуратный ящик компактный и легкий — в данном случае легкий на беду — механизм смены инструмента. Где-то уже

наверняка, — подумал Сева, — его разбирают на подшипники, самый ходовой — после электрики — товар на рынке ворованной продукции. Подшипников в механизме смены хватало.

В этот момент выдержка Севе окончательно изменила. Его поведение очень напоминало истерику. Он пытался растормошить сборщиков, применяя нецензурные выражения, которые удивили даже видавших виды работяг. Но они только смотрели на него оловянными глазами. Сева их тряс, толкал, тормозил, дошло до того, что дал в морду одному из них, чего, насколько помнил, не делал даже в детстве. Разумеется, все это было бесполезно. Потом помчался к ближайшему охраннику у ворот, где повторилась вся процедура, но без битья. С тем же успехом.

Юрист Малых попытался увлечь Севу на более привычный для него путь. Они остановили попутку и подъехали в ближайшее отделение милиции, где утро еще даже не начиналось. Эта проторенная дорожка принесла кучу протоколов, три тысячи долларов на взятки и такой же нулевой результат, как все предыдущие. Я уверен, что никто из серьезных стражей порядка даже и не попытался что-то сделать. В эту ночь украли «мерседес» и «БМВ», не говоря уже всяких там «жигулях». Несколько ограблений и разбойных нападений. А тут какой-то копеечный станок. И даже без убийства — о чем разговор?

Неопытность Севы снова сыграла роковую роль: он первые дни расстраивался, точнее сказать, убивался только по одной причине — из-за злосчастного нелепого невезения уплыли деньги, которые, казалось, были уже в кармане. Сева упускал драгоценное время. А ему нужно было с первой минуты думать только об одном — как выбраться из этой авантюры живым и здоровым, бог с ними, гипотетическими тысячами. Он продолжал тратить деньги на безнадежные поиски улетевшей

птицы счастья, даже нанял — смешно сказать — частного детектива. А нужно было зажать остатки денег в кулак и срочно собрать то, что удалось бы вернуть. Нужно было спастись.

Ближе к вечеру почти потерявший терпение дежурный отделения милиции вежливо попросил его хотя бы некоторое время не мозолить глаза и пойти отдохнуть. Даже детектив, поняв, что больше не вытянет из Сева ни доллара, отказался составить ему компанию. Этот объявивший недавно себя частным сыщиком бывший постовой милиционер сказал, что ему делом нужно заниматься, а не сопли утирать пострадавшему. Малых где-то по дороге тихо потерялся, он давно понял, что денег в этом так успешно начавшемся деле ему не видать. Сева остался наедине со своими мыслями. Идти было некуда. Встречаться с домашними у него ни сил, ни желания не было. Он уселся на скамейку прямо напротив своего дома и стал ждать, пока в квартире все улягутся спать.

Ждать пришлось долго, к вечеру похолодало, и даже покапал мелкий дождик. Сева решительно встал и двинулся в направлении ближайшей рюмочной. Он там еще не «угощался», но знал, что заведение не из дорогих. В нем собирались по вечерам в основном не алкаши, а люди пьющие и небогатые — так будет точнее. Конечно, никаких рюмок там не было — одно название — были стаканы и прочные пивные кружки.

Сева взял сто пятьдесят грамм водки, бокал пива, какой-то невзрачный бутерброд с салом и просидел с этим богатством до одиннадцати часов. Вокруг со всех сторон доносились слишком громкие для небольшого помещения голоса. Не слышать беседы было невозможно. Тема разговоров в сущности была одна. Сквозь толщу неформальной лексики пробивалось недовольство «этой долбаной жизнью». То ли от выпитого на голодный желудок,

то ли от сознания, что он не один такой невезучий, Сева стало легче.

Когда он потихоньку открыл дверь своей квартиры и вошел в гостиную, то увидел, что беззвучно работает телевизор, а в кресле сидит Нина Григорьевна.

– Ма, ты почему не спишь?

– Кушать хочешь?

– Ох, мама, мама... А знаешь, пожалуй, хочу.

– Сейчас подогрею. Ну что, все лопнуло?

– Кажется, да. Кажется, лопнуло. Ма, дай мне пару дней, я потом все расскажу.

– Хорошо, Сева. Я пойду разогревать, умойся и иди к столу.

На диване уже была расстелена его постель, мама позаботилась. Он вымыл руки, снял костюм, надел пижаму. Присел на диван...

Когда Нина Григорьевна вошла, он уже спал, неловко приткнувшись головой в угол дивана. Нина Григорьевна уложила его поудобнее, прикрыла одеялом и выключила свет. Постояла неподвижно над ним несколько минут в темноте, вздохнула и, стараясь не шуметь, ушла к себе в комнату. Аркадий Борисович тоже не спал, на его прикроватной тумбочке горела лампа под цветным абажуром. На груди лежала так и не открытая книга, очки подняты на лоб. Он ждал.

– Ну как, Ниночка? Что слышно?

– Я думаю, что все лопнуло, – повторила свою догадку

Нина Григорьевна. – Аркаша, давай спать.

Но еще долго в темноте слышны были реплики:

– ...Ниночка, ты не волнуйся, все еще будет...

– ...пахнет водкой, я так боюсь этого...

– ... я уверен, наш Сева...

– ...Наташа нервничает. Дети все чувствуют...

– ...когда Марина едет в Киев?..

– ...ты принял таблетки?..

Эффект домино

В доме явственно ощущалась предгрозовая атмосфера. Так же, как это бывает в природе, все вроде бы внешне спокойно, тихо, даже слишком тихо, но душно и тревожно. Все, пожалуй, кроме Марины, были напряжены до предела. Впрочем, что думала и чувствовала Марина, как обычно, понять было очень трудно. Так продолжаться долго не могло — это сознавали все, и стар, и млад.

Когда в семье назревает необходимость в переменах, то часто достаточно одного, даже не слишком сильного толчка, чтобы изменения посыпались одно за другим. А если толчок по своей силе приближается к девяти баллам? Тогда эффект домино неизбежен.

Отношения в квартире Фроловых, вы сами видели, складывались непросто. Марина уже давно фактически была вне семьи. Нина Григорьевна тоже немало месяцев находилась в непривычном для нее состоянии то ли соседки, то ли какой-то нахлебницы. С вежливой благодарностью она брала у Марины, которая дома не питалась и практически не жила, деньги — и немалые — на расходы и на лекарства. Лекарства для Аркадия Борисовича при обострении язвенной болезни стоили в месяц столько, сколько получали наши пенсионеры вдвоем за год. Нужны были иностранные средства, местные на него уже не действовали. Но дело было не только в болезни Аркадия Борисовича. У Нины Григорьевны тоже росли затраты на медицину. Например, давно нужно было поставить две коронки, приходилось улыбаться только половиной рта. Да и расходы на большую квартиру — сейчас не советское время — тоже росли со сказочной быстротой. Свет, газ и прочее. Если бы Сева был добытчиком, все-таки было бы легче, особенно морально, хотя это звучит несправедливо по отношению к Марине.

Наташа металась между мамой, с которой проводила только понедельник — Маринин выходной день, — и остальной

сплоченной семьей. А в последние дни из контакта выпал и Сева, погруженный в какие-то загадочные события и мысли. И вот наступил апогей. Для каждого из членов семьи пришло время принимать – любимое определение политиков – непопулярные решения. А проще говоря – тяжелые и очень болезненные.

С этого времени в течение примерно двух недель события разворачивались, как принято говорить, с калейдоскопической быстротой. Одна проблема буквально наступала на пятки другой. Поэтому, чтобы не отстать от темпа, заданного жизнью, я не смогу последовательно и неторопливо описывать все перипетии происходящего. Кое-какие события придется излагать что называется конспективно, только для того, чтобы вы не теряли логики и последовательности рассказа.

Два последующих после роковой субботы дня – воскресенье и понедельник – Сева находился в состоянии грогги, как говорят боксеры. На ногах, но мало что осознавая. На третий день, во вторник нашелся человек, который вернул его в реальность, на грешную землю.

В этот день только часам к двенадцати Сева с трудом пробился в кабинет заместителя начальника отделения милиции, которому он лично с рук на руки передал три дня тому назад три тысячи долларов «на нужды следствия». Упитанный майор с тонким голоском неохотно и неубедительно стал рассказывать Севе байки – они, мол, ищут, нащупали следы, нужно подождать... В это время позвонил телефон, майор лениво взял трубку, но, видимо, узнав голос, выпрямился в кресле и стал отвечать вежливо и довольно энергично. «Наверно, начальство», – подумал Сева.

– Да, он здесь.

Сева посмотрел вокруг, кроме него, никого в кабинете не было. Но мало ли о ком может идти речь...

– Что? Только от мертвого осла уши, – майор захихикал, острота ему самому понравилась. – Хорошо, через пятнадцать минут. Договорились.

Он положил трубку и с неожиданным интересом уставился на Севу.

– Вы, наверно, заняты. Я, пожалуй, пойду, – Сева заторопился.

– Нет, подождите. Я проверю последние донесения. – Он позвонил по телефону: – Сергей, папку Фролова ко мне.

Потом он занялся какими-то бумагами, потом какой-то Сергей занес ему какую-то папку, потом майор пролистал ее, потом посмотрел на часы и сказал:

– Ничего нового, Фролов, нет. Заходите под вечер. А пока можете идти.

Сева попрощался и ушел.

На улице прямо напротив входа в отделение стоял не слишком новый автомобиль «БМВ». Задняя дверца была распахнута настежь, и Сева услышал приглашение:

– Заходи, дорогой, гостем будешь.

На заднем сиденье сидел лично сам Капаев. За рулем была его копия. Немного моложе.

– Знакомься, это мой брат Серж.

Серж повернулся, улыбнулся. Блеснули золотые зубы.

– Как вы меня нашли? Ну, ваша фирма веников не вяжет, – оценил ситуацию Сева.

– Каких таких веников? А-а-а, ну ладно. Садись, давай отъедем в сторону, поговорить надо.

Они заехали в безлюдный переулок, ведущий к морю. Младший Капаев прижался к обочине, выключил двигатель. Его затылок демонстрировал полное безразличие к тому, что происходит на заднем сиденье.

– Информация до вас уже дошла? Быстро.

– А ты, дорогой, как думал? Тридцать пять тысяч зеленых на дороге не валяются.

- Но у меня еще три недели... Я найду станок.
- Найдешь от мертвого осла уши, – смачно произнес

Капаев.

«Так вот с кем почтительно говорил майор», – подумал Сева.

И повторил:

- Да, ваша фирма их не вяжет...
- Чего не вяжет? А-а-а, ну ладно. Давай, Фролов, ближе к делу. Для нас обоих лучше все решить как можно быстрее и миром. Денег ты не найдешь, это ясно. Гаражу твоему у черта на куличках копейка цена. Жена тоже тебе денег не достанет, ей они могут слишком дорого стоить, – и он так сально улыбнулся, что в подтексте этих слов сомневаться не приходилось.

Сева возмутился, но Капаев бесцеремонно его осадил.

– Ты можешь потерпеть пять минут? Не устраивать базар? У тебя единственный выход – продать квартиру. Но на это нужно время. Раньше начнешь, раньше кончишь. И проценты сэкономишь. Ты послушай меня. Мне нужны деньги, разборки с твоей семьей не в моих интересах. Если ты вовремя рассчитаешься. А если нет – то пеняйте на себя. Все, по очереди. Скажу тебе прямо. Тут посторонних нет.

Капаев так просто и убедительно это сказал, сверкнув серебряной улыбкой, что у Севы похолодело внутри.

- Капаев, ты же нормальный человек...
- Я этого не понимаю, нормальный, ненормальный. Я понимаю только честный человек. Это который свое слово держит. Мы с тобой бумажек не подписывали. Мое слово против твоего. На честном слове все мое дело держится. Можешь отдать мне квартиру, я тебе еще пять кусков добавлю... Можешь продать кому другому.

- И нам всем оказаться на улице?
- А о чем ты раньше думал, интересно?
- Но хозяин квартиры не я...

– Знаю, дорогой. Если ты боишься, я сам пойду к твоей маме и объясню, чем вы все рискуете. Подробно. Старушка поймет.

«А ведь пойдет, пойдет, черт бы его побрал», – подумал Сева. Он попытался разозлиться:

– Не верю, что можно из-за таких денег себя подставлять.

– Не будь ребенком. Сейчас любой наркоман за пятьсот долларов полгорода вырежет. И знать не будет, кто ему заплатил. Сева, это я так, к слову. У нас все кончится хорошо. Есть квартира – есть деньги.

– А если бы ее не было, что бы ты делал?

– Ну ты даешь! Я что, лопух? Если бы я не знал про квартиру, я б тебе ни копейки не дал. И не говори мне про рассрочку. Мне твои гроши не нужны. Эти тридцать кусков дают мне сотню навару за год.

– Кошелек или жизнь... – проворчал Сева. Чувство отвращения стало брать верх над осторожностью. – Я тебя понял. Слушай, честный человек с большой дороги, ты можешь меня до конца срока не дергать? И никого не трогать?

На Капаева Севины насоки не производили никакого впечатления. Даже, судя по оскалу блестящих зубов, доставляли удовольствие.

– Никому ничего я не сделаю. До срока. Я только хотел, чтобы ты понял, как все серьезно. Тогда нам всем будет легче.

– Хорошо, ты меня убедил.

– Пока еще нет, но убедю... убеж... Ну ладно. Ты сам скоро поймешь. Правда, Серж?

Тот, не поворачиваясь, кивнул головой.

– Тебя подвезти?

– Спасибо. Я лучше пройдуся.

Сева пошел в сторону моря, дошел до обрыва, опустился без сил на бордюр из камня-ракушечника. Сегодня бирюзовая морская гладь внизу не успокаивала. Ему стало

по-настоящему страшно. Он наконец стал осознавать, в какую историю влип. А если у него еще оставались какие-то сомнения — забегу немного вперед, — то они развеялись к вечеру по возвращении домой.

Он и раньше в общих чертах понимал, чем дело может кончиться. Но теоретически представлять себе землетрясение это одно, а оказаться под завалом — совсем другое. Но почему, почему так все произошло? В сущности, операция тоже была вполне осуществима. Он так тщательно все продумал, так старался идти на минимальный риск. Деньги взял у Капаева только за два дня до отгрузки станка, когда уже все было практически решено. Как можно было это нехитрое дело провалить?

И налицо ужасный результат — он втянул в опасную, по-настоящему опасную игру всю свою семью. Они, которые ни сном ни духом не ведали о безответственных, как теперь выяснилось, замыслах Севы, стали главными заложниками. Именно этот вывод следовал из неприкрытых угроз Капаева, сделанных легко и даже весело. И эта легкость была самой убедительной. Для Капаева это был обычный рабочий момент, без жестокого наказания несостоятельных должников существование его фирмы было бы просто невозможно. Малых недавно сказал Севе, что слоган этих подпольных фирм: «Не расплатишься — поплатишься».

Слова «от мертвого осла уши», сказанные специалистом уголовного розыска в солидном чине майора, вполне убедили Севу. Жаль, что три дня и куча денег уплыли меж пальцев. Он теперь сам удивлялся столь запоздалой реакции и проклинал свою чрезмерно затянувшуюся оптимистическую истерику. Но все, теперь все! За дело! Надо попытаться вернуть то, что удастся.

Сева потянулся к внутреннему карману пиджака — посчитать оставшиеся деньги... Нет, на улице нельзя. Увидят доллары — дадут по голове, и поминай как звали. И так невероятно глупо, что он носит все деньги с собой, хоть

и заколол внутренний карман булавкой. А что делать? Оказалось, что у Севы в доме не было места, где бы он мог их хранить втайне от всех.

Для Нины Григорьевны настали очень тяжелые дни. В субботу она по выражению лица сына и по запаху алкоголя поняла, что он потерпел сокрушительное фиаско в каком-то неизвестном ей деле, в котором, судя по всему, таилась надежда на светлое будущее. И она очень расстроилась. Но хуже всего было то, что вместе с ней расстроился и Аркадий Борисович. Чуткий внутренний барометр его настроения немедленно дал о себе знать. Только недавно приглушенная язва луковицы двенадцатиперстной кишки немедленно открылась. А рецидив этой болезни особенно опасен, потому что грозит самыми неприятными последствиями, в том числе и такими, о которых не принято говорить вслух.

И если при прошлом обострении сошлись вместе два положительных фактора — вспышка оптимизма, инициатором которой был Сева, и пакет лекарств, купленный Мариной, то сейчас картина была прямо противоположной. Сева старался не показываться никому из домашних на глаза, а лекарства закончились. Ужасно. Аркадий Борисович слабел на глазах, и даже для острот типа: «Мой Александр Михайлович опять не понимает...» — у него ни сил, ни настроения не было. Плохой признак.

В больницу он отказался идти наотрез. Все равно там нужно было либо делать операцию, что Аркадий Борисович иначе чем харакири не называл, либо пить те же самые лекарства, купленные за свой (точнее за Маринин) счет. Сева безусловно оплатил бы все, что нужно, его несколько сотен долларов от вендетты не спасали. Но он о состоянии Аркадия Борисовича не знал, потому что появлялся и исчезал аки тать в ночи. Не знала об этом и Марина, ей наш совестливый больной умолял ничего

не говорить — нужно меру знать! Выход был один — ехать в Израиль. Нина Григорьевна понимала, что сейчас «промедление смерти подобно», но далеко не в абстрактном смысле этого крылатого выражения.

И все-таки во вторник — понедельник пропустила, тяжелый день — она решилась на еще одну безнадежную попытку. Пошла на главпочтамт и позвонила Лине.

Вопреки намерениям Нины Григорьевны, телефонный разговор затянулся. Точнее его можно было назвать монологом, разумеется, монологом Лины. Нина Григорьевна была куда более лаконичной не только по свойству характера, но и потому, что пятнадцать минут разговора стоили месячной пенсии.

Как здоровье, как дети? И сразу переход к делу. Нина Григорьевна описала Лине состояние отца, сказала, что Марина уже уехала в командировку — эта ложь во спасение ей тоже стоила немало усилий — и денег на хорошие лекарства нет.

— Отцу плохо, очень плохо. Не могла бы ты...

Окончание просьбы повисло в воздухе. Начался Линин монолог. Она могла говорить очень конкретно и логично, этого не отнимешь. Правда, всегда агрессивно, с напором. И обретенная ею религия безапелляционности не смягчила, скорее наоборот. Ортодоксальный верующий — и ортодоксальный еврей в том числе — никогда не сомневается ни в себе, ни тем более в Боге. Он считает любое свое мнение единственно правильным, сообщенным ему свыше. Тяжкий крест и для него, и для окружающих.

— Нина, вы там так и не смогли избавиться от совковых привычек.

— От каких?

— Пожалуйста. Попробую объяснить. «Алеф». — Лина всегда любила нумеровать пункты своих доводов, только сейчас вместо банальных «во-первых, во-вторых» она пользовалась ивритскими «алеф, бет» и т. д. Так в Израиле

принято. — Нет каких-то хороших лекарств. Это ваша дремучая наивность. Есть лекарства, которые выписывает врач на основании данных больного. «Бет». У нас лекарства без рецепта стоят в десять-пятнадцать раз дороже. Наверно, дороже, чем они стоят у вас. У моих в семье, хасва халила, язвы ни у кого нет. Значит, нет и рецепта. И вот тебе еще одна совковая точка зрения. Вам там кажется, что у всех за границей деньги на дороге валяются. Только не ленись наклоняться. Но это не так. Мы живем трудно, считаем каждую агору... Детям многого не хватает.

— Но это твой отец...

— А вот и «гимел». Это тоже ваша совковая традиция. Не нужно перекаладывать ответственность на других. Мой отец может приехать сюда и иметь все то же, что и я. Ты, Нина, держишь его там. И тебе отвечать за это.

— Да, да... — Что Нина Григорьевна могла возразить?

— И «далет». Давно хотела тебе сказать — на Западе не живут родители со взрослыми детьми. Не мешают им создавать семью. Помогают, но на расстоянии. Я кое-что знаю о ваших делах. Вы избавили Марину от домашних трудов, от ответственности. От чувства, что это только ее семья. Твоя забота это тоже эгоизм, если хочешь знать.

Нина Григорьевна не удержалась от обидного для Лины и несправедливого ответа:

— Ты тоже жила с нами до тридцати пяти лет...

— И я была совком, кто спорит. Нина, папа выбрал тебя, ту страну и все, что там есть. Это его выбор, и он должен отвечать за него. Если, не дай бог, придется, то и самой жизнью.

Может, это было справедливо, но очень жестоко.

Нина посмотрела на часы. Пенсии за месяц как не бывало. Спокойно и решительно сказала:

— Ясно. Теперь слушай меня. Мы вылетаем, если есть билеты, в этот четверг. Ближайший. Ждать больше невозможно. Найди нам жилье не в религиозном районе

и не на оккупированных территориях, встречай в аэропорту. Уточню все завтра. И... какая там у вас по алфавиту следующая буква?

– Хэй, – растерянно сказала Лина.

– И «хэй». Не забывай, что это твой отец. Чти отца своего, говорится в заповедях.

Она повесила трубку.

Разговор оставил тяжелое впечатление. Но неприятные чувства, как ни странно, были направлены в основном не против Лины, а против себя самой. Лина в тяжелой и безапелляционной форме, но сказала правду. Новая жизнь требовала других решений, а Нина упорно не прислушивалась к ее голосу. Она давно должна была увезти Аркадия в Израиль, не запускать его язву. Конечно, обидно, что человек вынужден менять страну, чтобы спасти ближнего. Но такое время, что поделаешь. И еще, слава Богу, что эта возможность в новые времена появилась. К тому же отъезд действительно единственный реальный способ дать семье своего сына самой разобраться во всем. Нина Григорьевна должна была признать, что если бы Марина оставалась полноправной единственной хозяйкой, она была бы вынуждена отдавать больше сил и времени семье. Кто знает, как тогда бы все повернулось?

Деньги, сохраняемые с лучших времен специально для этого, и документы Нина Григорьевна предусмотрительно взяла с собой. Не хотела давать себе еще одну возможность для сомнений и колебаний. Она решительно зашла в ближайшую авиакасса. Очереди не было. Билеты были. Взяла билеты на послезавтра, четверг, вылет в 22 часа 30 минут. Рейс Город – Тель-Авив. В один конец.

Когда она вышла из кассы, то с трудом добралась до ближайшей скамейки. Внутри что-то оборвалось. Боже мой, какая невыносимая тяжесть! Все менять на старости лет... Только тот, кому пришлось это сделать, может понять Нину Григорьевну. Другим объяснить невозможно.

Она пришла домой, долго возилась в коридоре. Оттягивала начало разговора с Аркадием Борисовичем. Кроме него, в доме никого не было.

– Ниночка, это ты? Почему так долго возишься?

Нина Григорьевна зашла в комнату. Аркадий Борисович лежал на кровати. Осунувшийся, бледный.

Она как была, в плаще, села рядом с ним на кровать, чего себе никогда не позволяла. Случай был особый.

– Я взяла билеты в Израиль. Послезавтра улетаем.

Аркадий Борисович не удивился. Все было известно.

Хотел что-то сказать – не получилось. Он заплакал. Всхлипывая, изо всех сил стараясь сдержаться. Нина Григорьевна успокаивающе погладила его по плечу. И... тоже заплакала. Беззвучно.

Сева не много времени потратил на то, чтобы попытаться вернуть хотя бы часть напрасно потраченных денег.

Завод в этой цепочке был последним звеном. Сева попросил исполнительного директора Верника забрать обратно остатки станка за любое вознаграждение. Ясно было, что уж в этом случае без Самосенко не обойтись. Верник, чтобы показать, что он сделал все, что мог, и совесть его чиста, позвонил Павлу в присутствии Севы и включил громкую связь.

Коротко и демонстративно объективно он сообщил все, что произошло со станком. Весь его рассказ проходил под аккомпанемент нарастающего смеха Павла. В драматическом финале истории веселье достигло максимума.

Павел и Сева недолго любили друг друга. И для этого основанием был не только известный вам бразильский любовный сериал вокруг Марины. Павлу казалось, что в былые времена Сева иногда посматривал на него свысока – вероятно, так оно и было. А отношение Севы... Как бы вы относились к бывшему «заму по внешним сношениям» при Самоеде, который внезапно стал успешным

и богатым? В то время как Сева, человек не менее достойный — скромно думал он о себе, — оказался на общественном дне. Гол как сокол!

Смех Павла Севу не удивил, тем более он и сам считал, что вполне заслуживает чего-то подобно. Но ему показалось, что в этом смехе отсутствует злорадство, есть только веселая насмешка — скорее так это звучало. Вполне возможно — это мое предположение, — что у Павла были основания не относиться к Севе слишком уж плохо, таить обиду. Как бы в подтверждение моих слов, отсмеявшись, Павел сказал:

— Що з возу впало, то пропало, — вы помните, он был из Винницы.

Затем прозвучал известный всем на заводе рефрен:

— У нас не благотворительная организация.

И все-таки добродушный финал:

— Ладно, дайте ему полторы тысячи долларов по цене металлолома, а эту рухлядь отправьте на переплавку.

Судя по началу, Сева и на это не надеялся.

О других визитах особо сказать нечего. В транспортной фирме его уже ждал оформленный счет, где засчитали недогруз трейлера, простой нового грузовика, простой крана и прочее, и прочее, и прочее. Результат — к возврату полторы тысячи долларов. Сева подумал, что между настоящими бизнесменами много общего. А тут еще на прощание хозяин фирмы подмигнул и сказал:

— Що з возу впало, то пропало...

Ну вот, собственно, и все доходы. На остальных фронтах полное поражение.

В ответ на жалобный намек Севы: «Ну не станок, так хоть часть денег верните», майор прошипел угрожающе:

— Это шантаж?

А чтобы найти частного сыщика, нужно было нанять другого детектива. Первый был на Севины деньги в жестоком загуле.

Словом, окончательные подсчеты были просто убийственными — чтобы вернуть ссуду с процентами Севе не хватало двадцати восьми тысяч. С хвостиком.

Неужели бандит Капаев действительно будет применять закон гор?

Не найдя ответа на этот вопрос, Сева поплелся домой...

А в это время Нина Григорьевна с мужем немного успокоились и принялись за работу — нужно было готовиться к отъезду. Правда, вещи были в основном сложены заранее, но Нина Григорьевна не могла оставить детям необранную квартиру. Уборка всегда была, естественно, на ней, а площадь 170 метров квадратных требовала немалых трудов, особенно если все должно быть доведено до блеска. К этому можно добавить стирку, готовку, рынок, магазины — нет, Нина Григорьевна от безделья не страдала. Ее бессменный помощник Аркадий Борисович старался изо всех сил, но время от времени терял спортивную форму, как произошло и на этот раз. И все-таки всегда в доме был порядок. Кроме того, Нина Григорьевна втайне от Марины по пятницам — вместе со своим дипломом — мыла лестницу в их доме. А Аркадий Борисович — со своей ученой степенью — подносил ей по полведра воды, на большее он способен не был. И получали они за это солидную добавку на расходы — двадцать долларов в месяц.

Итак, Нина Григорьевна занялась уборкой, Аркадий Борисович покряхтел, поднялся с кровати и стал вытирать тряпочкой мебель.

— Лежи уже, работник.

— Ниночка, я только вытираю пыль, работа не пыльная, — Аркадий Борисович остался доволен каламбуром. Напряжение их потихоньку отпускало.

Труженики не заметили, что уже почти четыре часа, а Наташа со школы еще не пришла. Должна была явиться около двух.

Первым заволновался впечатлительный Аркадий Борисович. Он тихонько пошел в спальню и, таясь — Нина Григорьевна не любила паникеров, — позвонил родителям Наташиной подружки Светы. Светина мама тоже уже волновалась и собиралась звонить им. Куда девочки подевались? Она собиралась пойти в школу. Аркадий Борисович попросил после этого им перезвонить.

Заволновалась и Нина Григорьевна. Для добросовестной Наташи такая необязательность была удивительной. Позвонила Светина мама. Занятия кончились в два часа. Что делать, куда бежать? Сидели как на иголках еще минут тридцать-сорок. Потом позвонили Марине. И сразу же на завод Севе, тот не отвечал. Через десять минут примчалась запыхавшаяся Марина, потерявшая всю свою хваленую выдержку и спокойствие. Как бы дальше развивались события, неизвестно, если бы не открылась входная дверь и не появилась вполне довольная собой и всем миром Наташа. Как, что, почему? А в чем дело?

Оказалось, некий папин знакомый дядя Серж угостил их мороженым и повел в кино на мультики. Недалеко, в центре. Разве папа вам не сказал? Дядя Серж, такой смешной, с акцентом, позвонил папе с мобильного, и папа сказал, что можно, но не дольше двух часов, и что он, папа, позвонит домой. Не звонил? Ох уж этот папа.

Сомнения остались, но все сделали вид, что все в порядке. Все хорошо, что хорошо кончается. Зато впервые за долгое время вместе с Мариной сели ужинать. Нина Григорьевна объявила об их отъезде в Израиль. Как ни странно, но после переполоха с исчезновением Наташи трагизм сообщения как-то не прозвучал. Нина Григорьевна оживилась и объявила, что сейчас девяносто четвертый год, а не тридцать седьмой, и нечего паниковать. Марина ее активно поддержала. До Израиля быстрее и легче долететь, чем до Москвы. И на границе не так голову морочат. Были бы деньги. А лечиться нужно — все

это адресовалось Аркадию Борисовичу. Расстроилась было Наташа, но бабушка твердо обещала, что в это лето, как только они устроятся и дедушка Аркаша поправится, она приедет к ним на каникулы. Мама финансово гарантировала заявление бабушки, мало того, сказала, что возьмет Наташу с собой в Киев. Тут сомнения девочки уступили место радости — столько нового впереди! Все успокоились. Во всяком случае внешне все выглядело довольно обыденно, без паники.

К концу обеда появился и папа. Вид у него, как сказала Наташа, был какой-то встрепанный.

Все наперебой стали предъявлять ему претензии и попутно сообщили о дяде Серже с акцентом, о его звонке по мобильному телефону, о мороженом и мультфильмах.

— Сева, ты что, забыл позвонить?

— Папа, ты забыл позвонить?

Сева побелел, сел на стул, но вовремя сообразил подержать версию:

— Извините, столько хлопот, из ума вон... Да, забыл. И на старуху бывает проруха. — Он неожиданно вскочил. — Извините, я должен бежать.

— Сева, есть важный разговор...

— Извини, ма, нет ни секунды. Приду, обязательно поговорим.

Он умчался. Мама и жена с подозрением переглянулись.

Нина Григорьевна обиделась. Марина тоже надеялась на важный разговор с мужем, но узнав об отъезде свекрови, решила перенести его на более подходящее время.

Оглушенный Сева выскочил на улицу. Закон гор начал действовать. Капаев дал ясно понять, с кого начнет. И как легко все можно сделать. Он убедил Севу, убедил окончательно и бесповоротно. А какой может быть выход? Выхода не видно.

Пройдя несколько кварталов, Сева не без труда нашел действующий, не сломанный телефон-автомат, у которого еще не успели вырвать с корнем трубку. Позвонил Тюле.

— Тюля, нужно увидеться. Сейчас. Жду тебя на скамейке возле моего дома.

Тюля не стал спрашивать зачем, почему, что случилось. Нужно так нужно.

— Через десять минут буду.

Пойти в милицию сообщить об угрозах? Сева вспомнил упитанного майора. Какую защиту там он получит? От мертвого осла уши.

Его трясло. Если этот подонок что-нибудь сделает Наташке, он его убьет и никакой бомж не понадобится. Но тогда может быть поздно...

Надо брать себя в руки и думать логически. Без паники. Но это было проще сказать, чем сделать.

Так легко Сева квартиру не сдаст. Все варианты, кроме этого. Мама должна сохранить ее, слишком много она в маминой жизни значит. Но ничего нельзя будет предпринять, если не обеспечить тыл. Тыл прежде всего. Вывести всех из-под удара. Должен остаться только он, Сева, и квартира. Тогда можно будет как-то бороться. Тьфу ты черт, прямо какая-то диспозиция военной кампании.

В доме уже давно центробежные силы растаскивают всех в разные стороны. Оказалось, это неслучайно. Надо перестать сопротивляться тому, к чему подталкивает сама жизнь.

Подошел Тюля. Уселся на скамейку и стал ждать объяснений. Он их получил в полном объеме, начиная от долга Капаеву, затем скандал со станком и заканчивая последней выходкой этого честного человека с большой дороги — мороженое для Наташи.

Тюля долго собирался с мыслями, а потом сказал:

— Ты решил всех своих разогнать? Как можно дальше от себя и от Капаева?

Не в бровь, а в глаз. Вместо ответа Сева поднялся.

– Пошли.

Они напрямик направились в рюмочную. Ведущим был Сева.

– Два по сто пятьдесят, два пива и два бутерброда.

Сели за свободный столик. Чокнулись, пригубили. Запили пивом, откусили немного от бутербродов.

Помолчали. Еще немного выпили. Еще запили. Опять откусили от бутербродов.

– Знаешь, Тюля...

– Ага, философские вечера в рюмочной...

– Зря нам втолковывали, что сильный человек никогда не плывет по течению. Мол, только слабаки и люди безвольные. Ах, он плывет по течению, какой стыд, какой позор! А я скажу тебе, что это все вранье. Что такое течение?

– Что?

– Это сама жизнь показывает тебе направление, в котором надо двигаться. Не нужно быть упрямым ослом. Тот, кто плывет против течения, выбивается из сил и в лучшем случае стоит на месте. Это как плевать против ветра. Такой человек может быть примером для истории, но свою личную жизнь обязательно испортит. Он не будет счастлив. А что для человека важнее счастья?

– По-моему, ничего. Но я не пойму, куда ты плыл против течения?

– Тюля, я не о работе. Об этом потом. Тут я еще не все продумал... Я о семье. Я не хотел, чтобы мама уезжала. А течение жизни давно показывало дорогу в Израиль...

– Да, это правда...

– И не хотел, чтобы Марина с Наташкой уходили. Но ведь всем было видно, куда Марину уносит.

– Ну, не всем. Зачем ты так...

Сева с трудом выдавил из себя то, что считал правдой, адресуя это больше себе, чем Тюле.

— У них там, — он не смог уточнить где, на это сил не хватило, — будет более надежная защита, чем моя. Там до них всякие отморозки не доберутся. И до мамы в Израиле тоже.

В знак согласия Тюля встал, пошел в буфет и принес еще две кружки пива. Сева поднял одну из них и сказал вместо тоста:

— Нужно было уже давно прислушаться к жизни. Самое главное — принять правильное решение. Не противоречить ходу событий. Тогда все остальное как-то устроится само собой. Как по маслу. И установится автоматическая оптимизация всех процессов.

Я уже говорил, что Сева в состоянии легкого подпития был склонен к красивым обобщениям и демонстрации своего культурного багажа.

Он заявился домой около двенадцати. Как обычно на цыпочках, стараясь не шуметь. В гостиной был голубоватый свет, опять беззвучно работал телевизор. Значит, мама не спит... Но к его удивлению в кресле сидела Марина. Сева не только удивился, но даже испугался:

— Что, что-то случилось?

— Ничего не случилось. Почему нужно пугаться, если жена ждет загулявшего допоздна мужа, да еще в такое беспокойное время?

Сева огорченно пожал плечами:

— Да, Маринка, к сожалению, у нас так повелось..

— Кушать будешь?

— Не откажусь.

— Точнее закусывать, судя по аромату.

— Есть немного...

Сева умылся, переоделся в домашнее и пошел на кухню. Марина что-то жарила на сковородке. Открыла один ящик, другой. Сева не удержался:

— Тарелки справа.

Марина покраснела.

– А что, пьяных на улице не трогают?

– Пьяных и пуля боится, пьяных и штык не берет, – музыкально поддержал Сева. А сам с запоздалым ужасом вспомнил, что в кармане лежат шесть с половиной тысяч долларов. За такую сумму запросто могли четвертовать. И неожиданно появилась мысль: ну и черт с ним, зато все проблемы были бы решены. Нет Севы – нет проблемы. Нет слова против слова. И удивительней всего, что сказал он себе это не просто так, для красного словца. Наполовину всерьез. Да, укатили сивку крутые горки. Сивку, который всю жизнь считал себя ярким оптимистом.

Наконец яичница была на столе, Марина уселась напротив.

– Сева, родители послезавтра улетают в Израиль.

– Ну вот, как и следовало ожидать. Течение жизни... – он невнятно бормотал с набитым ртом. И не удивился.

– Аркадию Борисовичу стало совсем плохо.

Сева вскочил.

– Почему мне не сказали?

– Сиди, куда помчался, они уже спят.

– Хорошо, что улетают. Давно пора. В больнице его бы совсем доконали. Но могли бы и мне сказать.

– Они говорят, что тебя совсем в квартире не видно.

– Ну да, они говорят...

Марина опять покраснела. Удивительная чувствительность для ее нестигаемого спокойствия.

– Ты же знаешь, мы во вторник уезжаем в Киев, работы выше крыши.

– Мы – это ты с Федором Михайловичем?

Тяжело поверить, но Марина еще добавила краски.

– Нет, мы – это я с Наташей. Я ее беру с собой.

– И правильно, иначе и быть не могло. Автоматическая стабилизация. Все сходится. Нет возражений.

— Сева, хочу тебя попросить. Я не спрашиваю, что с тобой происходит...

Сева с деланным удивлением протянул:

— За-а-аметила...

— Не ехидничай. Давай последние дни сделаем так, чтобы им было спокойно. Волнений у них и без нас хватает.

Сева согласно кивнул. Сознание советовало не рассказывать ничего никому, ни Марине, ни маме. Хотя на кону стояла их безопасность, и они имели полное право знать правду и участвовать в решениях. Раздвоение личности успешно продолжалось.

— Конечно, само собой. Постараемся обойтись без лишних волнений.

Но что-то, казалось Севе, осталось недосказанным.

— Это все новости? Должны быть еще.

— Пока все.

— Ну да, ну да... Пока.

— Ты остаешься в гостиной?

— А где мне спать со своим перегаром?

На следующий день Сева проснулся поздно. Около десяти. Марина уже была на работе, Наташа в школе. Нина Григорьевна на своем боевом посту в кухне. Сева прежде всего постучал к Аркадию Борисовичу. Зашел. Да, вид неважный. Круги под глазами. И похудел, что хуже всего. Но оптимизм вроде бы опять возрождается. Поговорили немного об израильской медицине, которая творит — по слухам — чудеса.

Из кухни позвала мама.

Сева сразу принялся перед ней оправдываться, но Нина Григорьевна не настроена была на сантименты, времени мало, а дел слишком много.

— Сева, ешь быстрее. Через час у нас свидание с адвокатом. Нужно подписать доверенность на квартиру на твое имя. Все уже готово, только подписать.

— Зачем это?

– А как квартира может быть без хозяина? Эх ты, бизнесмен...

Сева внезапно заинтересовался:

– Погоди, а кто адвокат?

– Правильно догадался – Людочка.

– Как ты ее нашла? Зачем?

– А я ее никогда не теряла. Это близкий мне человек. После семьи самый близкий. Ближе друг. Мы с ней часто виделись. К кому мне пойти, как не к ней?

– А почему ты никогда не рассказывала?

– Не хотела, чтобы Марина знала.

– Марина не знала, но чувствовала, что Люда присутствует в нашем доме.

– Все, Сева, разговор окончен. Собирайся, поехали.

Офис Люды располагался на приморской улице, недалеко от главного входа в пассажирский порт. Дверь солидная, несколько ступенек. Сначала приемная с секретаршей, потом сам кабинет. Все вместе не производило впечатления официоза, но и не было девичьей светелкой. Просто веселое и ухоженное помещение. И мебель была не пестрая, но какая-то тоже веселая. Светлые столы, поменьше у секретарши, посолидней у Люды, кресла с полукруглыми спинками, обивка мягкая светло-серая, с какими-то жизнерадостными зелеными искорками. На шкафу с папками стоял большой букет свежих цветов в вазе. Люда была все в том же деловом костюме, который по-прежнему не выглядел деловым.

Сева поймал себя на том, что волнуется. И Люда волновалась, и даже Нина Григорьевна.

Все тепло поздоровались, Люда с Ниной Григорьевной обменялись явно привычным поцелуем в щечку.

– Кофе, чай? Сева, может, немного коньяка?

Сева под неодобрительным взглядом матери согласился на коньяк. Когда все принесли, Люда перешла на деловые рельсы. Она уже знала о завтрашнем отъезде. И все, что касается доверенности на квартиру, объясняла Севе:

– Доверенность полная, все права. В том числе на продажу, сдачу внаем, залог, достройку и так далее.

– Зачем это? – задал все тот же вопрос Сева.

Как можно тактичнее, Люда объяснила, что все может случиться, все под богом ходим. Тогда оформлению конца не будет. Объявления, поиски соискателей, Украина двойного гражданства не признает. Это месяцы и месяцы. Наконец Нина Григорьевна перебила:

– Извини, Людочка, не будем тратить твое время. Так надо, Сева. Я уезжаю – ты остаешься. Чего тут неясного?

Они все подписали.

– Давай, Людочка, прощаться. Дорогая моя...

Они обнялись с такой теплотой, что у Севы на глазах выступили слезы. «Становлюсь сентиментальным».

Нина Григорьевна резко повернулась.

– Сева, пошли.

Марина сняла букет со шкафа:

– Нина Григорьевна, это для вас.

– Спасибо, Людочка. Идем, Сева, а то расплачусь.

– Мама, ты иди, я немного задержусь. Не жди меня. Нужно еще кое-куда заехать. Часа через полтора буду дома.

Нина Григорьевна посмотрела подозрительно, повернулась и ушла. У Люды глаза блестели от слез. Взяла салфетку...

– Ты в курсе моих дел?

Люда все знала со слов Малых. Сева добавил суть разговора с Капаевым. Историю с Наташей и мороженым она, оказывается, тоже знала. Очевидно, связь между нею и Ниной Григорьевной была надежной.

– Что посоветуешь?

– Я думала над этим. Деньги нужно отдать в срок, Капаев беспредельщик, и чего можно ждать от него – одному богу известно. Как достать деньги? Либо поменять квартиру с доплатой, либо взять под залог квартиры года на два-три ссуду в банке. Но я навидалась всего, и как

адвокат тебе говорю — без помощи Марины ты ссуду не вернешь. И квартиру потеряешь. Может, лучше все-таки поменять с доплатой.

Значит, и до нее дошли слухи о его житье-бытье.

— Решай сам. И прошу тебя, отдай две тысячи Малых, если будешь что-то делать. Он тебе тогда поможет. Парень хороший.

Наступила пауза. Сева был ей очень благодарен за то, что маме о его невеселых приключениях до сих пор ничего не известно. Люда — это Люда! Сева встал, обошел стол, наклонился и поцеловал ей руку. Она невольно встала. Сева неловко — стул мешал, — но крепко ее обнял, поцеловал в щечку. Недалеко от губ. И вышел. Люда опять взялась за салфетку...

Этот день и следующий — день отъезда — вопреки ожиданиям прошли без особого надрыва. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Состояние здоровья Аркадия Борисовича, как вы знаете, было просто из рук вон. Каждые три-четыре минуты приступы боли буквально сгибали его, несмотря на все старания выглядеть молодцом. И даже купленные Мариной мощные таблетки не помогали. Поэтому и провожающие, и отъезжающие не столько расстраивались от предстоящего расставания, сколько с нетерпением ждали посадки в самолет.

По этой же причине прощального ужина не было, несмотря на отчаянные возражения Аркадия Борисовича.

— Почему вы из-за меня отказываетесь от традиции. Я вас прошу, садитесь за стол!

Провожали их в аэропорт большой компанией. Пришли Тюля с Верой, Витя с Катей и Борис, к удивлению Севы, с Ларисой. Сева оказался плохим пророком, что-то у них, видимо, завязывалось. Может, действительно не для всех в деньгах счастье? Пришли две многолетние подруги Нины Григорьевны, одна из них с мужем. После

объявления посадки женщины немного всплакнули, включая Марину. А Наташа в три ручья. И все-таки главное чувство при прощании у всех было одно — надежда, что все будет хорошо. Даже Аркадий Борисович приободрился и выпрямился, затем галантно предложил руку Нине Григорьевне и гордо повел ее на посадку.

У здания аэровокзала ждал микроавтобус — Марина на работе договорилась. Несмотря на позднее время все вернулись в наполовину опустевшую — это очень чувствовалось — квартиру Фроловых и сели за стол. Теперь можно было поесть, не расстраивая улетевшего в поисках здоровья Аркадия Борисовича, выпить за мягкую посадку и легкую абсорбцию новых репатриантов.

Через некоторое время Сева отвел Витю в свободную родительскую комнату. Давно нужно было с ним поговорить. Витя тренировал «качков», а значит, если и не имел влияния на мафию, то хотя бы разбирался в этом вопросе.

Пока Сева описывал ситуацию, Витя мрачнел на глазах. Он даже, пожалуй, становился не просто встревоженным, а испуганным. Массивному, накачанному, выглядевшему просто-таки угрожающе Виктору испуганное выражение лица определенно не шло. Фамилия Капаев явно произвела на него впечатление. Выслушав Севу, он начал с того, что деньги нужно отдать. Иначе ничего не поможет.

— Даже Кеннеди не убергли. Ты же не можешь нанять охрану, это будет стоить больше твоего долга. А я чем могу помочь? Тем более, я ухожу из школы. Эти тренировки — сплошная самодеятельность. Нужны современные тренажеры, нормальные условия. Словом, я перехожу на другое место. Тут один крупный человек строит фитнес-клуб, берет меня к себе. Кстати, земляк Капаева.

Сказал и, видно было, тут же об этом пожалел.

— Тем более. Поговори с ним, может, в рассрочку...

— Я? С ним?! Только выгонит, и все дела. Для них деньги и долги — священная корова. А я уже уволился из школы...

Оба почувствовали себя неловко. Не глядя друг на друга, вернулись к столу, где все уже собирались расходиться по домам.

Микроавтобус ждал у подъезда. Упитанный майор милиции мог спать спокойно. Гости сегодня доберутся домой благополучно.

Эффект домино (продолжение)

В пятницу неутомимые Марина и Наташа ушли исполнять свои служебные и школьные обязанности, а Сева с чистой совестью отсыпался до одиннадцати часов. Планы прекрасно осуществлялись без его участия, хотя и под его моральным руководством. Он решил пока не думать о дальнейшей борьбе за квартиру, во всяком случае, до отъезда девочек в Киев. И был далеко не уверен, что на этом новости закончились. Что-то еще должно произойти.

К двум часам он зашел в школу за Наташей — еще вчера об этом предупредил Марину. Повел дочку в зоопарк, что было обещано давным-давно. Остановили то ли такси, то ли частника — нынче их различить стало практически невозможно. Все одинаково ободранные и пыльные. Впрочем, есть отличие — таксисты более нахальные и берут дороже. Потом пообедали в кафе, довольно неплохо и недешево. Сева не жадничал — при таких долгах какие-то несколько долларов казались мелочью. Наташа смотрела на этот купеческий размах широко открытыми глазами. Папа вел себя почти так, как мама по понедельникам.

– Папа, ты очень разбогател?

– Нет, Наташка, я очень обеднел. А крайности сходятся.

Потом пошли на берег моря, в городской парк. Посидели на бетонных плитах в двух шагах от еле плещущегося прибоя. Солнце близилось к закату, вода голубовато-серебристая. Ни ветерка. Сева проявил свои знания:

– Если сейчас, на закате, полное безветрие, значит, завтра погода испортится.

– Хорошо, что мы пришли вовремя. Сегодня.

Чудесный день принес сюрприз и дома – когда они вернулись, на кухне уже хозяйничала Марина. Она приготовила некогда их любимое лакомство – сосиски с капустой. Ей когда-то это блюдо очень удавалось. Кроме того, Марина незадолго до их прихода разговаривала по телефону с Линой. Аркадию Борисовичу в больнице уже – ну и темпы – сделали основные обследования и ничего опасного не нашли. Сказали, что все будет «беседер». Это слово знали и Марина, и Наташа, и, разумеется, Сева. Пока они снимают номер в гостинице. У всех отлегло от сердца.

На радостях Сева с удовольствием набросился на сосиски с капустой, обильно поливая их кетчупом и приговаривая:

– Давненько я не брал в руки шашек...

После еды поцеловал Марину в щеку – в губы не решился.

– Спасибо, милая.

Марина почему-то очень расстроилась, если бы это был кто-нибудь другой, то его можно было заподозрить в готовности расплакаться.

Потом посмотрели все вместе Наташины мультики. Наташа сидела между ними на диване, как в старые добрые времена. И когда она ушла спать, когда Сева сказал, что, пожалуй, испытает удобную родительскую кровать,

ему показалось, Марина вот-вот предложит: «Почему не у себя?» Нет, показалось.

Прекрасный день и прекрасный вечер. Непонятно только, почему такая тяжесть на сердце...

Оказалось, что Марина взяла на работе отгулы до дня отъезда. До вторника. С самого утра она стирала, собирала вещи в дорогу. Упаковала два чемодана и сумку. И еще одна большая сумка стояла наготове.

– Ты собираешься, как на Северный полюс.

– А что ты хочешь! Две женщины на двадцать дней. Мало ли что понадобится.

Сева не стал в это вникать, с удовольствием валялся в койке и читал. Тоже приговаривая с полным основанием:

– Давненько я не брал в руки шашек.

Действительно, последние годы было не до чтения.

Наташа в два часа ушла к подруге Свете, живущей в соседнем доме, на день рождения.

Марина приготовила чудные пончики, и они доели с ними остатки вчерашней капусты с сосисками, которые, казалось, стали еще вкуснее. Сева открыл бутылку вина из маминых запасов. Часам к семи пришла Наташа.

– Ну и гуляка.

Сил у нее уже не было. Глаза слипались. В восемь часов она отправилась спать.

– Наташенька, мы с папой пойдем в ресторан. Придем не поздно. Хорошо?

– Конечно, мама.

– Я папу пригласила, – это больше было сказано для Севы.

«Ну вот, вот и привет от Федора Михайловича, – уверенно подумал он. – Значит, еще не все новости, я был прав».

Они молча переоделись, молча спустились вниз. Изображать увеселительную прогулку не стали. Сева понял,

почему разговор должен состояться на нейтральной территории — значит, будут основания кричать, бить посуду и травмировать психику ребенка.

— Техника безопасности, — ухмыльнулся он.

Марина промолчала. Она остановила какую-то машину, назвала адрес. По иронии судьбы это оказалось то самое кафе при гостинице, где у Севы недавно состоялось свидание с Людой. Что-то в последнее время ему в этом кафе не везло. И не только в кафе...

Они заняли столик в углу, Марина заказала Севе коньяк, себе бокал сухого вина — для приличия — и мороженое.

Молчание затягивалось. Сказать то, что собиралась Марина, оказалось не просто. Впервые за последние два года она внимательно всматривалась в лицо мужа, когда-то очень знакомое. За последние годы он изменился. Не то чтобы постарел, а возмужал. В начале их совместной жизни, до перестройки, у него было очень благополучное лицо. А ведь не зря говорят, — думала Марина, — что шрамы украшают мужчину. Вместо шрамов появились морщины на переносице, немного в углах глаз, две довольно четкие на лбу. Еще одна новая черта — хмурить задумчиво брови. И — этого тоже не было раньше — манера иронически еле заметно улыбаться. А какой след оставило на нем долгое невезение? Появились ли в его облике затравленность, озлобленность, неуверенность? Пожалуй, нет, решила она. Разве что настороженность, скептицизм, ирония. Средства самозащиты в новых обстоятельствах. Марина призналась себе, что это новое лицо ей определенно нравится. Почему она раньше всех этих изменений не замечала?

Она не думала, что настолько тяжело будет начинать разговор. И самое главное — возникли сомнения, что этот разговор нужен. Это будет означать, что всю оставшуюся жизнь ей придется обходиться без него. Готова ли она?..

Сева пришел ей на помощь. Он поднял рюмку.

– Приступим? Марина, давай я за тебя начну?

Она согласно кивнула головой. Сева выпил и на выдохе продолжил:

– Я не спорю, ты оказалась хорошим работником. Но ведь этого никто не знал, когда наняли тебя сразу на должность заведующей большим отделом с большой зарплатой. Федор Михайлович не похож на благодетеля. Скажу прямо, я, и не я один, считаем, что это мне стоило кое-каких украшений на лбу. Ты права, давно нужно было об этом поговорить. Надеюсь, после такого вступления тебе будет легче продолжать.

Да, теперь Марине отступить некуда. Все равно объяснений не избежать. Особенно после такого начала.

– Ты прав. Примерно так все и было. Только в имени ты ошибся. Это был Павел.

Как ни готовился Сева к разговору, как ни рассчитывал провести его спокойно и с достоинством, но Марина его огорошила. О Павле он как-то забыл, не включил его в список подозреваемых. Хотя сейчас и сам удивлялся своей наивности. Считал, что это пройденный этап?

Марина не без усилия продолжила:

– Это было два года тому назад...

Она хотела сказать: «И всего несколько раз», но поняла, как это пошло прозвучит – «несколько раз».

– И продолжалось очень недолго, – так не намного, но все-таки приличнее.

Вместо ответа он заказал еще порцию коньяка.

– Сопьешься тут с вами.

И замолчал, переваривая услышанное. Он не знал, как реагировать. К Федору Михайловичу он морально подготовился, Павел застал его врасплох... Заноза вошла глубоко в сердце, но, как бывает при шоке, – боли и даже обиды он не испытывал, все это придет потом. Осталось какое-то скептически-ироническое чувство по отношению

к себе, к Марине, ко всей ситуации. И почти суеверное удивление перед продолжающейся «автоматической оптимизацией процессов».

Сам по себе ход мыслей Севы был правильным. Новая успешная работа жены стоила ему ветвистых рогов. Человечка с улицы на хлебное — с маслом — место так просто не берут. Оказывается, это был Павел...

Да, не случайно Марина попала в магазин Федора Михайловича. Настойчивая рекомендация Самосенко, владельца помещения, одного из наиболее богатых и влиятельных людей в Городе, уважаемого друга хозяина, была не просто заботой о землячке. Переспала Марина с Павлом несколько раз. И не сомневалась, что нет в этом трагедии. Не был Павел ей настолько противен, чтобы насиловать себя, скорее симпатичен. Да и поблекший ореол ее мужа больше не мешал чувствовать себя свободной и независимой. Была еще одна причина, сделавшая этот временный адюльтер безболезненным. Впрочем, пока об этом говорить нет смысла.

Но дело не только в этом. Марина все-таки была из другого поколения, и в ее окружении, среди подруг и друзей, ко многим вещам относилась иначе и намного проще, чем это казалось Севе, пожинаящему плоды «устаревшего воспитания». В общем-то, для них верность мужу не была священной коровой, и случайную связь она, как и все ее подруги, не считала из ряда вон выходящим ужасным преступлением. Ничего от нее не отпало.

Отношение Павла к этому событию — если можно назвать его таким громким словом — было еще проще. Его в свое время — десять лет тому назад — немного задело, что местному Казанове предпочли преуспевающего начальника. Павел, правда, не был похож на человека, который долго будет расстраиваться от неудачи, но готов был при случае потребовать сатисфакцию, разумеется,

у Марины. А когда этот случай настал, он удовлетворился самым фактом восстановления справедливости, и вскоре они просто остались в хороших отношениях. Тем, с кем Павел был близок, — имя легион, и Марина оказалась в их числе. Впрочем, она на большее не претендовала и с удовольствием приняла его помощь, как, собственно говоря, и подразумевалось вначале. Ни тот, ни другой вроде бы не считал это чрезмерным цинизмом. Дело житейское. Ты — мне, я — тебе.

«Между прочим, — напоминала она себе в оправдание, возвращаясь после свиданий с Павлом домой, — Сева тоже встречался больше года с чужой женой».

Не стоит думать, что Марина вышла замуж из расчета, ничего подобного. Сева ей не просто нравился, она любила его, хотя сейчас уже не была в этом уверена. Да и почему бы его в то время не полюбить — молодого, преуспевающего, симпатичного? А сейчас он уже не такой молодой, не такой симпатичный. Трудно его сравнивать с отлично сохранившимся, свежим как огурчик Павлом. А уж то, что не преуспевающий, видно издали. Однако следует признать, Марина сознавала, что Сева все-таки был личностью, хоть и потерпевшей поражение, а Павел был очевиден и предсказуем — любовь к жизни через любовь к себе. Но из внутреннего содержания каши не сварить.

Было у нее еще одно полусознанное самооправдание. Любовь — если она была — растаяла, но ревность осталась. Эти чувства далеко не всегда друг с другом связаны. В какой-то мере Марина мстила мужу, она чувствовала, что Люда до сих пор не только время от времени появляется в его воспоминаниях, но в чем-то в этом заочном соревновании побеждает. В постоянстве Люды Марина почему-то не сомневалась. По странной женской логике Сева и в этом был виноват. И теперь ей казалось, они с Севой сравнялись в осознании невысказанной вслух вины.

Словом, так или иначе, история появления в магазине Федора Михайловича больших угрызений совести у Марины не вызывала. Сложности заключались в другом. Ее волновало продолжение этой дороги успеха. Марине понравилась новая работа, новый образ жизни. В отличие от ее положения на заводе, в салоне она по-настоящему оказалась нужна. Это было время, когда все процессы, по сравнению с советским периодом, происходили очень быстро и интенсивно, времени на раскачку не было. Либо вверх, либо вниз. Марина в короткие сроки стала неформальным лидером, и только от нее зависело, стать ли лидером официальным. Всем в салоне было ясно, что владелец Федор Михайлович Потапов готов сделать ей любые, самые серьезные предложения. И сделать их не только по зову сердца (или по зову секса), но и по соображениям выгоды. Такое прочнейшее сочетание интересов.

Выдержанность, тактичность и воспитанность Марины, которые мы уже отмечали, все это составляло только часть ее достоинств как работника. Внешность была для покупателей примером, достойным подражания. Но не менее важными для новой роли Марины оказались ее активность и предприимчивость. Например, первая в Городе она организовала ежемесячный показ мод, причем модели демонстрировали ту одежду, которая продавалась в магазине. Кстати сказать, в том числе — и нижнее белье, а это вызывало особый интерес.

На связи с иностранными поставщиками тоже была Марина. Вкус хозяина далеко не соответствовал его финансовым возможностям, это сознавали и он сам, и все окружающие. Марина была ему крайне необходима. А ей стала необходима ее работа и все, с нею связанное. Это была иная жизнь. Красивая обстановка, веселые и преуспевающие люди, фуршеты, тусовка.

Напрасно так долго Сева скрежетал зубами при одном упоминании Федора Михайловича. Откровенные

ухаживания босса были пока не опасны. Желания идти с ним на сближение у Марины не было, не было пока и необходимости в этом. Она сознавала, что никуда Федор Михайлович не денется. Тем более, что салон и торговый комплекс в Киеве были, в сущности, рассчитаны на ее возможности. Она должна была стать лицом и одновременно мотором нового, самого крупного детища Федора Михайловича. Название комплекса говорило само за себя — «У Марины». Да и не так просто найти понимающего менеджера в этой специфической отрасли. Но теперь она должна была больше проводить времени в Киеве, чем в Городе, а еще лучше было бы вообще туда переехать. Это был серьезный профессиональный и финансовый трамплин. Переход в другое качество.

Но как сочетать все это с семейной жизнью в доме Фроловых? Практически невозможно. Нужно было решаться на разрыв, и сделать это было непросто. Ее пугали предстоящие объяснения с Наташей, которая душой и телом была Фроловой, еще больше расстраивало неизбежное презрительное молчание по-настоящему уважаемой ею свекрови. Сева, как вы, наверно, уже заметили, в этом перечне проблем был последним. С отставленными мужьями так обычно и бывает.

Но вот свекровь уехала в Израиль. Пора было разрешать застарелый конфликт.

Марина решила пойти дипломатичный ход. Она расскажет Севе о своей измене с Павлом, после чего у него не будет другого выхода, кроме развода. Так будет менее болезненно для него, так он сможет сохранить лицо. Ему она добровольно предоставляла роль якобы инициатора грядущего официального расторжения брака. Хотя вряд ли это кого-нибудь обманет, но уколы Севиного самолюбия, пожалуй, смягчит. Хуже будет, если он из любви к Наташе согласится это стерпеть. Нет, вроде бы не должен.

Но Марина даже представить себе не могла, с какой легкостью Сева даст ей полную свободу. Ей и Наташе. Это уже было обидно...

А Сева, выпив еще одну рюмку коньяка, окончательно утвердился в мысли, что нужно продолжать плыть по течению. Сейчас они словно поменялись привычными ролями – Марина явно нервничала, комкала салфетку, красные пятна на щеках пробивались через макияж. Сева внешне был совершенно спокоен. Ровным голосом он спросил:

– Вы уезжаете во вторник?

– Да.

– Чемоданы, сумки... Понятно. Ты собираешься оставаться в Киеве?

Марина растерянно сказала:

– У меня с Потаповым договор на полгода. Нужно поднять новый комплекс... Я не к тому, что...

– Не будем ходить вокруг да около. В понедельник подадим заявление о разводе. Ты этого хочешь?

Она этого хотела. Но почему-то, удивляясь себе, ответила:

– Нет, я собственно хотела, чтобы мы за это время подумали. Так рубить сплеча... Давай поживем пока отдельно...

– А тогда, почему ты мне сообщила эти дела давно минувших дней?

– Ты сам спросил об этом...

Сева отметил про себя, что она даже не попросила прощения за измену. Это было не случайно. В сущности, она не считала себя виноватой. Или очень виноватой.

Еще решительней он сказал:

– Хорошо, поживем отдельно. Но заявление подадим, оно не помешает.

В разговоре с Капаевым оно действительно может пригодиться.

Тут уже Марина не выдержала. Оказывается, Сева даже доволен таким поворотом дела! И она не удержалась от выпада:

– Куда ты так торопишься? У тебя есть варианты? Насколько я понимаю, Людмила от мужа не уйдет.

Тут и Сева вспылал:

– Да, Люда от мужа не уйдет. И меня бы она не оставила в тяжелом положении, она не такая...

Он сдержался, замолчал, потом сказал:

– Марина, давай не будем опускаться ниже... – он подыскивал приличное слово, – ватерлинии.

Окончание разговора прошло вежливо и сухо. Решили пока Наташе ничего не говорить и при первой возможности отправить ее к бабушке. Сева провожать их на вокзал не пойдет, сославшись на работу. Даже не смотря на то, что Федор Михайлович с ними не едет, – он уже в Киеве.

Так же вежливо и сухо Марина сказала, что в ее договоре с Потаповым есть официальный пункт – он обязуется обеспечить Сева серьезную, неплохо оплачиваемую работу. Сева пытался что-то сказать, но она его перебила:

– Это не его одолжение, это мое условие. Они в Городе могут все. Я надеюсь, у тебя хватит ума не устраивать детский сад.

Сева промолчал. Нужно было хотя бы сказать спасибо, но язык не поворачивался.

С чем и отправились домой. Настроение у каждого из них после столь корректно проведенного разговора становилось с каждой минутой все хуже и хуже. В понедельник молча отправились подавать заявление о разводе. Странно, но даже у совершенно разлюбивших друг друга супругов этот акт вызывает сильнейший стресс. Тем более Сева с Мариной еще ни в чем не были окончательно уверены, поэтому им казалось, они хоронят что-то очень важное, что было в прошлой жизни. И сразу после

подписания заявления, не сказав друг другу ни слова, они разбежались в разные стороны.

В день отъезда стало совсем невмоготу. Сева с утра ушел на завод. Марина явно проявила слабость и до последней минуты из окна спального вагона смотрела на перрон, надеясь на появление Севы. А когда поезд тронулся, то даже немного всплакнула, и — галлюцинация — за столбом и решеткой перрона ей привиделся силуэт Севы.

Это не было галлюцинацией. Сева пришел на вокзал, прятался, как мальчишка, за столбом. И ему тоже было очень стыдно за свое малодушие.

Бывают ситуации, когда взрослые и серьезные люди ведут себя как дети. Марина от себя ничего похожего не ожидала. Туда ли несет ее течение?..

Но когда поезд подъезжал к Киеву, она целиком и полностью мысленно окунулась в будущую сложную и интересную работу. Наташа приклеилась к окну и жадно впитывала новые впечатления. А сколько их будет в Киеве, потом в Израиле! Какая замечательная жизнь ожидает ее этим летом!

Вперед, только вперед!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВИШНЕВЫЙ САД

— А знаешь, Тюля, история действительно повторяется. Хотя и в виде фарса. Вся наша прошлая жизнь — вишневый сад. Напрасно мы хотим ее удержать. Наша квартира — тоже вишневый сад. И три дружных поколения, живущих в ней, тоже. А нынешний Лопахин — это Капаев. В виде фарса.

— Лопахин? — Тюля вспоминал, кто такой Лопахин. Зато Капаева он помнил отлично.

— А знаешь, кто старый Фирс? Которого забыли? Это я. Тюля даже рассердился.

— Кончай ныть. Ты не старый, не больной. Хватит себя жалеть.

Это тенденция

После сцены на вокзале Сева вернулся домой в очень тяжелом настроении. Будущее казалось беспросветным. Мир становился все более коварным и несправедливым. Часам к восьми подошел, как и ожидалось, Тюля,

принес бутылку красного сухого. Не для того чтобы выпить, а для оформления философской беседы.

Сева сообщил то, что Тюля и сам знал. Мол, уехали в Киев, пока дней на двадцать, а там видно будет. У Марины там очень серьезная работа. О беседе в кафе и о Павле ни слова. И не потому, что стыдился признать себя рогоносцем, а скорее не хотел обсуждать Марину даже с близким другом.

А близкий друг вместо утешения, понизив голос, предложил:

— Сева, у меня есть тайные накопления, неизвестные моему церберу. Три с половиной куса зелени. Где я их прячу, открыть тебе не могу, ты лопнешь от смеха. Я в любой момент могу тебе их дать, только свистни. И договорился в одном месте перехватить на год еще тысячу. Так что на четыре с половиной можешь рассчитывать смело. В любой момент.

Сева ясно представлял, каких трудов стоило Тюле скопить это «богатство» под всевидящим оком его супруги. Тем более сейчас они только начинали работу в кооперативе. Тюля собирал не на «девочек», те времена давно прошли. Это была подстраховка на случай неудач на новом поприще. Но Тюля не колебался. Он предложил деньги совершенно естественно — а как, мол, может быть иначе?

Конечно, сама сумма Севу не спасала, и он ничего у Тюли брать не собирался. Но как необходимо было ему услышать от друга в самое тяжелое время это предложение. Цены им не было, предложению и другу. Примерно такими словами расчувствовавшийся Сева и высказал свою благодарность. Бедный Тюля даже смутился...

— На моем месте так поступил бы каждый.

Сева шутки не принял:

— Не каждый. Не каждый.

Можно считать, что именно с этого момента Сева пошел на поправку. Он приободрился и сообщил Тюле,

что течение жизни, которое его подхватило, временами оказывается слишком быстрым, с водоворотами и даже водопадами. Однако полный развал произошел только года три тому назад, а три года на то, чтобы заново родиться, это не срок.

Словом, лег спать Сева с убеждением — «все, что ни делается, все к лучшему». Свежая мысль!

И уже на следующее утро все казалось не таким унылым и безнадежным. Сева заметно приободрился. Он по-настоящему устал от сочувствия, внимания, осуждения и т. д., в центре которых оказался последние три-четыре года. И внезапно осознал себя свободным. Ничего страшного не произошло. Руки целы, ноги целы, голова, кажется, еще на месте. Тюля прав, ныть не стоит. И в конце концов сама Марина предложила ему считать себя не в разводе, а в отпуске на полгода. А там, как известно, или шах, или осел... или еще что-нибудь произойдет. Мало того, ему удалось почти не чувствовать — может, временно — горечи при мысли о ее измене. Все-таки он нечто подобное давно подозревал, и это амортизировало удар. Тем более Павел это только эпизод, Федор Михайлович куда противнее, и, в отличие от Павла, имеет виды на Марину. Было бы еще хуже...

Может показаться, что переход слишком резкий. Но не забывайте — период сомнений, колебаний, зависимости от обстоятельств и окружающих у Севы слишком затянулся.

Этот день он снова объявил выходным и посвятил обустройству квартиры под нужды одинокого холостяка. Прежде всего встал вопрос, как убирать эту махину. Как готовить еду, как стирать белье. Сева до сих пор умудрялся избегать этих обычных для простых людей забот. Так ему в предыдущей жизни везло.

Все нужные ему вещи он перенес в родительскую спальню, где был большой шкаф, комод для постельного белья,

книжные полки, телевизор и даже видеомэгнофон. Что еще нужно для полного счастья? Затем, распевая «домашним баритоном» арию тореадора из «Кармен», которую считал коронной в своем репертуаре, запер три остальные комнаты и ключи сунул в какой-то ящик. Потом провел пальцем по комоду и решил, что можно будет еще неделю не убирать. Полдела было сделано. Дальше он перешел в кухню. Там предусмотрительная мама оставила немного консервов — на черный день. А совестливая Марина загрузила холодильник отнюдь не дешевыми и «долгоиграющими», как принято было острить в Городе, продуктами. Недели две-три можно продержаться запросто, не выходя из квартиры.

Только неизбежное одиночество пугало его. И, как оказалось, напрасно. Одиночество — во всяком случае в квартире — ему не грозило...

Перед сном он еще раз проанализировал ситуацию. Течение жизни подхватило его и не оставляло никаких вариантов, кроме одного — доверенность давала возможность заложить квартиру на вполне законном юридическом основании. Может быть, это не стопроцентно моральное решение, но подсознание, кроме брезгливой мины, ничего путного не предлагало, а потому Сева решил придушить его на корню. И почти добился своего. Пора было с удвоением заканчивать. Не до жиру, быть бы живу.

Он составил четкий план на завтра — связаться с Малых и заняться получением ссуды в банке. Раз принято решение отдать в залог квартиру, дело не должно было быть слишком сложным. Вот возвращать долг будет не просто, но он решил пока об этом не думать и бороться с неприятностями по мере их поступления.

Новый день начался по намеченному расписанию. Сева встал в полвосьмого, сделал зарядку с гантелями — последние месяцы он делал это только от случая к случаю,

надо исправляться. Затем душ. Потом завтрак: бутерброд с колбасой – спасибо Марине, кофе со сгущенкой – спасибо маме. Потом позвонил Леше Малых, хотя понимал, что вряд ли он, а тем более секретарша, чуть свет сидят на рабочем месте – еще не было девяти. Ан нет, трудовик Малых взял трубку. Сева пытался ему что-то объяснить, оправдаться, но Леша вежливо перебил:

– Я в курсе дела, Людмила Сергеевна мне все объяснила.

Осталось только назначить свидание, двенадцать часов в его офисе.

Только Сева положил трубку, раздался требовательный звонок в дверь. Кто бы это мог быть? Оказался собственной персоной Капаев. Но другой Капаев, не тот, которого Сева знал раньше. Куда подевались его показные добродушие и непробиваемость. Самодовольный серебряный блеск его улыбки превратился в металлический, сама улыбка в оскал, глазки – в щелочки. Сейчас он был похож на хищника, каковым по существу и являлся.

– Приличные люди в гости без телефонного звонка не ходят.

– Я не знаю, что такое приличный или неприличный. Я знаю, что такое честный человек, который свое слово держит.

Он бесцеремонно прошел в коридор и проскрипел:

– Ладно, поговорить надо.

Сева пока сохранял спокойствие. Еле сдерживаемая озлобленность Капаева на него впечатления не произвела. Капаев зашел в кухню, с одобрением осмотрел все вокруг и резко повернулся к Севе.

– Ты думаешь, самый умный? Маму отправил в Израиль, жену с дочкой в Киев, и концы в воду? Я всех из-под земли достану.

Это было слишком. Сева стал терять терпение.

– Ты специально приехал, чтобы меня пугать?

— Ха! Я по таким делам не езжу. У меня есть кого послать. Я сам квартиру хотел посмотреть. Неплохо, совсем неплохо.

И он плотоядно потер руки.

— Так вот на что ты нацелился? Кишка тонка.

Сева надвинулся на Капаева, он был раза в два крупнее этого довольно-таки мелкого, хоть и жилистого хищника. Тот невольно попятился, но злости в его глазах добавилось.

— Чего тонка? А-а-а, ну ладно. Это мы посмотрим.

— И смотреть нечего. Ты почему меня дергаешь? Деньги я тебе отдам. И не пугай. Никого ты не тронешь.

— Ты так уверен? Киев вот он, рукой подать. По понятиям у меня есть все права...

Теперь у Севы от злости в глазах потемнело.

— Не по зубам они тебе. Мы с женой разошлись...

— Ха, они разошлись!..

— И я тебе объясню тоже «по понятиям», раз ты по-русски не понимаешь. Они теперь под охраной Самосенко и Потапова. Знаешь таких? Чуть что, они тебя по стенке размажут, мокрого места не оставят. Понял? Мелок ты для них. Размером не вышел.

Последнюю фразу Севы произнес буквально сверху вниз. Капаев побелел, казалось, взрыв неизбежен. Но спустя мгновение усилием воли он взял себя в руки и даже стал выше ростом. Прежним, спокойным и уверенным голосом, насмешливо улыбаясь, сказал:

— Ладно. Я жду до конца срока. Слово свое знаю. Осталось восемь дней. Если ты деньги в срок не отдашь, я кровью умоюсь, а свое право докажу. Никого не побоюсь. Ты это запомни...

Видно было, как он мысленно ищет что-нибудь очень оскорбительное под занавес. И наконец нашел.

— Интеллигент сраный.

Отодвинул Севу движением руки и неторопливо вышел. Даже дверью не хлопнул.

А Сева понял, что в одном лице с неумолимым ростовщиком он нажил себе кровника по закону гор.

Нужно было срочно добывать деньги. Опаздывать с выплатой не рекомендовалось.

Леша Малых встретил Севу на своем рабочем месте и во всеоружии — перед ним был компьютер, а на столе уже лежало оформленное новое соглашение: «С одной стороны и с другой стороны». Щеки его были все такие же розовые и упитанные, вид уверенный и деловитый. И объяснять ничего не пришлось, вы уже догадываетесь, по какой причине — Людмила Сергеевна ему все рассказала. Сейчас нужно взять заем на наиболее выгодных условиях под залог квартиры.

На соседнем столе секретарши никаких видимых изменений не произошло. Сева с раскаянием подумал, что если все клиенты будут рассчитываться с молодым адвокатом, как он, то секретарша никогда так и не подаст признаков жизни. Он полез в карман и вынул заранее отсчитанные две тысячи долларов. Леша тщательно пересчитал их и тысячу вернул Севе.

— Всеволод Алексеевич, предыдущая история так и не научила вас, что за еще невыполненную работу нужно платить только аванс? Людмила Сергеевна...

Сева от этого уже стал уставать.

— Но есть одна вещь, которую еще не знает даже Людмила Сергеевна. Деньги должны быть у меня на руках максимум через неделю.

— А зачем такая спешка? Это наверняка ухудшит условия ссуды и вызовет ненужные подозрения.

И Сева со вздохом признался:

— Через неделю кончается срок договора с Капаевым. А я наступил ему на любимую мозоль. Задел его, извините за выражение, честь. И если мы опоздаем, то Капаев наверняка пойдет в разнос. Говорят, он беспределщик.

Леша огорченно покачал головой.

— Всеволод Алексеевич, зачем вы себе создаете трудности? У вас их и без того хватает. Он действительно беспредельщик. Ну что ж, придется попробовать.

Сева вынул из папки необходимые, по его мнению, документы для оформления ссуды. И на этот раз не подкачал, принес все, что нужно.

Адвокат развернул заранее подготовленный список банков. Они разделили список на две равные части. Малых предложил Севе наименее сговорчивые банки, разумно полагая, что тот может испортить самое перспективное мероприятие. В таланты бизнесмена Фролова он не верил.

Всего три дня понадобилось им для того, чтобы убедиться — недельные сроки нереальны. Банкам нужно было послать оценщика, проверить документы на квартиру, вынести решение и еще соблюсти много всяких условий. Чем настойчивее просили сократить сроки выдачи денег, тем больше вызывали сомнений. Раз торопятся, значит, что-то нечисто. А тем более владелица за границей, доверенность дело хорошее, но... В те времена — впрочем, как и сейчас, — банки исходили из основного принципа: честных клиентов не бывает.

Эти три дня прошли в сплошном угаре. И вовсе не нужна была еще одна неприятность, которая свалилась как снег на голову.

Шел второй день хождений по банкам. Или по мукам, что в данном случае почти одно и то же. Надежда еще оставалась, хотя таяла с каждым часом. Сева торопился в «Финбанк», офис которого размещался внутри длинного сквозного двора в центре Города. Этот двор был богато украшен давно не чищенными фресками, витражами; амур и венера на горельефах лукаво улыбались из-под толстых серых париков многолетней пыли, позолота слегка проглядывала то там, то здесь, не в силах пробить почти

геологические наслоения. По обе стороны тянулись многочисленные небольшие магазины, конторы, кафе, и в их числе пользующаяся двусмысленной славой гостиница «Уютная». Демократия позволила ей стать не слишком уютным, вопреки названию, но зато надежным прибежищем для кратковременных свиданий внесемейных пар. Номера сдавались на час, на два, на сутки — и без удостоверений личности. Стоило это все-таки недешево, и, блюдя имидж в коммерческих целях, несолидных людей туда не пускали.

Сева торопливо проходил мимо входа в гостиницу. В этот момент открылась дверь, и из нее вышла Вера Тюлькина в сопровождении ее бывшего и будущего босса Ханаева, еще бодрого мужичка лет шестидесяти плюс на полголовы ниже своей спутницы. Вера пыталась вернуть на место скособочившуюся юбку и со словами: «Ну и номер ты снял, Миша, даже без зеркала...» — столкнулась нос к носу с Севой. Оба мгновенно испытали желание провалиться сквозь землю. Сева пробормотал: «Здравствуйте, извините, ни секунды...» — и скрылся за ближайшей дверью, которая, к счастью, оказалась входом в банк. Перевел дух, вытер пот со лба. Уверяю вас, он был огорчен этой встречей не намного меньше, чем виновница торжества Вера.

«Да, — подумал он, — инвестицию получить, это вам не ишака купить. Впрочем, как и хорошее рабочее место. Только нам с Тюлей на таких условиях красавицы почему-то ничего не предлагают. А мы бы, пожалуй, согласились».

Попытки острить не помогли. На душе стало пакостно. Но к чести Севы, у него даже не мелькнула мысль поделиться с Тюлей своим открытием. Просто он понял, что одним дружеским семейным очагом у него стало меньше.

Долго в одиночестве переживать это неприятное событие Севе не пришлось. В тот же день у него появился компаньон.

В десять часов вечера прибыл Тюля. Из подмышек у него торчали две бутылки водки, а в руке красовалось

кольцо колбасы. Это была настолько экстравагантная картина, что Сева понял – Тюле стало все известно. Но как, каким образом?

Тюля посмотрел на него почти презрительно и спросил:

– Ты мне ничего не хочешь сказать?

– Это в каком смысле? – заюлил Сева.

– А еще друг называется. Ладно, давай стаканы.

Судя по ударению на последнем слог в слове «стаканы», Тюля уже где-то по дороге причастился.

За распитием Тюля, перепрыгивая с пятого на десятое и опять возвращаясь к пропущенному, в конце концов рассказал все, ничего не утаил.

Я эту историю перескажу как можно ближе к Тюлиному изложению, но постараюсь связно и покороче, иначе вы не разберетесь.

Оказывается, Вера не сомневалась, что Сева все расскажет Тюле о встрече у гостиницы «Уютная» – «думала, что ты настоящий друг». Она решила его опередить и выдать какую-нибудь оправдательную версию. Но как всякая бой-баба, Вера оказалась не способна на убедительные хитрости и посредине какой-то шитой белыми нитками истории разревелась и раскололась.

В общем-то, все было не так просто. Недомерок Ханав – отнюдь не гигант Тюля с удовольствием выговаривал это определение – оказался тем еще хмырем. Он дал согласие на кооператив без всяких намеков на натуроплату. Вера затратила уйму сил и даже денег, собрала неплохих специалистов, проела ему, Тюле, плешь, выбирая оборудование и материалы, потому что сама в этом деле некопенгаген, уже связалась с фирмами, заказала – за зелень между прочим – смету. И вот тогда этот хмырь-недомерок напрямую заявил: «Не дашь, не получишь». И он не просто брал ее на пушку. Там очередь на эту площадь стоит. Центр, новое здание. Ничем он не рискует и ничего пока в кооператив не вложил. Да, так и сказал: «Не дашь, не получишь».

Вера сдалась.

Ревела она страшно. То каялась, то нападала. Припомнила Тюле всех школьниц (когда это было!), а потом опять каялась. Дети сидели тихо в соседней комнате, старшей пятнадцать, все соображает. Словом, не дай бог... Пришлось Тюле чуть ли не утешать жену, во всяком случае, успокаивать.

— А кто меня утешит, хотел бы я знать?

Это была уже третья рюмка, и Сева мрачно сказал:

— Я. Я утешу.

И рассказал о Павле.

И что интересно — помогло. Тюля не то чтобы обрадовался, что не он один такой. Это было не в его характере. Он отвлекся на сочувствие Севе. Он всегда готов был сочувствовать.

— Да, тебе обидней. Ты Маринке не изменял.

Дальше беседа потеряла стройность и последовательность. Отметить можно только одну мысль, которую, кажется, высказал Тюля, а продолжил Сева. Или наоборот. Уже не помню.

— Да, мы тоже трахались, но ведь не ради выгоды.

— Постой, постой, выходит, без выгоды можно, а с выгодой нельзя? Это несовременно. Отсталая точка зрения. Какая основная идея капитализма?

— Ну?

— Ничего нельзя делать за так. В том числе и трахаться. Выходит, дело не в нас с тобой. Это тенденция.

— Тенденция? Уже легче...

Тюля остался ночевать, для чего Сева открыл бывшую свою семейную спальню. Оба себя чувствовали несправедливо обиженными. И несовременными.

На следующее утро невыспавшийся и хмурый Тюля попросил политического убежища на несколько дней. До выяснения своей дальнейшей семейной судьбы.

— О чем речь, хоть на всю оставшуюся жизнь.

Судя по кривой улыбке, Тюля именно этого и боялся...

— Всеволод Алексеевич, это все глюки, — во время их следующей встречи сказал Леша. — За четыре дня мы денег не получим. Будет полный облом. Мы уже все банки распугали. Нужно или назначить разумный срок, или что-то предпринять. Иначе через четыре дня вам Капаев весь кайф обломает.

— Леша, какой там кайф. Знать бы, что делать...

Было абсолютно ясно, что денег в срок не будет. Положиться на здравый смысл этого психа Капаева, у которого задето самое дорогое — после денег — честь? Если бы речь шла только о собственной безопасности, Сева махнул бы на все рукой. Но Наташа и Марина...

Вечером, когда Тюля закончил очередной нелегкий двухчасовой разговор по телефону со своим семейством, состоялся военный совет. Сева нервно ходил из угла в угол. Опять кризис. Выйдет он когда-нибудь живым и здоровым из этого порочного круга? Стоило ему ступить на тропу бизнеса (если можно так назвать Севины потуги), как цепочка неприятностей практически не прерывалась.

На этот раз Тюля был очень серьезным и сосредоточенным. Он долго обдумывал ситуацию, описанную Севой во всех подробностях. И не мудрствуя лукаво предложил:

— Пора спрятать гонор в карман и идти к директору банка. Он перед тобой в долгу, пусть рассчитывается. Мы же выяснили с тобой, какая теперь при капитализме тенденция. Как раз в тему...

— Ты с ума сошел, — довольно вяло имитировал возмущение Сева. Хотя имя не было названо, он прекрасно понял, о ком идет речь. И еще не дожидаясь Тюлиного совета, сегодня днем узнал на заводе у Верника номер мобильного телефона Павла. — Кстати, он только один из директоров банка. Их там целых три штуки.

Тюля не ответил. Стоило ли попусту тратить слова? Все равно другого выхода не было.

Наступил следующий этап психологической перестройки. Пожалуй, можно назвать его переломным. Сева действительно решил спрятать гонор — или что там у него еще оставалось. Можно представить, чего это ему стоило. Я прекрасно помню, как мне — и наверно, большинству из вас — в те нелегкие времена приходилось преодолевать себя каждый день. Мы решались на поступки, которые еще три года тому назад казались нереальными и унижительными. Ведь именно так и было? А Севе на сей раз пришлось участвовать в какой-то совсем уж бульварной интриге. Бывший любовник жены, едва ли не шантаж... Нарочно не придумаешь!.. Он говорил себе, что если бы не Наташа и Марина, то скорее дал бы себя четвертовать. Эти оправдания его утешали, но не более того. Еще один удар по самолюбию, и, пожалуй, самый оглушительный.

С этого момента его подсознание окончательно лишилось права голоса. Ушло в подполье. Оно только иногда глухо щемило, как ноют старые раны к перемене погоды...

«Как стать миллионером»

Сева позвонил Павлу в десять утра. Раньше не рискнул — кто знает, когда просыпаются эти миллионеры и какой у них распорядок дня. В десять Павел, оказалось, уже не спал.

— Доброе утро. Это говорит Сева Фролов.

— А, привет Сева. Давно тебя не видел. Ну что нового, как дела?

Это было хорошее, нормальное начало. Ведь мог сразу спросить: «У тебя ко мне дело?» А так дал возможность Севе проявлять инициативу.

— Ничего, все более-менее. Помаленьку. Павел, я бы хотел с тобой встретиться. Есть у меня к тебе одна просьба.

Слово «просьба» он заранее решил вставить в начало разговора. Не выслушать просьбу всегда неловко, это не какое-нибудь деловое предложение, от которого можно отказаться заранее. Какие могут быть общие дела у миллионера с голоштанником? А Севе важна именно личная встреча.

— Хорошо, нет проблем. Вот только сегодня я занят.

— Павел, очень срочное дело. Ты уж извини за настырность, но...

Сева с огорчением услышал в своем голосе просительные нотки. Не слишком ли глубоко он засунул гонор?

— Ну, хорошо. Весь день сегодня у меня расписан. А в восемь часов вечера в кафе Потапова намечается кое-какое мероприятие. Ты знаешь это кафе? Рядом с салоном. Там кормилась твоя Марина.

Сева чуть было не поправил его: «Наша Марина», но вовремя прикусил язык. Он учился на ошибках. А Павел продолжал:

— Давай там встретимся в семь. Тебя устроит?

— Вполне.

— Отлично. Нам есть что вспомнить. И о чем поговорить.

— Есть о чем, — поддержал Сева, стараясь, чтобы это не прозвучало угрожающе.

От дома до кафе Потапова было минут пятнадцать неторопливой ходьбы. Сева вышел за полчаса, оставивался у каждого столба. Недалеко от центра буквально в нескольких десятках метров от его улицы был «пяточок любви», так его все в Городе называли. Сева к новой городской достопримечательности уже стал привыкать, хотя поначалу его это немного шокировало. Там едва ли не официально собирались ночные бабочки, оттуда начинались их полеты. Пяточок функционировал допоздна. Подъезжали машины, переговоры велись

с какой-то солидной женщиной, видимо, бандершей. Она была постарше, чем остальные «девочки», но все еще в рабочем состоянии, что время от времени и доказывала, исчезая в машине клиента. Бандерша подзывала к машине кандидаток, те проходили кастинг, победительницы загружались в машину и уезжали. Словом, все было как в каком-нибудь Мюнхене. И даже основательней. «Растем», – подумал Сева.

Преыдушая советская плеяда представительниц древнейшей профессии выглядела неважно. Как правило, слегка потасканны, неубранны и не слишком трезвы. Их бабочками назвать язык не поворачивался. Нынешнее поколение совсем другое дело – молоды, хорошо одеты, вполне современный макияж. И выбор большой. Вот и сейчас, хотя было еще светло, первая группа уже порхала по тротуарам переулка. И что интересно, они не боялись бандитов, и те на них не нападали. Или «девочки» просто не видели разницы между нападением и обычной работой?..

Кафе Потапова вполне можно было назвать рестораном, Федор Михайлович поскромничал. Стиль помещения был светлый, в основном белые и золотистые тона, столы на четыре человека, и вдоль стен – для компаний – на восемь. Сева должен был признать – все сделано со вкусом, не было провинциальщины, которой, увы, часто грешили и до сих пор грешат наши Горожане. Несмотря на экономические трудности большинства жителей, в кафе до глубокой ночи кипела жизнь.

Сева последние года три не часто посещал по вечерам такие заведения. Он обратил внимание, что среди посетителей тоже произошли принципиальные качественные перемены. При социализме в кафе и ресторанах был в основном мужской состав. Сейчас женщин, причем молоденьких и красивых, было значительное большинство.

Пока еще немногие «новые русские» мужчины могли себе позволить подобные заведения, но их там всегда ждала горячая встреча и многочисленные, души в них не чающие, поклонницы.

«Откуда у этих девочек деньги?» — недоумевал Сева.

Сидели они по две, по три за столиками и весело щебетали. Между ними бутылка вина или даже шампанского. Наверно, они привыкали проводить вечера в чистоте и праздничности, дома у большинства была забитая недовольными родственниками неухоженная квартира. Да, время от времени наступала расплата, если не удавалось «продинамить» клиента. Но ведь за все в этой жизни приходится платить.

Павел уже ждал за столиком возле окна. Сева направился к нему, сидевшие неподалеку два спортсмена привстали. Павел усадил их взглядом. Охрана.

Они не виделись уже лет пять. Сева отметил, что Павел совершенно не постарел, все такой же подтянутый и спортивный, та же жизнерадостная улыбка на гладком лице. «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда». Странно, а ведь забот у него наверняка выше крыши.

— Привет, Сева.

— Привет, Павел. Отлично выглядишь. Есть секрет вечной молодости?

— Спорт. Только спорт.

Льстить Севе в ответ он явно не собирался.

Разговор начинался тяжело. Павел налил коньяк в рюмку, стоящую возле Севы, предложил выпить. Без тоста. Его рюмка была почти полной. Выпили. Два-три слова о заводе и институтских ребятах — и замолчали. Инициативу взял на себя Павел.

— Я видел твое заявление на ссуду. Все исчеркано вопросами. Доверенность, мама в Израиле. Как сможет выплачивать, если давно ничего толком не получает? И к чему такая срочность?

Сева заранее решил не темнить и рассказал все как на духу. Включая последний разговор с Капаевым. И что осталось четверо суток сроку. Павел не скрывал своего веселья, но от смеха тактично воздерживался.

– А я тут при чем?

– Но он угрожал Марине и Наташе!

– У Марины есть муж, у Наташи – отец. Ты хочешь, чтобы я за тебя поручился. Какая мне от этого выгода?

– А без выгоды нельзя?

– Я не благотворительная организация. Без выгоды ничего делать нельзя. Какой мне смысл вешать себе на шею тридцать тысяч долларов? Если я всем знакомым начну...

Сева решил пойти ва-банк.

– Это не все знакомые, это Марина.

– Ну, становится интересно...

– Она рассказала, что изменила мне с тобой.

Павел не удивился, и веселье его не оставило.

– Ну Марина дает...

Сева наполнил рюмку, выпил, закусил лимоном. Заметил, что руки дрожат...

– Ты не уходи от ответа.

– Хорошо, не уйду. Еще вопрос, кто кому и с кем изменил.

До Севы доходило долго. Наконец дошло.

– Ты хочешь сказать, что еще до меня вы с ней...

– Я хочу сказать, что пора смотреть на мир реально.

Не все крутится вокруг тебя. Сколько ей было, когда вы поженились. Двадцать четыре?

– Почти.

– Она должна была ждать рыжего принца на белом коне?

– Я шатен, – автоматически возразил Сева.

Он никак не мог прийти в себя.

– Кстати, и я был у нее не первым. Она хорошая девочка, но нормальная и не ханжа. С тебя станется поставить ей это в вину.

Нет, Сева определенно еще не был способен принимать участия в разговоре. Павел некоторое время помолчал. Посмотрел на часы. Потом на Севу. Улучшение не наступило. Тогда Павел решил отвлечь его резкой переменной темы.

— И займись чем-нибудь, что тебе подходит. Не бизнесом. Помнишь, как сказал Жванецкий: «Ты, Федя, пропагандистом в состоянии не быть». Это сказано о тебе.

Помогло. Сева встрепенулся и перестал берeditь свои душевные раны.

— Почему? Если бы не нелепое стечение обстоятельств, я бы сейчас имел семьдесят тысяч долларов. Для начала.

— Не имел бы. Ты все делал неправильно. От начала до конца. Так и должно было кончиться. Начнем с Капаева. Безопаснее было ограбить банк, чем пойти к Капаеву. И надежнее. А все, что ты делал потом, — уму непостижимо. Своими руками дал охранникам деньги на водку. Не хочу тратить время зря, — Павел все чаще смотрел на часы. — Нормальный бизнесмен на твоём месте мог за шесть-семь тысяч отправить станок, везде только авансы, по чуть-чуть, а платить потом. После получения денег. А ты вбухал — сколько?

— Двадцать четыре, — покраснел Сева.

— И без станка. Мировой рекорд. На худой конец мог бы мне сказать, что договорился продать эту рухлядь за сто тысяч, я бы не стал разбираться, какую ты с этим Шварцем аферу придумал. Хотя для меня это мелочь, но мало ли... Я, правда, тебя ободрал бы как липку...

— Ну, вот видишь.

— Зато не позволил бы тебе пустить деньги на ветер. Ты бы вместо минус тридцать тысяч имел бы плюс тридцать. И квартирой бы не торговал. А почему ты тянул с залогом, пока не стало поздно? Вас приучили к двум самым ужасным вещам. Первое — все как-то само образуется. И второе — от меня мало что зависит. С этим

человек не только для бизнеса, но и просто для нормальной жизни не пригоден.

В голосе Павла прорезалось самодовольство.

— Почему-то всем понятно, что не каждый может играть на скрипке. И проектировать не каждый может, кстати. Я, например, даже не пытался. А бизнесменом стать — было бы только желание.

Он опять посмотрел на часы, почему-то расстроился. И скорее всего, под влиянием этого огорчения у него вырвалось:

— Адская работа. Во всех смыслах. Идешь, только косточки под ногами похрустывают — хруст, хруст. Начинаешь думать, что вокруг всех можно купить, а кого нельзя — хруст, хруст...

В сочетании с застывшей улыбкой это произвело жутковатое впечатление. Павел спохватился, улыбка тут же потеплела.

— Оставим фильмы ужасов. Хочешь, я на твоём примере проведу практические занятия? Откровенные, чего обычно не делаю. И тогда ты точно поймешь, почему я стал бизнесменом, а ты нет.

— Ты же сам сказал, что от меня нет никакой пользы.

— Нет, я спросил, какая мне выгода. Спросил, а не сказал. Сева, не было бы выгоды, я бы тут с тобой, — он опять посмотрел на часы, — битый час не сидел. И никакая романтическая чепуха на меня бы не подействовала. Вот тебе первый урок.

— А какая может быть от меня польза? Квартира? Так я ее не продам. Только заложу...

— Слушай и учись. Ты позвонил, и у меня в голове заработал компьютер. Ты загнал себя в угол. Это раз. Из тебя можно сейчас выжать все что угодно. Квартира твоя мне давно нравится. Ты ее все равно содержать не сможешь. Тебе она в нынешней ситуации, извини, как корове черкесское седло.

— Ты не церемонишься.

— Это бизнес, ничего личного. А я хотел бы там жить. Особенно, — он опять огорченно посмотрел на часы, — учитывая мои некоторые личные планы. Я хочу прикупить и верхний этаж, над тобой. Это будет настоящее дворянское гнездо...

— Бабушки Радулеску, — пробубнил Сева. — Неважно, давай дальше. Как ты собираешься ее отнять, не скажешь? По закону гор?

— Ничего я отнимать не буду. Я рассчитываю вероятность. Если банк тебе даст ссуду — на два года, больше мы не даем, — ты через полгода ее не сможешь выплачивать. Полторы тысячи долларов в месяц ты не потянешь. Без Марины. А Марина — рассчитываю я — к тебе не вернется. Квартира уплывет к банку. Почему не ко мне? Тем более, без моей гарантии тебе банк денег не даст. Теперь еще мотай на ус — мне нет смысла сильно тебя прижимать, только в пределах разумного. Не потому, что тебя жалко...

— Упаси бог, и в мыслях такого не было.

— А чтобы с крючка не сорвался. Человек, доведенный до крайности, способен на любую глупость. Я тебе предлагаю, слушай внимательно. Банк даст тебе ссуду на обычных условиях. Мало того, я сам отдам эти деньги Капаеву и обесточу его.

— А взамен?

— Ничего.

— Добрая фея.

— Почти. Все будет зависеть от тебя. Ты будешь выплачивать, если заплатишь — нет проблем. Обычная ссуда на обычных условиях. Но если не сможешь, то квартиру отдаешь не банку, а мне. Все равно отберут. На улице я тебя не выброшу, отдам тебе взамен свою квартиру, ты помнишь ее, район похуже, площадь поменьше, но зато после евроремонта. Для твоего уровня в самый

раз. И добавлю двадцать тысяч долларов сверху. Ты подумай, по сравнению с Капаевым я не изверг, а благодетель.

А ведь похоже на то! Условия не сравнить! Нет, Сева определенно не успевал за Павлом. А в чем же подвох?

– И не строй иллюзий о моей щедрости. У тебя площадь в два с лишним раза больше, район прекрасный, стоимость метра твоей квартиры тоже в два раза больше. Я приобрету ее при всех моих расходах за полцены. Лет через пять она будет стоить полмиллиона. Но ты себя – я говорил – загнал в угол. И будешь продолжать это делать. Сколько ты Капаеву должен?

– Тридцать пять тысяч сто.

– Столько и просишь одолжить?

– Да.

– На первое время у тебя осталось немного?

– Да.

– Есть еще кое-что в твою пользу. Я знаю, что Потапов нашел для тебя приличную работу. Жди, на днях от него позвонят. Так что тебе и флаг в руки. Дерзай. Возьми парочку жильцов, лучше девочек, они аккуратнее и меньше пьют. Могу предложить, – он обвел взглядом зал, без церемоний указал пальцем, – Полину с Машей. Полина аккуратная, но авантюристка. Или вот Катерину. Тоже аккуратная, любит чистоту.

Девочки были выше всяких похвал. Особенно Полина. Мальчишеская стрижка, мальчишеская фигура, хитрющие веселые глазки. Невысокая, стройная, ладная. И все при ней. Лет, пожалуй, под тридцать. Полина заметила, что Сева уставился на нее, и лихо подмигнула.

Сева повернулся к Павлу.

– Это идея. Можно попросить у них номера телефонов на всякий случай?

– На какой такой случай, а?

Улыбка Павла на этот раз была кстати.

Сева покраснел.

— Нет, я насчет съема...

Павел записал два номера на салфетке.

— Ну и память... Постой, ты с ними спал?

— Ох, Сева. Со всеми более-менее симпатичными в этом зале я, как ты говоришь, спал. Ладно, не отвлекайся на мелочи.

— Ничего себе мелочи, — почти с завистью сказал Сева. На такое трудно было не отвлечься...

— Ты лучше подумай о моем предложении. Если согласишься, послезавтра с утра подошли своего адвоката. Впрочем, выбора у тебя действительно нет. Дьявол, полдевятого. Что за человек!

Сева определенно сегодня ничего толком не успевал переварить.

— Ты торопишься? Я тогда пойду. Подумаю.

— Не о тебе речь, — с досадой сказал Павел. И разлил по рюмкам коньяк.

Выпили. Молчание затянулось...

Тем временем Сева уже вошел в кондицию, когда у него появлялось желание продемонстрировать свою сообразительность. В данном случае его потянуло пророчествовать. Уж слишком откровенно нервничал Павел.

— А ты не боишься, что появится какая-нибудь Немезида и рассчитается с тобой за весь список?

Кажется, Сева злорадствовал.

— Какой список?

— Всех более-менее симпатичных девочек, о которых ты мне рассказывал, — и Сева махнул рукой в сторону зала.

Павел еще больше насупился.

— С какой стати за них мстить? Их никто не неволил. Сами в очередь становились.

Сева представил стоящую в очереди Марину и утратил желание продолжать разговор.

— Немезида, как ты ее называешь, опять опаздывает, — Павел тоже мрачнел на глазах. — Как всегда. Уже

на сорок минут. Что за характер!.. Ладно, Сева. Послезавтра с утра присылай адвоката. Деньги я передам Капаеву с внушением. Все беру на себя.

Эти слова были сигналом к окончанию аудиенции.

Сева встал, Павел тоже, последовало дружеское рукопожатие. Один из охранников уважительно провел гостя до дверей и остался стоять на улице, явно кого-то поджидая.

Улицы были достаточно пустынно и плохо освещены. Стоило не мешкая направиться домой.

Пройдя несколько шагов, Сева обернулся, услышав звук подъезжающей машины. Она остановилась у входа в кафе. Охранник ринулся открывать дверцу. Из машины выпорхнула женская фигурка.

«Немезида появилась!..»

Сева по дороге домой с удовольствием вспоминал залихватистый смех Павла по громкой связи, когда Верник рассказывал ему о приключении со станком. «Сегодня ты, а завтра я», — довольно громко запел он арию Германа, хотя в партиях драматического тенора был не силен. Но тут же себя одернул — так откровенно злорадствовать было просто неприлично. Все-таки он был интеллигентом, хотя, по мнению Капаева, сраным.

Несмотря на отличный коньяк, Сева спал плохо. Всю ночь ворочался на постели в поисках подвоха. Но его вроде бы не было. Вроде бы объективно был просто удивительно удачный выход из тяжелейшего положения. Он не просто добудет нужную сумму под залог квартиры, как и намеревался, но нейтрализует Капаева. Да и себя избавит от страха потерять все и оказаться на улице. Может, действительно в жизни существуют решения, при которых всем участникам хорошо?

Так в чем же подвох?

В девять он уже был у Малых, предварительно позвонив по телефону бедняге в семь утра. Сева как можно

более точно постарался передать суть предложения Павла. Леша свое отношение высказал несколькими люкс-модернами, тип-топами и даже добавил для усиления шик-блеск. Он понял, что на этот раз свои деньги получит. Да и за клиента был доволен — молодой адвокат еще не успел очерстветь.

— Сразу виден размах. Человек не мелочится, не то что этот дикий жмот Капаев. А своего не упустит.

— А подвох?

— Хоть убей, не вижу. Подвох может быть только в одном — Самосенко всегда добивается своего. Но все вроде бы зависит от вас. И есть подстраховка.

Короче, Леша займется черновиком договора, вечером согласует его с Всеволодом Алексеевичем, а на следующее утро отправится в офис Самосенко.

— Интересно, что по этому поводу сказала бы Людмила Сергеевна? — задумчиво глядя в пространство сказал Сева. Лично морочить Люде голову он не решился. Леша намек понял.

Вечером он сказал, что Людмила Сергеевна другого выхода тоже не видит. Решение со всех сторон разумное. Конечно, если Сева не сможет вернуть ссуду, он потеряет приличную сумму. Но так и должно быть. Тем более, что лучше иметь Самосенко в союзниках, чем в противниках.

Сева понимал, что Павел хочет будущее «дворянское гнездо» сделать свадебным подарком. И догадывался кому. Бедный, бедный Павел...

Пара челночных рейдов Малых к адвокату Павла, и к концу следующего дня соглашение было подписано. Еще через день оформлены все бумаги в банке. Больше Сева о Капаеве никогда не слышал. Он начинал понимать, почему Самосенко стал миллионером. Но, видимо, еще не до конца, потому что твердо решил квартиру сохранить за собой.

Как все, так и я

Сразу же напряжение последних дней схлынуло. Можно было оглядеться по сторонам. Работу Сева пока решил не искать. Стоило подождать, что предложит Потапов. Правда, в подсознании всплывало обвинение Павла в пассивности — мол, приучены к тому, что все само собой образуется, — но Сева сомнения с успехом давил. По течению так по течению. Тем более, что немного денег у него еще осталось.

Тюля вернулся домой. И даже в кооперативе остался. А Вера уволилась, ясно было, что с хозяином Ханаевым она работать не сможет. Ничего, устроилась бухгалтером в какую-то фирму. Теперь экономисты везде нужны. Тюля был очень мрачен. Сказал, что жить он с Верой может, а вот спать вряд ли. И признался Севе, что у него намечаются шуры-муры с молоденькой сестричкой, его помощницей. Недавно закончила фельдшерское училище.

— А что? Теперь с чистой совестью.

Сева остался один. День, два, три. Звонка насчет работы не было. Стало очень скучно и одиноко. А ведь Сева тоже мог бы сейчас с чистой совестью... Но за десять лет растерял квалификацию. Словом, он готовил себя к сдаче части квартиры в аренду достойным жильцам. И предполагал, кому именно.

В один из тоскливых вечеров он позвонил Полине. Часов в шесть, пока она еще не ушла на дежурство в кафе Потапова. Расчет оказался верным. Телефон был общим, ответила, судя по голосу, старушка, сказала, что позовет. Наверно, коммуналка. Полина Севу запомнила — еще бы, он сидел с самим Самосенко. Но дело было не только в этом. Мы с вами как-то стали забывать, что Сева был из тех, кого женщины называют «представительный мужчина». Высокий, крупный, но не толстый, скорее поджарый — гантели делали свое благородное дело.

Несмотря на события последних лет, он все еще сохранил осанку, доставшуюся ему от бабушки Радулеску. Лицо неглупое и приятное... Словом, напоминать ему о себе не пришлось.

— Павел сказал, что вы ищете квартиру на съем. Я бы хотел сдать две комнаты. Приезжайте, посмотрите, поговорим об условиях.

— Теперь это так называется?

Сева подумал: «Да, Полине палец в рот не клади. А впрочем...» Кажется, он пустился во все тяжкие.

Договорились на этот же вечер, через два часа. Полина предложила было начать осмотр квартиры с кафе, но Сева на это не поддался. Но все-таки к «сдаче квартиры» подготовился. Купил бутылку недорогого местного коньяка, бутылку вина, мамины консервы еще оставались. Сойдет.

Смотрины квартиры удались. Довольно быстро они из кухни перебрались в спальню. Полина была легким и контактном человеком. Контактным во всех смыслах. А темпераменту и умению ее можно было позавидовать. Это было высокое мастерство вместе с вдохновением. Она вытворяла такое, что после ее отбытия — где-то около полуночи — Сева с удовольствием и все-таки с долей неловкости время от времени повторял вслух: «Это черт-те что! Ей-богу, черт-те что!» О сдаче квартиры они так и не поговорили, да Сева и не решился бы иметь под боком такую бомбу. Даже если это только секс-бомба.

Сева делал несколько заходов, чтобы узнать, а не должен ли он Полине что-нибудь, ну как бы приличней это назвать... Та без всяких экивоков сказала, что стол и деньги на такси ее вполне устраивают. Сева ей понравился, и она не хочет, чтобы это было чисто деловым предприятием. Он был польщен.

Нужно признать, что не меньше Севы нравилась Полине и его квартира. Чистая, ухоженная, другого класса, чем привычное для нее жилье. А ванная — вообще сказка.

Да и сам Сева тоже неплох. Приличный человек, она от таких тоже уже отвыкла. Да и вообще...

— Есть еще порох в пороховницах, — сказала она, а синхронно это же подумал Сева. Многозначительное совпадение.

Сева осторожно решил, что как разовое приключение это совсем неплохо. Постоянные встречи с дамой полусвета — так он определил статус Полины, все-таки не «ночная бабочка» — были ему принципиально не по душе. То есть больше из принципа, чем по существу. Причина — скорее всего не столько моральное осуждение, сколько какая-то физическая брезгливость. Что-то из этой серии. Но дня через три было опять скучно до такой степени, что он сделал уборку в квартире. А силы еще оставались. Оставалось и недопитых полбутылки коньяка и полбутылки вина. Да ко всему прочему прошедшей ночью приснился неприличный сон и вызвал желание воспроизвести его в реальности. Короче говоря, все повторилось, начиная со звонка в шесть часов вечера. Как и следовало ожидать.

Полина на этот раз — что значит опыт — поняла, что избыток экзотики Севу напрягает. Она умерила безудержный полет своей фантазии, но темперамент остался на высоком уровне. Вечер прошел в духе полного взаимопонимания.

Сева почувствовал, что продолжение следует. Да почему ему, собственно говоря, и не быть? Он нормальный мужчина, на любовь или что-то похожее вряд ли способен в обозримом будущем. Даже намек на вину перед Мариной он не испытывал. Во-первых, не он начал, во-вторых, не он ушел из семьи. А в-третьих, возможно, мужская психология, но я не тороплюсь его осуждать. Пора быть как все. Полина отличная женщина, и всего за стол и такси... С пикантным циничным юмором. Она по телефону спрашивала: «У тебя есть предохранители или принести свои?» Такого названия Сева не слышал даже в телевизионной рекламе о безопасном сексе. А на третий

вечер, когда они устали от трудов праведных и стали понемногу разговаривать, выяснил происхождение этой остроты. Оказывается, Полина – представьте себе! – была инженером-электриком. Закончила Кишиневский политехнический институт, работала «младшим помощником младшего электрика» в каком-то НИИ города Тирасполя. Электрику не любила, начальника тоже, но с ним жила. Работа была не пыльная, девицы в отделе компанейские. Вскоре начальник пробил для нее однокомнатную квартирку, в Тирасполе с этим было проще. И тут как на грех развалился Союз, Приднестровье принялось воевать за свою свободу и независимость.

– Мне как электрику это было до лампочки, все осточертело, я закрыла квартиру – и вот я здесь, во всей своей красе.

Она встала на кровати, демонстрируя красу. Краса была, этого у нее не отнимешь.

После технического перерыва, вызванного этой демонстрацией, разговор возобновился.

Сейчас Полина работает секретаршей у какого-то маленького хозяйчика, но денег на съем жилья и на жизнь даже близко не хватает.

– Так что не судите строго. Я к чему это тебе рассказываю. Не хочу, чтобы потом оказалось, что я хуже, чем ты обо мне думал. Лучше наоборот.

Как наоборот, она не объяснила, но смысл был понятен.

Снимали они с Машей комнату в коммуналке. Это не очень удобно. Маша иногда приходила не одна, между ними только шкаф... А одной жить совсем противно. Да и дорого.

Сева заподозрил в этом намек на его квартиру. Нет, на это он ни за что не решится. И неловко отшутился:

- Заведи собаку.
- Я не люблю собак.
- Почему? Преданное животное...

– Если бы она уже со мной жила, я бы, возможно, ее полюбила. А так, когда я их вижу? Только на улице, с хозяевами, которые их выгуливают. Собак по утрам и вечерам все больше и больше. И что они делают?

– Что?

– Или мочатся, задрав ногу, или гадят. А хозяева стоят отвернувшись. В другом положении я собак не вижу. Как можно их полюбить?

– Это верно. А в перерывах облаивают прохожих.

– Не заведем?

– Ни за что!

Голова на плечах у Полины определенно была.

Когда Сева смирился с мыслью, что продолжения не избежать, он поделился своими сомнениями с Тюлей. За Тюлей, как всегда, не заржавело:

– Ты мне напоминаешь Хаима. С бородой. Который вышел из борделя и сказал: «Какое удовольствие! Но морально, морально...»

– Почему Хаим с бородой?

– Это не Хаим с бородой. Анекдот с бородой.

У самого Тюли тоже были сложности. С сестричкой. Он в соответствии с тенденцией капитализма намекнул, что желающих на ее место много. Она намекнула ему в ответ, что очень любит солидных мужчин.

– Хорошо, что не сказала «старых». Девчонка, девятнадцать лет...

– А в чем проблема?

– Я почувствовал себя этим недомерком Ханаевым. Как отрезало...

Сева понял. Быть как все, не у всех и не всегда получается.

Пока Сева решал проблемы досуга и секса, подоспел ожидаемый звонок по поводу работы. Говорил мужчина, судя по всему без всяких признаков образования. Смысл

его сообщения был — явиться завтра в девять утра на улицу Прыгуна, 28 в пожарную инспекцию лично к Лященко Григорию Ефимовичу. На вопрос зачем, с какой целью связно объяснить мужчина то ли не хотел, то ли не мог. Сева даже спросил, нет ли у него в доме пожара, чем окончательно сбил с толку собеседника. Словом, он перестал изгаляться и обещал прийти.

— С документами!

Сева даже не стал спрашивать, с какими. Он злорадно подумал, что ничего иного от креатуры Потапова и ожидать нельзя. Фамилия Лященко была ему знакома. Смутно.

В положенное время, на всякий случай прихватив паспорт и трудовую книжку, Сева вошел в двухэтажное здание, половина которого была еще довольно облезлой и в лесах, а вторая половина уже сверкала отличной облицовочной плиткой и явно пережила недавний евро-ремонт. Значит, дела организации идут на лад. Кабинет Лященко был на втором этаже в обновленной и современной части здания. На табличке указана должность — заведующий пожарной инспекции района. Сева вошел в предбанник с симпатичной секретаршей.

— Вас ждут.

Оказалось, с Гришей Лященко он действительно был когда-то знаком, тот был комсоргом его факультета, но старше Севы на пару курсов. Они узнали друг друга, обменялись мнениями по поводу «изменился — не изменился», и наверно, друг другу соврали. Лященко пополнял и обрюзг. Впрочем, никогда особо худым и спортивным он не был. Сева тоже вряд ли за это время похорошел.

И перешли к делу. Лященко обращался к Севе по имени-отчеству, давая понять, что официальная дистанция должна оставаться. Сева, естественно, отвечал Григорием Ефимовичем.

Выяснилось, Севу рекомендовали такие могучие силы — тут Лященко закатил глаза от уважения, — что

ему ничего не оставалось делать, как предложить ему место на вес золота: старшим инспектором центрального участка. Старшим, потому что ему придется младший инспектор Галина Ермолаевна, опытная женщина, которая в протоколах и технике собаку съела, так что хлопот особых не будет. На этом месте верой и правдой служил золотой работник Вася Луков, но он уезжает в Киев на повышение. У него тоже там рука. «Тоже» явно относилось к Севе.

– Но я в этих пожарах...

– Ты читать-писать умеешь? Не боги горшки обжигают. Я тоже кончал сам знаешь какой институт. «Если партия прикажет – комсомол ответит есть». Техника и пожары в нашем деле не самое главное. Главное – человеческие отношения.

Сева вспомнил сказанное Мариной: «Я надеюсь, у тебя хватит ума не устраивать детский сад». И согласно закивал головой. Но тут же допустил очень грубый ляп: стараясь быть солидным, он спросил:

– А какой будет оклад?

– Оклад? А при чем тут оклад. Не знаю, узнаешь в кадрах. Кто его помнит, да еще в карбованцах, каждый день другой курс...

И он с подозрением посмотрел на Севу. Такие люди его рекомендовали... Сева с этой минуты держал рот на замке.

Лященко сказал, что когда приходят не слишком подготовленные люди, приходится их учить с нуля.

– Материалы на полке у Лукова. Два дня срока на подготовку, затем походите вместе с Васей по точкам для практики – и за работу. Он через неделю уезжает. Стиль у нас деловой. А сейчас, Всеволод Алексеевич, подойди к инспектору по кадрам Степанычу и не удивляйся тому, что от него услышишь, – Лященко впервые позволил себе улыбнуться. – Он достался нам по наследству от старых

добрых времен. Оформляйся с сегодняшнего дня. Звание и погоны — так у нас положено — будут позже, месяца через три-четыре. Надеюсь, сработаемся. Так и передай тем, кому положено.

И тут Сева подумал, что дистанция, которую так демонстративно сохраняет Лященко, может быть, является следствием почтения к «таким людям», которые его рекомендовали.

Не знаю, догадались ли вы, но инспектор по кадрам Степаныч оказался вчерашним телефонным собеседником Севы. Потапов был реабилитирован.

Секретарша показала Севе его будущий кабинет, где пока еще хозяином был Луков. Они с помощницей в рейде по точкам. Будут через два дня. Маленькая комната, чистая и аккуратная. У окна — стол старшего инспектора, перпендикулярно ему у стены — стол Галины Ермолаевны. Напротив — стеллаж с папками документов и большая полка с инструкциями. Сева начал их просматривать и понял, что это сборище бумаг, начиная с 1935 года на двух языках — русском и украинском, — он за всю оставшуюся жизнь не осилит. И все-таки Сева со свойственным ему упорством довольно долго пытался понять и запомнить хотя бы основы.

Первой в этом ряду стояла тоненькая папочка со статьей из прошлогодней газеты. С подчеркнутым красным карандашом абзацем:

«Большое количество нормативных актов и регуляторных документов, в том числе и внутренних, на которые ссылаются сотрудники ОГПО, нередко ставит в тупик даже опытного юриста. Одна из причин — несметное количество противоречивых требований, иногда явно устаревших и поражающих своей абсурдностью. Такая постановка вопроса вполне устраивает инспекторов, поскольку именно это и создает предпосылки для получения неформальной

благодарности от предпринимателя. Как показывает практика, любое требование можно обойти, предложив инспектору вознаграждение. Блицопрос предпринимателей, проведенный «Контрактами», показал, что по количеству и размерам получаемых неофициальных платежей пожарная инспекция занимает одно из первых мест, опередив даже налоговиков».

Красноречивая инструкция.

Основное вы поняли, да, собственно говоря, и без меня знали. Возьму на себя смелость добавить, что при последующей встрече Лященко напрямую объяснил, что в конце месяца Всеволод Алексеевич должен положить на стол энную сумму в долларах для передачи по инстанции — и он посмотрел куда-то вверх. Остальное в его, Фролова, распоряжении.

Безусловно, все это понимал и Сева. Он не вчера родился. Может быть, думал, что все не так откровенно... Но чем можно замаскировать — для внутреннего потребления — источник основного дохода? Сева вроде бы логично объяснял себе, что все чиновники, имеющие возможность что-то запрещать или разрешать — а их абсолютное большинство, для этого они и созданы, — в наших конкретных условиях занимаются взяточничеством, если хотите, рэкетом. Да собственно говоря, сейчас берут все, кроме тех, кому не дают.

Короче, Сева решил, во всяком случае, продержаться два года, чтобы отдать долг. Иначе он сам себя уважать окончательно перестанет. Белые вороны давно вышли из моды. И хорошо, что мама в Израиле...

Он еще не очень представлял себе, насколько непросто приставить к горлу жертвы острое какой-нибудь инструкции и потребовать кошелек, то бишь конверт. А затем добычу разделить с соучастниками... тьфу, простите, с сослуживцами. Не каждому это дается без серьезных травм

и осложнений, а некоторые так и не могут освоить нехитрую науку.

Вы уже наверняка обратили внимание на то, что я время от времени обращаюсь к вам за поддержкой. Хотелось бы, чтобы вы своими личными воспоминаниями, как я уже говорил во вступлении, дополнили эту жизненную и правдивую историю...

На третий день появились хозяева кабинета.

Галина Ермолаевна оказалась крупной женщиной лет пятидесяти с мужской фигурой, мужской походкой и низким голосом. Лицо суровое, но не злое. Вася Луков был примерно того же возраста и вполне мог играть Луку в пьесе Горького «На дне». Понимание всех и вся было написано крупными буквами на его лице. Неопределенного цвета волосы, довольно длинные для чиновника, ладная невысокая фигура — для роли Луки и грима бы не понадобилось. Сева все время ждал, что он скажет знаменитое «ни одна блоха не плоха, все черненькие и все прыгают». Тем контрастней звучало то, с каким восторгом он говорил о своих взглядах и методах работы.

Вася Луков действительно был специалистом высокого класса. Так же как и Лященко, он говорил, что главное не техника, в этом смысле Галина Ермолаевна будет подносить патроны столько, сколько нужно. Главное для инспектора — экономика и психология. Он должен правильно определить максимум, который может заплатить клиент и при этом не разориться и не свихнуться. Нужно быть решительным. Но осторожным. Не так давно два их соратника выбыли из борьбы. Одного пырнул ножом бомж, явно по чьей-то наводке. Другого оглушил потерявший над собой контроль бизнесмен.

— Наша служба и опасна и трудна, — фальшиво пропел Луков.

Час от часу не легче...

Прежде всего Луков старался выяснить экономическое положение проверяемого, он довольно неплохо разбирался в надводной и подводной части доходов мелких фирм. Во всяком случае, лучше, чем в пожароопасности. С удовольствием ел и пил за счет клиента, принимал некрупные подарки. Вступал в контакт и таким образом составлял понятие о его характере. Луков работал под простачка и добрячка, и хотя это мало кого обманывало, но все-таки немного сглаживало конфликты. Находчивость его была беспредельна. Вот только один пример. Человек, доведенный до отчаяния, говорит ему, что лучше он сожжет свое заведение, потому что всех контролеров выдержать невозможно. Так он хотя бы страховку получит. Луков тут же возражает: «Санэпидстанция и налоговая инспекция тебе в этом помешать не могут. А чтобы получить страховку от пожара, тебе придется обратиться к нам с той же суммой, которую ты можешь отдать сейчас без всех этих хлопот».

Основам государственного рэкета Луков с охотой и добросовестно на личном примере обучал Севу. А у ученика все силы уходили на то, чтобы скрывать ужас и брезгливость, которые овладевали им на этом мастер-классе.

Опытный Вася Луков время от времени посматривал на Севу с сомнением. Наконец сказал, что самыми тяжелыми будут первые два месяца. Нужно надеяться, что ощущение живых денег в руках свое действие окажет. Он Севе искренне желает успехов, потому что знает, какой человек его рекомендовал. Кто бы мог подумать, что простоватый, с точки зрения Севы, Потапов пользуется такими известностью и уважением? А Марина сейчас... Нет, надо зарабатывать, а точнее получать деньги. Он не может позволить ей сказать: «Ты снова устроил детский сад».

Вася отбыл на повышение. Сева остался наедине со стихией мелкого бизнеса.

За границей и в столице

С мамой Сева разговаривал каждую неделю. Один раз звонил он, следующий раз — мама. И был полностью в курсе их дел.

Но начать следовало бы все-таки со здоровья Аркадия Борисовича. В больнице его держали ровно столько, сколько нужно было для проведения всех анализов, ни дня больше. В Израиле зря в больницах не лежат. Слишком это дорогое удовольствие, но не для больного, а для больничных касс. Ничего страшного, кроме немолодого организма со всеми вытекающими отсюда последствиями, не нашли. Язва? Дело не новое. Лечащий врач в поликлинике, бывшая москвичка, молодая, красивая, закончившая докторантуру в Штатах, прежде всего отменила все дикие диеты, которыми медики в Союзе его замучили. Все это вареное, протертое и малосъедобное. Она сказала, что такой пищей в древнем Китае медленно умерщвляли преступников. Есть можно все, что хочется, просто не пережидать с жареным и жирным. И пить таблетки. В этом возрасте уже нужно пить таблетки. Эти совковые страхи перед таблетками, — острила она, — которые вроде бы больше калечат, чем лечат, может, и правильные, поэтому там умирают здоровенькими, не дожив до шестидесяти лет, а на Западе травят себя медициной до восьмидесяти.

— Да, можно, даже нужно, — ответила она на невысказанный вопрос Аркадия Борисовича. — Перед обедом пятьдесят грамм хорошего виски. А жене немного вина — вам вино пить не стоит из-за кислотности. И меньше думайте о том, как продлить жизнь, а больше о том, как сделать ее более насыщенной радостью и удовольствием.

Золотые слова!

Аркадий Борисович не помолодел, наверно, и не очень поздоровел, но стал есть все подряд, ну скажем, почти

все подряд, меньше стал прислушиваться к себе, попить к обеду любимое им виски, чокаясь с Ниной Григорьевной. Заедая таблетками. И обстановка исподволь изменилась к лучшему. А тут еще стали отвлекать события, следовавшие буквально одно за другим. В основном приятного свойства.

Главную положительную роль на этот раз сыграла Лина. Вы помните, разумеется, ее энергию, которая могла горы двигать. Сейчас вся эта мощь была использована в мирных целях. И результаты не заставили себя ждать.

Основной дискомфорт новым репатриантам, особенно пожилым, доставляют съемные квартиры. Все-таки большинство привыкло жить хоть в густонаселенных, но своих. Очередь на социальное жилье была очень большая, по статистике достигала пятидесяти тысяч то ли человек, то ли семей. Но разница была небольшая, потому что, во-первых, приехало много одиночек, да и строительство этого типа жилья почти прекратилось. Так что десяток тысяч туда, десяток сюда — роли не играло.

И на этом фоне Лина включила свои мощности.

Она была активисткой правого лагеря, даже пописывала в русскоязычных газетах и выступала время от времени в русскоязычном радиовещании. Тема была одна — о необходимости борьбы до победного конца с этими ужасными арабами. В определенных кругах она пользовалась авторитетом, как бывшая правозащитница, пострадавшая от репрессий советской власти. И в число пострадавших от репрессий она смело включила отца и мачеху. Ведь по существу, так оно и было. Они пострадали, хотя и не по своей воле. Об истории с Александром Михайловичем было написано несколько экспрессивных статей. Журналисты потом даже пытались взять интервью у «борцов за выезд евреев», но Нина Григорьевна наотрез отказалась. Из скромности, — пояснила Лина. Короче, месяца не прошло, и они вне очереди, как люди заслуженные,

поселились в довольно симпатичном хостеле — так называются в Израиле социальные гостиницы для немолодых людей. Две маленькие аккуратные комнатки, салон-кухонька, все удобства. В квартале от хостеля — супермаркет, в двух кварталах — рынок, три квартала до моря. В отдаленном районе прекрасного города Нетании. Оказывается, даже в эмиграции неплохо иметь связи... Перед ними извинились: увы, близко от поселений, где жили ортодоксальные Бенимовичи, нет свободных мест. Но оба семейства с удивительной стойкостью восприняли эту неприятность.

И спустя некоторое время единственное, что серьезно расстраивало новоселов, это отсутствие Наташеньки, хотя и по остальным членам бывшей семьи они тоже скучали. Но что касается Наташи, дело было поправимое, хотя бы потому, что вечно занятая Марина в Киеве буквально разрывалась между нею и работой. Короче говоря, через месяц, в начале июля, Наташа собственной персоной появилась в хостеле, а с ней — три тысячи долларов на устройство быта. Узнав об этом, Сева не ударил лицом в грязь и тоже отправил тысячу. Это произошло в конце первого месяца его новой работы, когда он уверовал, что дела пойдут на лад. Такими обеспеченными людьми наши репатрианты еще никогда не были.

Они заменили мебель, установили кондиционер и стали жить да поживать. Большинство соседей были русскоговорящие, тоже репатрианты из стран СНГ, и даже две семьи, знакомые по Городу. В хостель в это же время на каникулы к бабушке и дедушке приехали две девочки из Штатов, довольно богатенькие. У них были компьютерные игры, куча кассет с мультиками. Утром, пока не начинало печь южное безжалостное солнце, всем семейством ходили на пляж. После обеда легкий сон под шум кондиционера. Чем не отдых? Вот так все получилось. Нина Григорьевна со смущением признавалась, что такой контраст даже забивает чувство ностальгии...

Может, вам показалось, что я пытаюсь создать впечатление, будто эмигрантов, особенно пожилых, в Израиле ожидает манна небесная? Ничего подобного. Этот случай был скорее исключением из правил. Но наш рассказ не об эмиграции, а о вполне конкретной судьбе конкретной семьи. Как говорится, из песни слов не выкинешь.

С Мариной со дня ее отъезда Сева не разговаривал ни разу. Но пока Наташа жила в Киеве, он был достаточно информирован об их жизни. В день приезда Марина объяснила, как звонить папе в Город, записала их киевский телефон. Наташа все это сообщила Севе, и они договорились перезваниваться в десять утра, после того, как мама уйдет на работу. Девочка уже была в курсе того, что между родителями пробежала кошка. Марина еще в поезде рассказала ей, что они с папой поссорились и какое-то время проживут отдельно.

— Пока остынете?

— Наверно, — подтвердила Марина и даже на какое-то время поверила в это.

А сама Наташа всерьез к их ссоре не отнеслась, уж слишком они все в ее сознании были крепко и неразрывно связаны друг с другом — бабушка, дедушка, она и папа с мамой.

Торговый комплекс Потапова «У Марины» был расположен в квартале от Крещатика, на бойком месте. Все делалось с размахом. Магазины, салон красоты, солидный зал с подиумом. По соседству с комплексом Федор Михайлович прикупил недорогую небольшую гостиницу для сотрудников и гостей будущего предприятия. Это было удобно и экономически выгодно. На верхнем этаже гостиницы Марина с Наташей занимали неплохой трехкомнатный номер, который вполне можно было считать пентхаузом. Но был у него и серьезный недостаток — соседний, еще больший номер занимал сам босс Потапов.

Один. Он больше года тому назад к огорчению не только Севы, но и Марины развелся со своей женой.

Внизу гостиницы размещалось кафе, мало уступающее уже известному вам аналогичному заведению в Городе. Там Марина с Наташей и питались. По объявлению удалось найти педагога на пенсии, милую женщину около шестидесяти лет, которая согласилась быть не то няней, не то дуэньей при дочери преуспевающей бизнесвумен. Коммуникабельная Наташа с ней быстро поладила. Все было бы неплохо, но Наташа настолько привыкла быть в семье, что чувствовала себя не в своей тарелке, когда мама отсутствовала. Несколько раз в день она звонила по мобильному телефону, спрашивала: «Ма, ты где? Когда будешь?» Или сама появлялась в салоне, благо он был близко. Поэтому ранее написанная фраза, что Марина буквально разрывалась между работой и домом, не была преувеличением.

Но когда Наташа уехала к бабушке в Израиль, Марина в полной мере почувствовала, что значит абсолютная свобода со всеми ее достоинствами и, увы, неизбежными недостатками.

Довольно быстро она осознала, что одно дело приходить в квартиру, в которой пусть не рядом, пусть где-то за стенкой есть родные люди. Даже если ты с ними не часто встречаешься. А тем более, когда даже на расстоянии чувствуешь их тактичную, неназойливую заботу. Их готовность прийти на помощь. И совсем другое — открыть дверь и оказаться одному, абсолютно одному, как в безмолвном космосе. Конечно, в этом случае ты ни от кого не зависишь, делай что хочешь. Но ведь и там, у Фроловых, она тоже мало чем была ограничена. «Марина отдыхает» — это было как надпись, загоравшаяся на двери рентгеновского кабинета: «Не входить. Идет съемка!»

Тусовки, фуршеты, встречи с веселыми и преуспевающими людьми были, но в новых условиях они тоже

оказались не столь привлекательными. На тусовках хорошо, если ты там свой человек, или если есть хоть несколько, ну скажем, не друзей, так хотя бы близких знакомых. В Киеве у Марины таковых фактически не было. Только ее босс Потапов. Но Федор Михайлович, к сожалению, был простоват, и это было очень заметно. Да, он был богат, явно шел в гору. У него был отличный нюх на выгодные операции и даже наполеоновская смелость ввязываться в борьбу без оглядки. И еще у него был талант — находить отличных специалистов и позволять им пахать на себя. Марина — яркий тому пример. Деньги буквально прилипали к его рукам. Но все-таки он был непозволительно простоват. И пиджак его всегда выглядел немного помятым. Разговаривать с ним не о деле Марина просто не могла — не получалось.

А при всем при этом Федор Михайлович в Киеве был настроен очень решительно. Он твердо вознамерился наконец разрубить гордиев узел отношений со своим менеджером. И не только ужесточил осаду, но и время от времени шел на абордаж. Марине с трудом удавалось избегать столкновений. Когда Наташа уехала, он стал вечерами по-соседски приходить «на чай». Коньяк и конфеты приносил с собой. Заходил запросто, в домашней одежде — спортивном костюме, слава богу, что не в пижаме. Якобы увлеченный разговором, придвигался как можно ближе, время от времени «забывал» руку то на ее плечо, то на талии. Это было ужасно. Все его попытки наладить более тесный контакт приводили к прямо противоположному результату. И если в Городе у Марины еще иногда возникали кое-какие мысли насчет возможного альянса с владельцем салонов — слаб человек! — то в Киеве наступила полная ясность: никакие контакты между ними, кроме деловых, абсолютно невозможны. Ни сейчас, ни в будущем, каким бы это будущее не оказалось. Она сформулировала этот вывод с несвойственной ей

резкостью: «Даже на необитаемом острове!» Что может быть определеннее?

В конце концов, однажды «за чаем» она очень доброжелательно и тактично с ним объяснилась. Предложила все выяснения личных отношений отложить на потом. При любом варианте, сказала она, это отразится на работе. В такое тяжелое время — а открытие комплекса намечалось уже через полтора месяца — нельзя разрушать сложившиеся деловые отношения босса и менеджера. Босс все прекрасно понял — не дурак, — но прежде всего он был бизнесменом. Дело есть дело. Он взял себя в руки, улыбнулся настолько естественно, насколько ему это удалось, — и согласился.

Потапов был человеком слова и на следующий же день выехал из гостиницы. Приют ему долго искать не пришлось. Оказалось, скромнейший Федор Михайлович приобрел отличную квартиру в пригороде Киева в элитном доме, но этот факт не афишировал.

— Богатый жених, кому-то повезет, — улыбнулась Марина. Она к боссу относилась хорошо, но увы, только как к боссу. Конфликт был исчерпан до конца договора, то есть еще на полгода. Но продолжения следовало ожидать. Будущее Марины в фирме Потапова стало неопределенным. Возвращение в Город, судя по всему, неизбежно. А может, и к лучшему?

Обслуживать Марине предстояло в основном женскую половину обеспеченных семей Киева. И в последние годы все чаще это были новые жены «новых русских». Несмотря на то, что солидные капиталы только еще создавались, многие наиболее успешные бизнесмены уже успели поменять старых, вышедших в тираж жен на девиц новой формации. Молодых, красивых, с хорошими фигурами. Которых, как и роскошный «мерседес» или «БМВ», не стыдно людям показать. Именно этот контингент становился основной клиентурой Марины, с ними

ей приходилось общаться больше всего. Голова у этих свободных и обеспеченных женщин не была загружена заботами о хлебе насущном, да и вообще мало чем была загружена. Разговоры сводились к покупкам, к сплетням — кто кого поймал и кто с кем переспал. Но что больше всего расстраивало даже не слишком романтическую Марину — это стиль их разговора. Из московских элитных кругов к ним спускалась мода говорить обо всем подчеркнуто цинично, откровенно, беспардонно. Чем бесстыдней, тем современной. Желательно с матерком. В своем «девичьем» кругу они не стеснялись никого и ничего и могли играючи заткнуть за пояс любого мужчину, самого что ни на есть пошляка и сквернословия. Я не утверждаю, что таких «современных» женщин было большинство, не хочу возводить поклеп на целый слой провинциальной — по сравнению с Москвой, — но тем не менее тоже столичной новой финансовой элиты. А с другой стороны, я не уверен, что их было меньшинство. Выбор оставляю за вами.

Короче говоря, Марина пока держалась особняком. По-прежнему приветлива, выдержанна, но в особые контакты не вступала.

Появление одинокой и интересной женщины, естественно, не могло пройти незамеченным. Ей стали уделять внимание мужчины. Объявилось два-три поклонника из немолодых обеспеченных людей, кое-кто явно с матримониальными намерениями. Примерно столько же бывалых ходяков, которые не уставали удивляться, почему она до сих пор не идет с ними в койку — они принимали ее терпение и такт за покладистость. Плавало вокруг и несколько молодых хищников из породы альфонсов, которые были не прочь пригреться около преуспевающей женщины, но о них и упоминать не стоило. Почему она не форсировала события? Не хотела. Мы уже говорили, что в определенном смысле Марина была достаточно

малоэмоциональной. Могучий голос природы ее не толкал к близости с малознакомыми людьми, даже если они были на первый взгляд интересными. Она была очень избирательна, что довольно часто бывает с не слишком сексуально-озабоченными, тем более до известной степени фригидными женщинами — мы в этом ее недостатке уже признавались.

Иногда совершенно неожиданно в памяти возникал Сева, казалось последними событиями навсегда задвинутый на какую-то дальнюю полку. На фоне ее нынешнего окружения он временами выглядел совсем неплохо. Во всяком случае был похож на нормального человека в естественной среде. Нынешняя среда обитания все чаще казалась Марине искусственной. А в доперестроечном варианте он вообще был вне конкуренции.

А может быть, — то ли в шутку, то ли всерьез иногда думала она, — «устаревшее воспитание» вещь заразная, и она подхватила в семье Фроловых это опасное заболевание?

Марина укоряла себя, обзывала состарившейся брюзгой, говорила, что с такими настроениями новые горизонты и новые города покорять не едут, — помогало мало. Впрочем, она понимала, что прошло всего два месяца, что это все трудности акклиматизации в новых условиях. Но в том-то и дело, что, во-первых, времени на привыкание оставалось немного, а во-вторых — и это главное, — Марина все меньше была уверена, нужны ли ей эти подвиги. Бизнесумен она не станет, а профи можно было оставаться и в Городе.

Примирило ее с Киевом и собой, как я уже говорил, только одно — огромное количество работы. Она чувствовала себя необходимой. Без нее — у всех было такое ощущение — новое и смелое начинание неминуемо рухнет. Оставалось только гадать, чему отдаст в дальнейшем предпочтение Потапов — оскорбленному мужскому самолюбию или бизнесу.

«Ухожу оплеванный»

Сева в студенческие годы в дополнение ко всем своим прочим успехам подвизался в институтской самодеятельности. Коллектив по праздникам играл юмористические сценки на злобу дня, сочиненные самими участниками. В те времена это было модно. У них был один очень способный в этом деле — в отличие от Севы — парень, который в конце концов ушел на эстраду. Он, как правило, играл отрицательных персонажей. И когда в очередной сценке, согнувшись под грузом разоблачений, втянув голову в плечи, еле волоча ноги, он направлялся в сторону кулис, то по дороге успевал тихонько сообщить своим партнерам: «Ухожу оплеванный!» Всем участникам на сцене и за кулисами это очень нравилось.

Старший пожарный инспектор Фролов каждый раз, покидая очередной объект, мог повторять эти слова с полным основанием.

А между тем он добился объективно неплохих результатов. Первый месяц вынес вполне пристойно. Правда, хватило только на то, чтобы положить на стол положенное начальству, но и это для начала было неплохо. На второй месяц Сева полностью отключил все человеческие чувства, и жатва стала куда более обильной. Ему хватало и на отдачу долга, и на жизнь, и даже на стол и такси для гостей.

За это время он приобрел немало навыков, необходимых для успешной добычи денег. Кое-какие полезные советы успел дать Вася Луков, кое-что он одолел благодаря собственной смекалке. Например, уже мог довольно точно определить финансовое состояние хозяев, насколько близко они к успеху или разорению. Частично по документации — это сложно, объяснять не буду. Но, оказывается, есть простейшие внешние признаки, которые могут о многом рассказать понимающему человеку. Если полки пустеют, если увеличивается расстояние между товарами,

а номенклатура сокращается, если появляется много продуктов с просроченным сроком годности, если продавцы или официанты перестают испытывать интерес к клиентам, если на чистоту махнули рукой и появились мухи — дело идет к финансовому краху. У блюд, подаваемых посетителям, появляется особый привкус банкротства. Значит, скоро на стекле мы увидим объявление о сдаче этого помещения новым хозяевам. Имеется несколько градаций между стабильностью заведения и его развалом, и Сева научился их определять довольно точно.

Он теперь мог иносказательно, не называя ни одной цифры, дать понять, сколько денег клиент должен заплатить, чтобы от него отстали. Большое искусство! И предъявить обвинение в вымогательстве невозможно. Никто никаких сумм даже мысленно не называл.

Пока еще были у него сложности с новыми иммигрантами, которых развелось в Городе последнее время немалое количество. Это был Восток, происхождением от Кавказа и до Китая. У большинства все было какое-то сомнительное — права, документы, нравы. Совершенно незнакомый менталитет, готовность взорваться в неожиданном месте, по неизвестной причине и с непредсказуемыми последствиями. Но и этот контингент Сева тоже потихоньку осваивал. Хотя однажды возле его горла мелькал солидный разделочный нож в сопровождении гортанных криков на непонятном языке. Хорошо, что никогда не теряющая самообладания Галина Ермолаевна скрутила не крупного, но горячего джигита и по-матерински уговорила его успокоиться.

Домой с деньгами нужно было возвращаться засветло, но даже и в этом случае рэкетир рангом ниже мог дать по голове и экспроприировать экспроприированное. Такие случаи происходили не так уж редко. Словом, контрастов с казавшейся некогда сложной и ответственной работой заместителя главного конструктора завода хватало с избытком...

Как вам кажется, вы бы на месте Сева хотели вспоминать эти дни, а тем более рассказывать о них внукам и правнукам?

Параллельно с объективными успехами усиливались рецидивы, казалось бы, полностью задушенного в подсознании «устаревшего воспитания». Думаю, вас это не удивляет. Он все чаще вспоминал Тюлин анекдот о Хаиме. С бородой. Морально становилось с каждым днем все непереносимей.

Тяжело жить и работать, если тебя встречают с антипатией, доходящей до ненависти. Всех контролеров не любили, все — за малым исключением — брали взятки. Но с наибольшим неуважением и даже презрением почему-то относились к пожарной инспекции.

Конечно, это было не очень справедливо. С началом перестройки огромное число новоявленных бизнесменов открывали заведения в совершенно не подходящих для этого помещениях. В фигурально говоря, клоповниках. Мощное оборудование на честном слове лепилось к устаревшим и никуда негодным, по настоящему пожароопасным сетям. Да и новое строительство тоже было часто допотопным. Инспекция должна была по замыслу делать полезное дело. Но в том-то и беда, что главной ее заботой слишком часто был насос для выкачивания денег.

Все чаще Сева, возвращаясь домой после работы сытый (проверяемые кормили и поили его «на убой»), с деньгами в карманах, но «оплеванный», искал объяснений своим поступкам. Иногда ему казалось, что причиной этих исследований является его слабыхарактерность, что он просто ищет повод устроить очередной «детский сад» и избежать суровой жизненной необходимости. В конце концов проливать слезы над бизнесменами нелепо.

Другой раз приходил к мысли, что поступает глупо, унижает себя, когда есть возможность оставить безнадежный

«вишневый сад», переехать в соответствующее его положению жилье, взять деньги и искать работу. Работу, а не ежедневную моральную пытку. Это тоже, между прочим, был бы вполне разумный поступок даже с точки зрения его «нового сознания»...

Чаще он ковырялся в себе в одиночестве, иногда с Тюлей, который в этом случае не знал, что сказать. Сева в роли взяточника плохо укладывался в его представления... Появилась какая-то недосказанность между старыми проверенными друзьями. Сева почувствовал, что остается совсем один...

Иногда для обсуждения моральной проблемы — не по прямому назначению — использовалась и Полина. Но та искренне не понимала, о чем речь. Берут все, кто могут. Вот и ее хозяин содержит пожарного инспектора. Да, он его материт втихую на чем свет стоит, но брань, особенно мысленная, на воротах не виснет.

— А в кафе к Потапову инспекторы ходят?

— Потапов другое дело. Он в тени самого Самосенко. Кто осмелится?

Полина искренне волновалась по поводу все усиливающегося брюзжания Севы.

— Человек должен быть с собой в мире, а иначе жди беды.

Кажется, она по-настоящему привыкала к нему.

На поверхности были две основные причины продолжающегося самоистязания. Первая — квартира Севе не принадлежит, и никто не давал ему морального права решать ее судьбу. А если мама вернется домой? Нет, даже сама такая постановка вопроса по существу лжива. Нужно спросить себя иначе: когда мама вернется домой, что произойдет? Как они с Аркадием Борисовичем будут ютиться в трехкомнатной квартире Павла общей площадью 75 квадратных метров? Вместе с нынешней, увы, фиктивной или некоей будущей Севиной семьей?

И отсюда вторая причина: Севу все-таки не оставляла надежда догнать и вернуть Марину, несмотря на, казалось бы, полную ясность в их отношениях.

Но пока что погоня за миражом оборачивалась полной потерей самоуважения. Опять. В который уже раз после начала перестройки. Доходило до того, что ему неприятно было смотреть на свое отражение в зеркале. А это уже пахло психическими расстройствами и даже вполне реальным, а не кажущимся раздвоением личности.

Однако вскоре одна из причин отпала. Основная. Мама дала Севе полную индульгенцию. В письменном виде. Она прислала коротенькое письмо. Стиль сдержанный, лапидарный. Как можно ближе к сути. В этом была вся Нина Григорьевна.

«Здравствуй, дорогой мой сынок.

То, что я хочу с тобой обсудить, как принято говорить, не телефонный разговор. И не волнуйся, речь не пойдет о вас с Мариной. Ты знаешь, я не позволю себе вмешиваться в ваши личные, хоть и очень важные для меня отношения.

Я о другом. У меня, Севочка, очень беспокойно на сердце. Почему-то стало казаться, что серьезную и негативную роль в твоей жизни последнее время играет наша квартира. Почему мне так кажется — не могу объяснить. Может потому, что контраст между нашими условиями жизни в Израиле и в Городе очень велик.

Мы сейчас живем в маленькой, новой, современной квартире, и обихаживать ее не столько труд, сколько удовольствие. Мы с Аркадием соревнуемся за право что-то где-то убрать или помыть.

Сева, признаюсь тебе, я скучаю по, как ты говорил, гнезду бабушки Радулеску. Но почти с ужасом вспоминаю, каких нечеловеческих усилий это гнездо от нас требовало, особенно в последние годы. И дело не только в объеме уборки. За внешней чистотой и даже блеском — а я этим

горжусь — скрывалась давно назревшая необходимость ремонта. Было явно недостаточно что-то подправить, как-то замаскировать прорехи. Трубы, канализация, вентиляция, стены, потолок, лепнина — все требовало серьезного ремонта. Наша квартира, как могла, держалась из последних сил в ответ на нашу любовь и заботу. Но силы эти подходили к концу. Двенадцать лет мы ее только эксплуатировали, как долго это может продолжаться?

Севочка, дорогой, ты у меня очень хороший сын, но не из породы миллионеров. Содержать ее так, как она этого заслуживает, ты не сможешь.

И наверное, самое главное. Давай посмотрим правде в глаза. У нас с Аркадием есть хорошее по нашим возможностям жилье. Такие же, как и мы, с такой же ментальностью соседи, что в нашем возрасте немаловажно. Неплохая и практически бесплатная — по сравнению с тем ужасом, который мы в последние годы пережили, — медицина. Я не сомневаюсь, что и там, у вас все обязательно наладится, но боюсь, нас в это время уже не будет. Севочка, дорогой мой, мы назад не вернемся, только в гости. На эти подвиги у нас сил уже не хватит.

Поэтому позволь дать тебе совет, хотя ты знаешь, я никогда не любила это делать. Поменяй нашу квартиру на обычную трехкомнатную в современном доме, желающие, не сомневаюсь, найдутся. И мне даже кажется — хоть маклер из меня никудышный, — что можно взять неплохую доплату. Не стоит быть жертвой традиций, даже самых вроде бы благородных. Как ты говорил? Жертвой устаревшего воспитания.

Целую тебя. Все остальное при очередной беседе по телефону.

Мама».

Течение жизни снова меняло направление, и не замечать этого было невозможно.

Кризис разразился в начале третьего месяца «беспорочной» (удачное определение!) службы Севы на ниве пожарной безопасности Украины.

Галина Ермолаевна тщательно готовилась к посещению каждого нового и старого объекта. Поднимала предыдущие протоколы, если они были. Заново просматривала соответствующие инструкции, хотя и без этого, казалось, знала их наизусть. Удивительно работоспособный оказался у Севы помощник. С таким же усердием она натаскивала и своего начальника. Галина Ермолаевна даже заранее писала протокол предстоящей проверки, и потом, как правило, ничего в этом протоколе изменять не приходилось. Несокрушимое спокойствие, бесконечное терпение — невозможно было представить себе человека, с которым бы она не сработалась.

Точно такую же тщательную подготовку Галина Ермолаевна провела перед посещением следующего объекта — маленькой столовой «Домашние обеды», принадлежавшей Тамаре Беленькой. А Сева этого визита откровенно боялся и не ждал от него ничего хорошего. Хозяйкой была та самая бывший электрик Тома, подруга Люды, которая — помните — бывшему заместителю главного конструктора завода на празднике 8 Марта устроила выволочку. Правда, тогда Тома была подшофе, но и в обычном состоянии язык у нее был острый, а выдержка оставляла желать лучшего. Сева к тому времени уже понял, что если есть вещи более неприятные, чем обычное инспектирование, то это разборки со знакомыми, особенно близкими знакомыми. Тома когда-то входила в их число. И, увы, не в компетенции Севы было этот визит отменить.

Года полтора тому назад на основании вполне законной статьи соответствующего положения Вася Луков потребовал от хозяев «домашней кухни» кое-что привести в соответствие с нормами. Требование было формально абсолютно законно, но нереально. Пришлось бы разломать

половину дома, в котором они снимали помещение. Это понимали все. Поэтому инспектор писал временный протокол, давал им год сроку, брал взамен конверт. Но через полгода история повторялась. «Как, вы до сих пор ничего не исправили?» Сейчас — опять через полгода, по сокращенному графику — должен был состояться третий цикл машинного доения (так называли подобные случаи в инспекции). Галина Ермолаевна предупредила Севу, что могут быть эксцессы. Могла бы не предупреждать — он очень хорошо знал характер Тамары Беленькой. Однако, наверно, надеялся на благополучный исход. Иначе бы просто не пошел — заболел, взял отгул...

К сожалению, действительность превзошла все ожидания. Сева получил то, что ему было положено, и даже больше. Судя по всему, Тома накануне их прихода уже была на грани истерики. Неожиданное появление старого знакомого Фролова в роли нового инспектора помогло перейти эту грань. Разразился настоящий громкоголосый скандал. Тома умела подбирать выражения. Она сообщила невозмутимой Галине Ермолаевне, что ее начальник неслучайно попал в такую продажную контору, что он с юности был подлецом и обманывал доверчивых людей. Ей было мало слушателей в столовой, и она перенесла представление на улицу. При солидном скоплении народа она демонстративно вручила конверт Севе, тот «не понял», о чем идет речь, и они долго жонглировали конвертом, пока тот не исчез. И все это сопровождалось инсинуациями по поводу Севы и его организации. Нужно признать, что на этот раз Сева ушел оплеванным не только в фигуральном смысле.

Даже то, что злосчастный конверт нашелся у сохранившей абсолютное спокойствие Галины Ермолаевны, Севу не утешило. А при одной мысли о том, какой отчет получит Люда, у него волосы поднимались дыбом. Сева почти твердо решил, что с него хватит. Почти твердо. В последнее время он совсем твердо ничего не решал...

Пришел домой в расстроенных чувствах. Несмотря на то, что Тома Беленькая его сегодня не покормила — всем было как-то недосуг, — есть совершенно не хотелось. И спать не хотелось. И даже жить не очень хотелось. Он, не переодеваясь, свалился в кресло и застыл, глядя в пространство.

Сколько он так просидел, Сева не знал. К жизни его пробудил телефонный звонок. Он решил было не отвечать, но подумал: «А вдруг Израиль?» Это была Полина.

— Севочка, я тут недалеко. Можно я к тебе забегу? Нужно обязательно поговорить.

— Поля, извини, никаких сил нет. Такой был день... Давай перенесем?..

— Сева, и ты извини. Но время не терпит. Мы только поговорим. Буквально на часик. Без всяких этих штучек...

— Хорошо, заходи.

«Наверно, деньги понадобились», — подумал Сева.

Полина с первого дня знакомства вела себя очень тактично. Никогда ничего не просила и не пыталась остаться на ночь. Это Сева очень ценил. Он относился к ней с уважением... до тех пор, пока не вспоминал ее вторую — или основную? — профессию. По пустякам она бы надоедать не стала.

Минут через десять раздался звонок в дверь. Полина действительно была недалеко. Сева провел ее в кухню — от греха подальше. Она понимающе улыбнулась, но от комментариев воздержалась. Это было на нее не похоже. Полина сегодня явно была не в себе. Нервная, взвинченная. Куда девалась ее немного легкомысленная и слегка циничная манера разговора.

Совершенно заторможенный Сева не очень прислушивался к тому, что она говорит. Но вот в разговоре наступила пауза, и задним числом до его сознания дошла часть последней фразы:

— ...большая задержка. Возможно, у меня будет ребенок.

Еще не полностью осознав ситуацию, Сева по инерции спросил:

– От кого?

Из глаз Полины брызнули слезы. Не потекли, а именно брызнули, как у клоуна в цирке. Такого Севе еще видеть не приходилось.

– Постой, я не хотел тебя обидеть. Но ты занимаешься таким делом, что...

– Сева, я уже два месяца ни с кем, кроме тебя, не спала. Спроси у Маши. Мне хорошо было с тобой, не хотелось. И я подумала... Нет, задержка еще небольшая, может, ничего и нет. Но, Севочка, я живой человек. И хотела бы знать, как бы ты к этому отнесся...

Наконец Сева осознал нависшую над ним опасность. Он вспомнил предупреждение Павла: «Авантюристка». И идеальное ее поведение в последнее время тоже, если разобраться, не очень подходило той Полине, которую Сева увидел в кафе Потапова. Сева решил, что лопуха из него больше сделать не удастся.

– Поля, давай поговорим серьезно, без спецэффектов. Ты на невинную жертву мало похожа. Я, конечно, идиот, но не полный. И мы всегда были с предохранителями. Чего ты хочешь?

Слезы – тоже на удивление быстро – высохли. Но Полина не стала ни злой, ни пошлой. А серьезной и – на вид – откровенной. А там кто ее знает! Чужая душа, особенно душа «дамы полусвета», потемки.

Дальше был ее монолог. Сева его почти не прерывал, но слушал внимательно. Шок от посещения «Домашней кухни» прошел – клин клином вышибают.

У нее задержка, больше недели, пока ничего страшного, но это заставило ее задуматься. Ей тридцать второй год. Ни кола, ни двора. Даже разрешения на жительство в Городе тоже нет. В Тирасполь ее калачом не заманишь. И все равно она твердо решила изменить жизнь и родить

ребенка. Но от хорошего человека, не от этих козлов, которые только и ищут таких, как она.

— А почему козлы ищут таких, как ты, ты об не думала? — позволил себе прервать ее Сева.

Да, она все прекрасно понимает. Что было, того уже не изменишь. Но она твердо решила покончить с этим. И когда встретила Севу, сразу поняла, что хочет ребенка от него.

— Сева, я не буду говорить о любви, не хочу слышать от тебя насмешек. Но мне действительно с тобой хорошо. Ты один и я одна. Я моложе тебя на двенадцать лет, красивая, с образованием, не глупая. Ну сбилась с толку, если бы не время такое, вероятно, и я была бы как все. И уверена, смогу быть надежным человеком. Я не стану насиловать тебя... Но я женщина, и честно предупреждаю — буду за тебя бороться.

При этих словах глаза ее — Севе показалось — блеснули адским пламенем.

— А если бы у меня не было ни работы, ни квартиры, ты бы тоже боролась?

— Еще скажи, если бы ты был не ты...

На Севу снова навалилась неподъемная усталость. Ни желания, ни сил продолжать разговор не было.

— А я и есть не я. Я не люблю тебя и с тобой не буду. А пока, пожалуйста, Поля, давай сегодня закончим разговор. До лучших времен. Хотя бы до тех пор, пока ты будешь в чем-то уверена. Ей-богу, нет сил.

Полина поняла, что продолжать выяснять отношения смысла нет. Во всяком случае сегодня. Она никогда не была слишком назойлива. В этом ее не упрекнешь. Сева проводил ее до дверей, привычно дал денег на такси.

Вернулся к креслу. С этим все ясно. Неясным оставалось только одно. И пора перестать прятать голову в песок. Который час? Около одиннадцати. Марина уже должна быть в гостинице. Он по памяти набрал номер

телефона. Ладонь, в которой он держал трубку, взмокла от напряжения.

Через несколько гудков ответил веселый мужской голос:

— Алло, вас внимательно слушают.

«Наверно, ошибся номером», — мелькнула мысль.

Но тут же он услышал отдаленный голос Марины:

— Сергей, я же тебя просила, не брать трубку. Что за привычка!

И затем громко:

— Алло, алло, кто это? Вас не слышно.

Сева положил трубку. Вот и здесь полная ясность. Сергей. Даже не Федор.

На этот раз решение было мгновенным и окончательным. Без доли сомнений.

Сева договорился о встрече с Павлом на одиннадцать часов. В инспекцию, естественно, не пошел. Вот еще один серьезный плюс его новой работы — свободный график. Жаль...

Вышел заранее. Но в этот день ему отчаянно не везло. Сначала забыл необходимые документы и договор с Павлом. Вернулся, значит — не повезет. Потом вспомнил, что не предупредил Малых, чтобы тот не уходил далеко — наверняка после разговора с Павлом он понадобится. Опять вернулся. Позвонил по телефону. Конечно, Малых не было ни дома, ни на работе. Затем не мог поймать ни такси, ни попуток — как отрезало, — хотя опаздывал, сел в маршрутку. И финал — почти возле офиса Павла сзади в маршрутку врезался грузовик. Никто не пострадал, хотя дернуло прилично и даже немного заломило в затылке. Но быстро прошло. Сева на десять минут опоздал.

Поздоровались. Сева не тянул.

— Будем оформлять обмен. Я согласен.

– Сдаешься?

– Сдаюсь. Эта работа не по мне.

Павел с интересом смотрел на Севу.

– Говорят, что там тобой довольны.

– А ты откуда знаешь?

– Потапов сказал.

– Потапов? Кстати, извинись перед ним. Человек хлопотал... и, кажется, зря, – Сева вспомнил Сергея. – Определенно зря. Павел, у меня есть одно условие.

– Условие? В договоре никаких условий нет.

– Ну, значит, просьба.

И он рассказал о беседе с Полиной. Вот тут Павел не выдержал и стал смеяться. Он всхлипывал, вытирал слезы, извинялся, но остановиться не мог. Сева не знал, как реагировать. А тут еще почувствовал, что в глазах появился какой-то туман, и даже уши заложило, как в самолете при посадке.

Наконец Павел сказал сквозь смех:

– Ну, это дело мы утрясем.

– Как?

И опять приступ смеха.

– Она просто проверяла, есть ли шансы...

Павел салфеткой промокал слезы.

– Не понял.

– Не бойсь. Полина не может иметь детей.

– А ты откуда знаешь?

– Мы это уже проходили.

– А-а-а. Ясно. А знаешь, все-таки жалко ее. Она неплохая девушка. Женщина. Не сложилось.

– Наверно, ты прав. Но мы не благотворительная организация.

– И может, напрасно...

Сева уже не очень ясно понимал, что подписывает. Обещал подослать Малых. Павел сказал, что послезавтра улетает на Канары на две недели отдохнуть.

Вернется — поможет перевезти вещи. А может, даже кое-что оставит себе из Севиной мебели в дворянском гнезде. Сева согласился. Завтра двадцать пять тысяч будут на его счету.

— Ты говорил двадцать...

— Ох, Сева, ты даешь. Квартиры подорожали. Вернешь мне пять тысяч и пришлешь секундантов. Будем стреляться на десяти шагах.

Настроение у него было отличное. И Сева понял причину.

— Я еду на Канары с Немезидой. Помнишь, о ком речь?

— Конечно, помню, — сказал Сева.

— Я надеюсь на лучшее. Правда, характер у нее — не дай бог... Иной раз с твоей легкой руки мне кажется, что ее имя — Зина, Зинаида — уменьшительное от Немезиды. Ничего. Пробьемся.

На обратном пути Сева заехал в инспекцию, подал заявление об увольнении. К его удивлению, Лященко был этим огорчен.

— Сева, — он впервые назвал его по имени, — ты очень быстро вошел в курс наших непростых дел. Мы не думали, что новичок так легко освоится. Жаль, что ты уходишь. Теперь натаскивай следующего, и кто знает, какой попадется. Да, передай кому следует, что он в тебе не ошибся.

И Лященко снова от уважения к большому человеку закатил глаза. Несмотря на туман в голове, Сева в который раз удивился ореолу Потапова.

А Галина Ермолаевна просто непозволительно расчувствовалась.

Сева напрямик отправился домой. Туман в голове не рассеивался.

Вы еще не забыли мое предупреждение: в основе рассказа лежит реальная история реального человека?

Два глотка

После отдыха на Канарских островах Павел вернулся загорелый, помолодевший (еще помолодевший!) и счастливый. Все было решено. В канун Рождества должна состояться его третья и, он надеялся, последняя свадьба. Разумеется, с Зинаидой. Первый день после возвращения был под завязку загружен текущей работой, а второй Павел решил начать с посещения квартиры Фролова. Нужно было за четыре месяца отремонтировать и перестроить «дворянское гнездо». Жильцы верхнего этажа, над Севой, скоро выезжали, предварительный проект реконструкции был готов. Павел попросил секретаря предупредить прораба, проектировщика и самого Фролова о завтрашнем визите. В девять часов утра.

Секретарь Самосенко, серьезный, знающий несколько языков перспективный молодой человек, спустя некоторое время доложил, что все предупреждены, но у Фролова что-то происходит...

— Ладно, разберемся, — времени у Самосенко не было.

Ровно в девять утра Павел лично нажал кнопку звонка у двери квартиры 14 по улице Лескова, дом 3. Послышались неторопливые шаркающие шаги. Открылась дверь. На пороге стоял худой, точнее изможденный человек. Рыжеватая небритая щетина на щеках. Пижама висела на нем как на вешалке. Павел и человек не узнавали друг друга. Наконец человек в пижаме сказал с усилием, хриплым голосом и неуверенно:

— Павел?

— Ух ты! Сева? Это ты? Что с тобой стряслось?

Сева — это был действительно он — с усилием пожал плечами.

— Не знаю. Ну проходи.

И не дожидаясь ответа, повернулся и, покачиваясь от слабости, пошел на кухню.

Павел бросил стоявшим за ним прорабу и проектировщику: «Пока погуляйте, я перезвоню», и пошел следом.

Сева уселся и каким-то затуманенным взглядом уставился на Павла, явно не собираясь ни о чем говорить.

— Да что стряслось, черт побери! Заболел? Ты можешь объяснить?

— Видимо, заболел... Но объяснить не могу... И никто не может объяснить.

Говорил Сева с придыханием, с трудом. Голос был его, но как при сильной простуде, хриплый с шумами. Руки странно подергивались. «До чего же он похудел, — подумал Павел, — всего за две недели».

— А что врачи говорят? У тебя же есть деньги, мог нанять лучших.

— Говорят, что не знают, в чем дело... И за деньги, и без денег...

— Но в конце концов в хорошей больнице...

— Я три дня как из больницы... Нашего академика Пивоварова... Дал расписку, что у меня к ним нет претензий... Они не знают, в чем дело... Просветили, прощупали все, что можно. Анализы, биопсии... Думали, рак мозга — нет, говорят, нет... А весь организм разбалансирован. Весь... Разбалансирован.

Сева говорил толково, осознанно. Просто видно было, что ему трудно собрать и подчинить мысли и слова. Он поднял руку и постучал себя по лбу. Пару раз промахнулся.

— Компьютер, наверно, вышел из строя... Они сошлись, что это сильнейший стресс... Но я не верю...

— Ты думаешь, это не стресс? — с надеждой спросил Павел.

— С чего бы это? Я был доволен... что переезжаю... что уволился.

Он замолчал. Теперь Павел увидел, что и плечи у него подрагивают. И немножко ноги.

— Почему ты так похудел? Не ешь?

– Вдруг разучился глотать... Не получается... Разбалансирован... Забыл... Каждая еда – жуткая... мучительная процедура... Лучше без подробностей... А то, что запихну... сразу же или вперед, или назад... Пролетает... Еле успеваю... добежать.

Он даже попытался улыбнуться. Потом опять помолчал. Спустя некоторое время вспомнил, что он интеллигент, и добавил:

– Извини, получилось неэстетично...

– Ну ладно, а что ты чувствуешь?

– В голове туман (пауза)... В глазах песок (пауза)... В ушах шум (пауза)... В мыслях бардак. И ничего не хочется.

– Но рассуждаешь ты здраво.

– Чего мне это стоит...

Павлу было не по себе. «Господи, – подумал он, – какие в этой жизни мизерные расстояния между здоровьем и смертью. И даже под машину попадать не нужно. А тут еще мы со своими «хруст, хруст». Черт бы меня побрал».

Но нужно сказать правду, в этот момент холодный расчет бизнесмена все-таки взял верх. «Нехорошо, если он умрет в моей, то есть в своей бывшей квартире. Ждать, судя по всему, осталось недолго. Будет много мороки, а времени на реконструкцию и так в обрез. Кстати, и Зина в этом случае может не пожелать поселиться здесь. Она суеверна. Нет, Сева должен немедленно переехать, документально оформить «сдал–принял», мебель, счета. Словом – все». Хотя Павел был одним из самых влиятельных людей в городе – если не самым, – но лишних неприятностей он всегда старался избегать.

Сева вдруг оживился:

– Знаешь, что сказал на прощание Пивоваров... наш главный психолог?.. Он сказал – да поможет вам Бог... Вот мы вместе с академиком... теперь сидим и ждем... ЕГО решения – поможет... или призовет.

Длинная фраза его утомила, и Сева откинулся на спинку стула.

– Ты один в доме? А кто помогает?

Сева махнул рукой.

– Все приходят по очереди... Помощников хватает... Утомляют.

Посетителей и помощников действительно хватало. Прежде всего, естественно, напуганный и расстроенный Тюля. То вместе, то по очереди Вера, Катя, Боря Шварц с Ларисой. А Полина безропотно появлялась почти каждый день, словно наложила на себя покаяние. И глаза ее были полны сочувствия. Но помощники Севу утомляли, он хотел только покоя.

Павел решительно встал.

– Все, сегодня переезжаешь. Все вещи перевезут. Скажешь, что берешь с собой. Вызову твоего адвоката, если не ошибаюсь – Малых. Оформим. Будет при тебе опытная сестра, а не самодеятельность. Этим я сам займусь.

Сева пытался что-то сказать, но вспомнил, что перед ним Самосенко. Махнул рукой.

– Я пошел. Не раскисай. Всегда есть надежда.

– Всегда...

– Я сегодня же поговорю с Пивоваровым.

Руку Севе пожимать не стал. Трясутся, да и вообще...

Но на крыльце расстроено покачал головой. И процедил сквозь зубы:

– Хруст, хруст. Черт бы меня побрал.

Он был уверен, что период «дикого капитализма» закончился. Во всяком случае, для него. При его капиталах и влиянии уже почти не было необходимости применять «неконвенциональные меры». А вот поди ж ты, как получилось...

В литературе бытует выражение: «Он зябко передернул плечами». Так вот, Павел зябко передернул плечами, и даже не один раз.

Он вернулся на работу и сразу же связался с Пивоваровым. Спросил о Фролове. Академик очень вежливо и подробно ему все рассказал. В сущности, то же, что и Сева, но более научно. Осциллограмма почти в порядке, но сигналы разбалансированы, биопсия ничего не показала, кровь, рентген, СиТи...

— Павел Васильевич, у меня была сотрудница Фролова, такая крупная женщина. Она намекнула, что вы в нем заинтересованы. Так я связывался с Москвой, устраивал серьезные консилиумы. Не знаем причины. Наверно, стресс. Или один бог знает что... Мы сделали все, что могли. А лечить вслепую, сами понимаете...

Павел поблагодарил, попрощался. Ну и история...

Но работы было много, пора было переключаться.

Он переключился.

Вечером Сева уже сидел в своем любимом кресле в гостиной новой квартиры, действительно вылизанной и блестяще евроотремонтированной. Вы помните, что у Павла был отличный коттедж в дачном районе у моря. А этой квартирой он пользовался только изредка для того, чтобы передохнуть днем. Но основное предназначение ее было для «более-менее симпатичных девиц, стоящих в очереди». Помните? Хорошо, что Севе не приходила в голову мысль, что некогда здесь бывала и Марина. Впрочем, сейчас ему мало что приходило в голову.

Пять человек обеспечивали перевозку, включая дизайнера. Все было обставлено в лучшем виде. Вызванный лично самим Самосенко, Леша Малых проявил огромное и искреннее усердие. А когда смотрел на Севу в нынешнем варианте, то казалось — вот-вот расплачется. Особенно тяжело ему далось составление завещания. Хотя оно по содержанию было очень простым — квартиру Наташе, деньги — маме.

В этот же вечер в третьей небольшой комнате поселилась медсестра, очень интеллигентная женщина и опытная

специалистка – Самосенко слов на ветер не бросал. Ей было немногим за шестьдесят, гладкая прическа с благородной сединой, чуть полновата – такая идеальная сиделка из голливудских фильмов. Она оказалась представителем вымирающего племени любителей оперной музыки. И когда увидела фроловский фамильный комбайн «Соната», который Сева, разумеется, забрал с собой вместе с коллекцией реликтов – пластинок «гигант» на 33 оборота, то счастью ее не было предела. Она готова была слушать их без конца. Особой любовью пользовались записи Травиаты с Лемешевым и Ириной Масленниковой, и Евгения Онегина с Норцовым и Кругликовой.

Сестру звали Аглая Тимофеевна. Почему-то ее имя и отчество Севе не давались, и он упорно называл ее Агафьей Тихоновной. Сестра не обижалась. И наверно, в голове у Севы все-таки происходили смещения, потому что под звуки дуэта Онегина и Татьяны ему иногда казалось, что в салоне прибирается и подпевает не Агафья Тихоновна, а Люда. А ночью она ему приснилась. Разумеется, Люда, а не Агафья Тихоновна.

Как говорится, сон в руку. Через день после ухода Леши Малых – надеюсь, связь понятна – раздался звонок у входной двери. Сестра пошла открывать... и появилась Люда. Наяву. Сева встал. Она подошла, уткнулась ему головой в грудь. Точнее – в грудную клетку. Сева ее обнял. Она сказала:

– Где тут у тебя умывальник? Нужно руки помыть.

Сева показал:

– В коридоре, за углом.

Не поднимая головы, она ушла.

Сева был рад ее приходу, но представлял себе, как жалко он сейчас выглядит. Было стыдно. А потом подумал: «Это же Люда», и неловкость прошла.

Она довольно долго мыла руки. Когда вышла из ванной, то макияж был обновлен, глаза красные,

но походка решительная и энергичная. Раскисать Люда не собиралась.

Она не расспрашивала Севу о здоровье, и это было для него облегчением. Так неприятно было об этом всем рассказывать. Пожалуй, Люда уже все знала. Спросила, сообщил ли он о болезни маме? Пока нет, удачно получилось. Как раз накануне больницы она позвонила, и Сева догадался сказать, что в связи с переездом на другую квартиру новый телефон будут устанавливать недели две-три. Пока звонить нельзя. Об обмене обещал рассказать позже, когда все закончится. Из суеверия. Словом, отбрехался. Тогда еще силы были. Нужно будет ей позвонить. Уже пора, а то будет поздно...

— А Марине?

Сева пожал плечами и вместо прямого ответа сказал:

— Наташка сейчас у мамы.

Помолчали.

— Что ты делаешь целыми днями?

— Жду. Там, — Сева поднял указательный палец вверх, — решают... в ад меня или в рай... Поэтому задержка... Наверно, в ад...

— Не валяй дурака, — в голосе Люды была уверенность. Севе показалось, что искренняя. — Никто тебя никуда не отпустит.

— Кто не отпустит?

— Хотя бы я! Ты когда на улице был в последний раз?

— Н-не помню...

— Собирайся, — она посмотрела на часы. — У меня час свободного времени...

— Я не люблю этот район...

— Поедем к тебе. На бульвар, на скамейку. Походим.

— Прощальный визит...

— Не ной. Собирайся. Деньги есть?

Сева взял несколько сотен долларов. Экономить смысла не было.

Машина Люды была с автоматической коробкой передач. Правая рука ее была свободна. И всю дорогу она держала Севину дрожащую руку в своей. У него было спокойно на душе, но туман в голове не рассеивался. Потом они посидели на бывшей их скамейке. Недолго.

— У меня с головой точно не все в порядке. Мне кажется, что ты на меня смотришь не с жалостью, а с любовью.

— Правильно кажется.

— Но это удивительно...

— Что делать, сердцу не прикажешь. Вставай, жизнь в движении. Пройдемся. Немного времени у меня еще есть. По переулкам, где мы любили бродить. Помнишь?

— Людочка, тяжело...

— Не ной. Вперед.

Он старался не ныть, но было очень тяжело. Шатало, знобило даже в курточке, хотя на улице было тепло. Люда держала его за руку и тащила за собой. Вдруг она стала прихрамывать.

— Что-то в туфли попало. Устал? Вот скамейка. Передохни, а я пока посмотрю, что там в обуви...

Она уселась на скамейку, сняла туфли, стала вытряхивать, щупать внутри. Сева не садился — сядешь, потом нужно вставать... Огляделся. Домики были старые, двухэтажные. Прислонился к калитке. На ней большой свежий плакат на картоне.

Эльвира Митинская.

Экстрасенс, нетрадиционная медицина.

Лечение тяжелых депрессий, анемии, дисфункций.

— Смотри, Люда... Про меня написано... Может, зайти?.. Утопающий хватается...

— Сева, ты же всем этим фокусам не веришь...

В ее интонациях Севе почудились высокомерие и скепсис. Обиделся.

– В моем положении нельзя быть слишком гордым. Я зайду.

– Хорошо, Севочка. Не сердись. Но у меня времени уже нет. Ждать я не могу. Извини. Ты доберешься домой один? Возьмешь такси...

Сева смягчился.

– Конечно, поезжай. Спасибо тебе.

– Я позвоню часа через два.

И она поцеловала его. В щечку не получилось, везде была щетина. Пришлось в губы, но поцелуй был сестринский.

– Сева, я знаю, все будет хорошо!

Две ступеньки, отдельный вход. Справа от двери скромная, выцветшая табличка примерно такого же содержания, как яркий плакат на калитке.

Сева постучал – звонка не было.

– Войдите!

Сразу за дверью – не очень большая комната. Стол обычный. В кресле сидела, видимо, Эльвира, вся в чем-то пестром. Вращающийся стул предназначался скорее всего для посетителей. За пестрой ширмой выглядывает кусочек кушетки, застеленной простыней. Шкафчик. Вот в основном и вся обстановка.

Эльвира Митинская была смуглой, худой и жилистой. Выступающий подбородок. Примерно лет под шестьдесят. Вид суровый и неприступный. Голос низкий, прокуренный. Типичная гадалка и экстрасенс. Внешность вызывает мысли о потусторонних силах. Может, поэтому и занялась таким делом?

– Ну, молодой человек, вижу, что у вас не все в порядке. «Удивительная проницательность», – подумал Сева.

– Сеанс стоит денег. Но оно того стоит, – и она хрипло рассмеялась.

– Нет проблем.

– Хорошо. Верю на слово. Давайте знакомиться.

Они вежливо представились друг другу.

— Тогда сразу и начнем. Садитесь. Нет, перенесите стул сюда. Рядом со мной. Ничего мне рассказывать не надо. Мы и сами с усами.

Сева присмотрелся — усы действительно были.

— И снимите рубашку. Я буду говорить и одновременно вас щупать. — Она опять хрипло засмеялась. — В лечебных целях. Другого интереса сейчас вы не вызываете. Не бойтесь, я тридцать лет была лучшим массажистом в Городе. Сейчас силы уже не те, занялась смежной профессией.

Сева покорно снял рубашку. Эльвира придвинулась к нему и в течение последующей беседы щупала, тискала, поднимала и резко бросала его руки, разворачивала корпус, слегка массировала спину, грудную клетку, шею, голову и т. д. А спустя некоторое время уложила его на кушетку, сначала на спину, потом на живот, и продолжила свои манипуляции.

И при этом беседа была очень интересной. Впрочем, говорила она одна.

— Я вижу, что вы в наше шаманство не верите. А без доверия ничего сделать нельзя. Я попробую вам внушить веру в меня. Как? Очень просто. Сначала докажу, что я хороший телепат. Сделаем так. Вы скажите себе, что хотите вспомнить прошлое. Только дайте себе команду, не нужно напрягаться и вспоминать. Все отработает подсознание. А я вам расскажу, что мне удалось подслушать. Дали команду?

Сева довольно ехидно улыбнулся.

— Нет, не годится. Серьезней. Так хорошо. И отключитесь.

Дальше началось интересное. Она как опытная гадалка говорила вроде бы общими фразами, но это было настолько похоже на действительность, что Сева диву давался. И о том, как появился шрам на бедре, и о Тане Майоровой, и о том, как он раз в юности чуть не утонул.

И каким-то прозрачным намеком об измене Марины и их разводе-разъезде. И многое другое. Намного более определенно, чем катрены Нострадамуса.

«Интересно, — думал Сева, — это у них такая техника отработана, что в их тексты вписывается любое личное конкретное событие, или есть все-таки что-то от телепатии? Но ведь почти все укладывается». Вероятно, кое-что он сказал вслух, потому что услышал реплику Эльвиры:

- Нет, просто хорошая память.
- У кого?
- Разумеется, у вас...

Все это производило впечатление. Сева стал более серьезным.

— Теперь я вам буду делать иногда больно, чтобы вы не позволяли себе шутить, даже в мыслях, по поводу моей энергетики.

Она прикоснулась пальцем к предплечью, и Севу пронзила довольно сильная боль до поясницы.

- Ой!
- Вот видите.

Потом мышцы на животе стали вибрировать крупными волнами, хотя ее пальцы живота не касались.

Затем она уложила его на спину, нажала слегка где-то в области сердца:

- Больно?
- Нет.
- Понятно.

Перевернула на живот.

Зажала сильными и жесткими пальцами его голову, повернула вправо-влево несколько раз. Пощупала затылок. Сильно нажала в одном месте, в другом. В ушах раздался треск, и Сева увидел яркую вспышку, как при фотосъемке. Сказал об этом.

- Это хорошо.

Опять нажала в области сердца.

– Немного больно...

Словом, примерно в таком духе беседа и прощупывание продолжались более часа.

– Вставайте. Хватит разлеживаться.

– А будущее? Больной будет жить? – пытаюсь спрятать страх за шутливой формой, спросил Сева.

– До семидесяти пяти лет гарантирую. Будущее рассказывать не буду, вам будет жить не интересно. Но для убедительности скажу одно – буквально на днях вы получите предложение издалека, которое скажет вам, что у вас есть перспективы. Что вы еще нужны. И хватит с вас и с меня на сегодня. Вот вам комплекс упражнений. – Она дала самопальную книжечку с картинками. – Делайте сначала минуты две-три в день. Потом все более активно.

– Сколько я вам должен?

– Сегодня сколько сможете. А если будет результат, я вас раздену до нитки.

Ее поведение внушало доверие. Сева расплатился, дал двести долларов. Эльвира приняла это как должное.

– Да, еще одно предупреждение. Если все будет хорошо – а я верю в это, – не разрешайте врачам трогать вас, щупать, нажимать куда-то. Никаких рентгенов. Пусть пишут свои статьи о ком-нибудь другом. Только витамины и желудочные таблетки – больше ничего. Запомнили?

– На всю жизнь. До свидания. Спасибо.

– Потом скажете спасибо.

«Великое дело самовнушение», – подумал Сева, выйдя на улицу. Ему казалось, что привычный за последние дни туман начал рассеиваться. Идти было по-прежнему тяжело, может, даже тяжелее, чем раньше. И ноги дрожали, но как будто от усталости. Задыхаясь, он пошел искать такси. Стало жарко, он снял курточку. Бросило в пот. Сева хотел вспомнить, потел ли он в последнее время? Не смог. Впрочем, он уже давно не ходил.

Остановил такси. Когда приехали, задыхаясь, поднялся к себе на второй этаж. Позвонил — ключ с собой не взял. Медсестра открыла дверь.

— Извините, Аглая Тимофеевна. Ключ забыл.

Сестра с удивлением взглянула на него. Сева не сообразил почему. А вы сообразили?

Сева прошел на кухню.

— Вы знаете, — неуверенно начал он, — я бы хотел немножко тепленького бульона... Пить хочется.

Дрожащими руками Аглая Тимофеевна налила ему полстакана бульона. Он был еще теплым. Сева примерился. Глотнул, закашлялся. Потом опять глотнул. Без кашля. Допил до конца и опустился на стоящий рядом табурет без сил.

А на следующее утро позвонил Верник, исполнительный директор завода. Сказал, что насилу нашел новый Севин телефон. Что получен факс от Вилли Шварца. Он предлагает возобновить переговоры о смене инструмента! Тут уже усомниться было невозможно. Сева с удовольствием на завтрак съел то небольшое и водянистое, что дала ему Аглая Тимофеевна. Начинать нужно было так, как это делают люди, спасенные после кораблекрушения на пятнадцатый день плавания на утлом плоту в бескрайнем море, — потихоньку и очень осторожно.

Десять дней спустя

Прошло еще десять дней. Утром Павел на поезде прибыл в Киев. Он предпочитал на короткие расстояния не летать самолетами. А в столице ему приходилось бывать три-четыре раза в месяц. Ехать поездом очень удобно — ночью выспался в купе спального вагона, утром свежий

и бодрый можешь начинать трудовой день. Охрану он из Города брал с собой.

В Киеве у Павла тоже был офис. Естественно, его встречала машина. Прежде всего он заехал к Потапову, ненадолго. Общие дела. Павел был одним из крупнейших акционеров всех начинаний Потапова в Киеве, впрочем, как и в Городе. Спустя час Павел вышел из его кабинета со словами:

— Федя, не нужно меня провожать. Я сам.

По дороге зашел в кабинет к менеджеру. Марина была на месте. Бухгалтер, сидевшая у нее, увидев Самосенко, вскочила, сказала, что зайдет позже, и испарилась. Павел поздоровался и поцеловал Марину в щечку. Не много бывших пассий удостаивались такой чести. Но Марина не была пассией, скорее старым другом, учитывая многолетнюю историю их знакомства.

Они обменялись общими словами о делах, о здоровье. Нужно было бы сказать друг другу: «Ты отлично выглядишь», но это не совсем соответствовало действительности. Марина была явно утомлена — работа с утра до ночи не украшала. И может быть, она даже немного увяла, не столько внешне, сколько внутренне. Но все равно это было заметно. А Павел был не так улыбчив и весел, как обычно. Пожалуй, даже мрачен. А впрочем, оба они принадлежали к породе людей, по внешнему виду которых судить о настроении трудно.

— Марина, я уже думал, что из-за твоего бывшего мужа возьму еще один грех на душу. Сколько их было, лишний мне ни к чему.

— Что вы с ним опять натворили? — в голосе Марины почувствовалась тревога.

— Да уж натворили. После Канар я пришел перевозить его в свою квартиру...

— Так это с тобой он обменялся квартирами? Нина Григорьевна мне говорила об обмене...

– Постой, постой, ты не в курсе дела?

Марина заметно побледнела:

– Мы с ним не общаемся. Он не звонит, и я тоже...
Да что случилось?

– Случилось?! Еще неделю тому назад я был уверен, что ты вот-вот станешь вдовой. Это был живой мертвец, твой Сева. Еле живой мертвец.

Марина побелела. Покачнулась. Потом куда-то рванулась. Павел усадил ее, налил боржомом из бутылки в стакан. Дал выпить.

– Успокойся, теперь ему лучше. Кризис прошел.

– Как, почему, что случилось?

– Никто не знает. Я к нему зашел – и не узнал то, что от него осталось. Привидение. Живые мощи. И трясется. Не мог ни пить, ни есть. За две недели превратился в скелет.

Павел выражений не выбирал. И Марину не шадил. Наверно, сознательно. Он был сейчас зол на всех женщин.

– Но почему? В чем причина?

– Никто не знает. – Павел вздохнул. Но ему давно хотелось хоть кому-то признаться. – Может, только я догадываюсь.

Марина молча смотрела на него. Она была очень бледной. Растерянной.

– Ты знала, что он влез в авантюру и задолжал одному беспредельщику тридцать пять тысяч долларов?

– Я не знала, я не знала... Я чувствовала – что-то происходит.

– Но молчала, и исчезла... Да что с вас возьмешь!.. Все вы одинаковы... А этот Капаев, между прочим, угрожал вам с Наташей. Поэтому Сева пришел ко мне. Хотя ты ему про нас рассказала.

Марина заплакала. Беззвучно. Павел был неумолим.

– Мы заключили договор. Мой банк дал ему ссуду, но на условиях – если он ссуду не вернет...

– Вы отнимете квартиру?

– Нет. Мы меняемся квартирами. С доплатой. Да, милая моя, с доплатой. И я отдаю его долг этому бандиту Капаеву. Мне давно нравится ваша квартира. И я хотел, чтобы там поселилась другая. Кто знал, что она такая же, как и ты...

Это прозвучало почти как ругательство. Но Павел взял себя в руки.

– Я все рассчитал. И устроил его на такую работу, где он наверняка не выдержит. В пожарную инспекцию. Старшим взятчиком, – Павел засмеялся. – Как раз работа по Севе.

– Разве не Потапов его устраивал?

– Ха! Кто такой твой Потапов, чтобы на такое место кого-то устроить. А когда рекомендует Самосенко – все берут под козырек. Я знал, что Сева не выдержит. И я получу квартиру на блюдечке. Но не думал, что он сломается...

– А сейчас что с ним?.. – И Марина опять куда-то рванула. Павел снова ее усадил.

– Позавчера он был у меня в офисе. Пришел благодарить за сиделку, которую я ему нашел, – и не удержался: – когда его все бросили.

– Я не знала, я ничего не знала...

– Старушка – золото. Он уже стал немного похож на человека. Пока очень отдаленно. Но трястись перестал.

– Трястись? – казалось, Марина вот-вот грохнется в обморок. Павел был спокоен и холоден.

Она стала звонить по мобильному телефону. Павел терпеливо ждал.

– Когда сегодня рейс на Город? А билеты есть? А бизнес-класс? Тоже нет? Спасибо. Павел, ты все можешь. Достань мне билет. Я ничего, ничего не знала...

– Что ты заладила – я не знала. Не хотела знать. А должна была. Ладно, достану я тебе билет. Лети.

Немного успокоившись, Марина внимательно взглянула на Павла:

– Что-то ты сегодня... Как Зина?

– Не знаю.

– Вы поссорились?

– Мы разошлись. Загорелся еще один сигнал предупреждения. Не видеть его было нельзя. Но давай не будем об этом. Бизнесмен не может входить в дело, стопроцентно обреченное на провал. Даже если это любовь. Смотри, твой Сева. Уже столько времени не может себя найти. Вдрыпывается непрерывно в какие-то истории. А его любят две женщины. Одна другой лучше. И ничего их не берет. А Зина любит только себя.

– Но ты тоже к себе неплохо относишься.

Наконец-то Павел улыбнулся.

– Хотелось бы, чтобы кто-то разделял эти чувства.

Времени до вылета оставалось немного. Прежде всего Марина позвонила в Израиль. Послезавтра должна была вылететь в Киев Наташа. Марина как можно спокойнее попросила Нину Григорьевну отменить вылет, сдать билет. Потери она компенсирует. Очень важная срочная командировка, нельзя не поехать. На неделю. Да, Наташа опоздает к началу учебы. Третий класс, ничего страшного. Марине показалось, что никто по ту сторону моря особенно не расстроился. Мало того, создалось впечатление, что они там все втроем этим довольны...

Тяжелее прошел второй разговор, с Федором Михайловичем. На высоких тонах. «Мой муж тяжело заболел», – звучало рефреном. «У нас договор», – возражал Потапов. Сошлись на неделе отпуска.

А о еще одном необходимом разговоре Марина вспомнила уже перед уходом: «Надо же, чуть не забыла!» Буквально на ходу набрала номер.

– Алло! Сергей?

- Да, милая.
- Встреча отменяется. Извини. Муж тяжело заболел, я лечу в Город, прямо сейчас.
- Но мы пригласили к тебе в номер кучу народу...
- Извини. Не сердись. И... не поминай лихом.
- Не понял... Ты имеешь в виду, что все кончено?
- Да, не сердись, все кончено. Еще раз прости, опаздываю.

И она отключила свой мобильный телефон. Отключила питание. Чтобы больше не беспокоили.

Я уже говорил, надеюсь, вы помните, цитирую себя: «Если порвать хочет женщина, то все происходит быстро и решительно».

В этот день Люда пришла домой пораньше. Дети были у бабушки, муж еще на работе. Настроение было какое-то меланхолическое. И для этого были все основания. Ее клиенты что-то между собой не поделили, и одна половина накапала в прокуратуру на другую. Они дружно пилили сук, на котором сидели. Люда была очень осторожна, не подписывала никаких финансовых документов, только консультации. Но все равно, неприятная ситуация. Все-таки сейчас непредсказуемое время...

А тут еще Сева снова ее взбаламутил...

Она переоделась, удобно устроилась на диване, нашла радиостанцию «Классика». Пока никого нет дома, можно послушать без помех. Придет Вова, начнет ворчать: «Опять включила свою тягомотину. Нашла бы лучше Пугачиху или группу «Комбинация».

Люде повезло. Сразу после включения, как по заявке, зазвучал концерт Моцарта для фортепиано с оркестром до мажор 21, одно из самых любимых Людой произведений. При первых же звуках концерта она обмирала. Сегодня эта берущая за душу музыка довела ее едва ли не до слез. «Стареем, становимся сентиментальными».

Зазвонил телефон. Люда с сожалением уменьшила звук.

– Алло.

– Здравствуй, деточка.

– Здравствуйте, тетя Элла.

Люда узнала бас своей двоюродной тетки, в прошлом высококлассной массажистки, которая последние лет пять подрабатывала экстрасенсом под красивым псевдонимом Эльвира Митинская.

– Ты знаешь, кто у меня сегодня был? Твой Фролов. Разыскал, хотя я сняла твое дурацкое объявление. Говорит, с ног сбился, пока нашел. Ну, сбиться ему нетрудно. Он еще на ногах не очень крепко держится. Хотя не сравнить с тем, что было. Молодец.

– Я знаю. Я с его медсестрой разговариваю каждый день. Чудная женщина.

– Дал мне тысячу долларов. Я взяла. А что! Заслужила.

Она захохотала так, что пришлось Люде отвести трубку подальше от уха.

– Я его спросила – для провокации, – кто меня ему рекомендовал. И знаешь, что он мне ответил? Слушай внимательно. «Никто. Так случилось, что привел меня прямо к вашему порогу человек, которому я обязан лучшим, что было в жизни. А теперь и самой жизнью».

– Так и сказал?

– Так и сказал. Я специально запомнила, чтобы тебе слово в слово повторить. Очень красиво. Он у тебя умеет красиво говорить.

– У меня... Жалко, что я о нем не могу сказать того же, что он сказал обо мне. Но мы, тетя Элла, все это здорово придумали.

– Мы! Ты придумала, я только весь вечер учила его биографию. Ты из опытного экстрасенса сделала шарлатана.

– Тетя Элла, главное результат. Важно было, чтобы он в тебя поверил. Он такой скептик. Ведь сработало! Он

поверил в тебя и в себя. А уговорить Верника позвонить Севе насчет якобы факса Шварца?! Это было похлеще «Операции Ы».

Люда рассмеялась, Эльвира Митинская вторила ей прокуренным басом.

— Ты ему ничего не рассказала?

— Нет, хотя, — со вздохом, — придется. Хотя бы из-за предложения Шварца. Которого не было. Но пусть немного окрепнет.

— Ты его так и не видела?

— Нет, он просит, но... лучше не надо. Так спокойнее.

— Я понимаю, деточка, — бас стал мягким, насколько это было возможно.

Они немножко помолчали, повздыхали каждая на своем конце провода.

— А знаешь, деточка. Я его немножко пощупала. Позвончик. Думаю, все будет хорошо. Но вот хотела тебя спросить — он не падал, в аварию не попадал?

— Вроде бы нет. И они его в больнице просветили насквозь. Все проверили.

— Да уж, они проверят...

Оставим их, пусть поговорят. И повздыхают.

На улице стало темнеть, когда Марина с сумкой в руках позвонила в дверь нового Севиного — а может, и своего? — жилья. Квартира ей была знакома, но вспоминать об этом не хотелось. Аглая Тимофеевна открыла дверь и могла наблюдать сценку, которая была ремейком недавнего посещения Люды.

Сева при виде Марины встал, она уронила сумку, подошла к нему и тоже уткнулась головой в его грудную клетку.

Сева был гладко выбрит, за десять дней набрал три килограмма, но на его крупных костях это было мало заметно. Вместо щек впадины, цвет лица все еще оставлял желать лучшего. Словом, Марине было от чего расстроиться.

Аглая Тимофеевна тактично и бесшумно ушла в свою комнату.

Точно так же, как Люда, Марина сказала, что нужно помыть руки, так же, не поднимая головы, повернулась — и вот тут произошла накладка по сравнению с первым сценарием. Марина не спросила, где ванна, а прямо направилась за угол комнаты. Сева все понял. Но нужно сказать, не слишком огорчился своему открытию. В конце концов он знал, что это было, а где — не так уж важно. Хотя настроение немножко испортилось. Марина, как и Люда, вышла с красными глазами и обновленным макияжем, но промашки своей не заметила.

Она села на стул, Сева в свое любимое кресло.

— Я не знала, Я ни о чем не знала... Но сейчас самое ужасное позади?

— Надеюсь.

— А в чем причина? Стресс?

— Никто не знает. Медицина оказалась бессильной. Помогло чудо. Оказывается, чудеса случаются. Если есть ангел-хранитель.

— Люда? — интуиция Марину не подвела.

Разговор остановился. Никто из них не знал, как его продолжить. Молчание затягивалось, и тогда Сева, не торопясь, рассказал, как Люда его вытащила на прогулку, как он случайно наткнулся на экстрасенса. И о двух глотках бульона. Он никому, кроме Люды и Аглаи Тимофеевны, об этом не рассказывал. Уж очень несовременно это звучало.

— А Люде рассказал об экстрасенсе?

— Да, по телефону. У нее с тех пор нет времени со мной встретиться. Много работы. Или не хочет... Знает, что я пошел на поправку. Но если мне будет плохо, она... не исчезнет.

Сева вспомнил: «О Трот, слепец, слепец, слепец!»

Что могла сказать Марина?

— Я не знала, я ни о чем не знала...

Но это она уже говорила.

Как бывает в подобных ситуациях, пора было переходить ко взаимным обвинениям. Об этом говорит весь многовековой опыт разводящегося человечества. Я знаю это на личном примере. Может быть, кое-кто из вас прошел через нечто похожее...

Марина начала первой.

— Я все понимаю и ни в чем себя не оправдываю. Но и ты затянул поиски работы. Это уже превращалось в инфантильность. У тебя семья... А тебе втемяшилось, что ты неудачник.

— Ничего не втемяшилось. Просто мне приспособиваться было тяжелее, чем многим другим. И характер, и профессия... Ты знаешь, с кем я в очередь сторожил ночью магазин? С начальником ОТК крупного завода и с директором школы. Но от них жены не ушли.

И он неожиданно повеселел:

— Марина, не таким уж я был безнадежным бизнесменом. Придумал все-таки вполне реальную идею ценой в сто тысяч долларов. И это только для начала. Другое дело, не был знаком с бандитской изнанкой жизни. Можно научиться, но нет желания. И, да будет тебе известно, я быстро стал неплохим пожарным инспектором, и начальство мною были «очинно довольны». Просто это было противно. Я действительно устаревшей конструкции. Для меня самое главное, чтобы было по душе. И дело... и все остальное. Деньги тоже, конечно, но потом. Так что не стоит меня жалеть. Я надеюсь еще найти свое место. Начнет устаканиваться, без таких, как я, не обойдутся, которые еще что-то умеют, кроме как менять шило на мыло. Или брать друг у друга взятки. И завод, кстати, стал помаленьку оживать. Просто в трудное время не все меня поддержали. А некоторые...

— Предали?

Сева промолчал.

– Ты тоже не белый и пушистый. Думаешь, приятно все время чувствовать, что ты не одна?..

– В моей жизни по-настоящему было две женщины. С одной мне было лучше всего. И надежно. Там я был дома.

– Конечно, это Люда.

По выражению лица Марины, как обычно, ничего нельзя было понять. Но Сева ее видел насквозь. А при ее умении владеть собой, такое «насквозь» просто необходимо. Он улыбнулся:

– А другую я любил. Очень любил. Тебя, между прочим.

– Разве это не одно и то же?

– Нет, оказывается, совершенно разные чувства.

Во всяком случае, так было у меня.

Марина отвернулась. Может, боялась, что спокойствие ей изменит?

– Ты все в прошедшем времени. Уже не любишь?

– Не знаю.

– Понятно.

– Я не разрешаю себе думать об этом.

– А если бы разрешил?

– Вспомнил бы все, что произошло в последние два года.

– И все-таки? – Марина повернулась к нему, лицо напряженное, даже злое. Настоящая фурия. Просто чудеса!

– Да успокойся ты, люблю я тебя, люблю. Не знаю, зачем тебе это нужно.

Марина с той же экспрессией, необычной для нее, продолжила:

– А мой дом с Наташкой здесь. Возле тебя. Зимой гостить у бабушки с дедушкой в Израиле. Летом они к нам. Устала я без вас. Примите обратно. Я больше не буду.

И все так же, не отводя взгляда от глаз Севы, она ожидала ответа.

Сева заговорил спокойно и серьезно. Казалось, они обменялись темпераментом:

— Ты знаешь, чему я научился по ту сторону жизни за эти две недели? Мне кажется — мудрости. Не считай это хвастовством. Мы сегодня узнали многое. Я узнал, что ты хочешь вернуться. Ты узнала, что я все еще люблю тебя. Пусть время решит за нас остальное.

— Что это значит?

— Марина, ты сама предложила пожить полгода отдельно и проверить себя. Полгода еще не кончились. И твой договор с Потаповым тоже. Пусть все идет, как мы решили. Будете приезжать ко мне с Наташкой из Киева время от времени на выходные. В гости. И я иногда к вам, когда окрепну. Это была не просто безобидная размолвка. Мы много дров и костей наломали. Многое должно зажить. Время покажет.

Эльвира Митинская лежала в пестрой пижаме под пестрой простыней на кровати и читала любовный роман. Рядом лежал в простой пижаме ее муж дядя Гриша и читал «Спортивную газету».

— Элла, — спросил дядя Гриша, — что тебе рассказала Людочка? Никакой новой затеи не придумала? Со своим Севой?

— Нет, она уверена, что это был стресс.

— А ты так не думаешь?

— Стресс, конечно, был, как же без него. Такого и железо не выдержит. Но Гриша, я прежде всего массажист, а потом уже шаман. Мне кажется, у него было малюсенькое смещение, между вторым и третьим позвонком. Там все нервные окончания... Как тебе объяснить попроще, чтоб ты понял? Вроде как голова дернулась назад, и малюсенький-премалюсенький кусочек отложения солей немножко зажал эти тончайшие волокна... Ну, ты понимаешь. Я немного все осторожно вправила, и главное, он увидел вспышку. И дала упражнения на будущее.

— Элла, в больнице они все проверяли самой последней техникой...

— Ну вот, и ты туда же, как Люда. Фома неверующий. Какая техника сравнится с пальцами, которые за тридцать лет перешупали не знаю сколько тысяч этих позвонков.

— Да, наверно, все вместе — и сдвиг в позвонке, и сдвиг по фазе. При такой жизни все может быть, — дядя Гриша был скептиком.

— Но позвонки или не позвонки, все равно Людочка его спасла, иначе бы он ко мне не попал.

— И пусть они оба будут здоровы.

— И счастливы. Если это возможно.

Она с чувством вздохнула... и вернулась к любовному роману.

— Ты прав, Тюля, тяжелое время. Мутное. Как нас всех покорезило и разбросало!.. Но знаешь, о чем я подумал?

— Ну?

— Как тебе кажется, нас должно утешать, что могло бы быть намного хуже?

— Не знаю. Вряд ли... Хотя...

— Смотри. Социализм навалял горы трупов. И покончить с ним нелегко. Всякое происходит. Но понемногу мы движемся вперед.

— Сева, ты остался великим демократом? Мало тебе всыпали?

— Нет, просто стараюсь быть объективным.

— Ну да, — вздохнул Тюля, — у нас всегда так. Скажи спасибо, что жив остался...

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ	5
----------------------------	---

Часть первая

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Человек на своем месте	9
Жертвы устаревшего воспитания	17
Вы будете смеяться, но Сара тоже умерла	30
Опять новости	48

Часть вторая

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ

Из князи в грязи	64
Два бизнесмена	79
Обычное утро и необычный вечер	89
Плутовской роман	106
Эффект домино	120
Эффект домино (продолжение)	144

Часть третья

ВИШНЕВЫЙ САД

Это тенденция	156
«Как стать миллионером»	168
Как все, так и я	180
За границей и в столице	191
«Ухожу оплеванный»	200
Два глотка	214
Десять дней спустя	226

Літературно-художнє видання

ЛОЗОВСЬКИЙ ОЛЕКСАНДР
ХОРОШО ЗАБЫТОЕ НОВОЕ

Роман

(російською мовою)

Відповідальний за випуск

Юрій Ковальський

Обкладинка — *Олексій Біленко*

Оригінал-макет — *Владислав Ковальський*

Коректор

Людмила Гребельнік

Підписано до друку 20.12.19.

Формат 84x108 1/32

Папір офсетний. Друк офсетний.

Ум. друк. арк. 18,48.

Зам. № 19-216

ТОВ «Журнал «Радуга»,

01030, м. Київ, вул. Б. Хмельницького, 51-А.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи

до Державного реєстру видавців:

серія ДК № 5209 від 15.09.2016.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»,

07400, Київська обл., м. Бровари, б-р. Незалежності, 2, кв. 148.

e-mail: 7bc@ukr.net, тел: (044) 592-00-80

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи

ДК № 5329 від 11.04.2017.

